Архиепископ Никон

МЕЧ ОБОЮДООСТРЫЙ

1913

(Из “Троицкого слова” №№ 151—200)

С.-ПЕТЕРБУРГ.
АО «Санкт— Петербургская типография №6»
1995

Братия и сестры!

По благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна возобновляется деятельность Большого Тихвинского Успенского мужского монастыря. С предложениями о помощи монастырю обращайтесь по телефонам;

108-55-50, 295-17-39, 557-45-02 в СПб

11-669 в Тихвине.

ISBN 5-900248-29-1

Архиепископ Никон (Рождественский)

Меч обоюдоострый. СПб., 1995,— 320с.

Любит Господь нашу Русь Православную, которая когда-то не напрасно именовалась святою, а ныне так много и тяжко согрешает пред Богом, — любит и любя наказует, и наказуя милует, и в самом наказании пути к избавлению указывает. Только будьте, русские люди, внимательны к неисповедимым путям промысла Божия и вы ясно увидите в них перст Божий, указующий вам, где и в чем искать спасения родной стране, — писал в 1913-ом году архиепископ Никон (Рождественский).

Лицензия ЛР №010230 от 10.04.92 г.

Подписано к печати с готового оригинал-макета 01.09.95 г. Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 15 000. Зак. 120.

АО “Санкт-Петербургская типография № 6”

193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко д. 10.

© Большой Тихвинский Успенский мужской монастырь. 1995

© Оформление обложки Н. Груздев.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

МЕЧ ОБОЮДООСТРЫЙ 4
ОБ АНОНИМАХ, ОБ "ИНАКОМЫСЛЯЩИХ" И ОТВЕТ ОДНОЙ ИЗ НИХ 8
ДОСТОСЛАВНОЕ ТРЕХСОТЛЕТИЕ 12
О ДУХОВНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 17
ВЕРА ХРИСТОВА НЕ ТЕРПИТ ДВОЕДУШИЯ 21
I 21
II 23
III 25
ОБ АПОКРИФИЧЕСКОЙ МОЛИТВЕ И ЛЕГКОСПАСЕНЦАХ 29
МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ В НАШЕЙ СТОЛИЦЕ 33
I 33
II 34
В ЗАЩИТУ СВЯТОГО ПОСТА 35
НОВЫЙ МОЛИТВЕННИК ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ 40
СОВЕРШИШАСЯ! *(На Великую Пятницу)* 45
НАШЕ СОЛНЦЕ - ХРИСТОС! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! 46
УРОК С НЕБА 48
ОДИН ИЗ НЕВИДНЫХ СТРАЖЕЙ ДУШИ НАРОДНОЙ *(Памяти моего дядюшки)* 52
МИЛОСТИВОЕ ЦАРСКОЕ СЛОВО 58
НОВАЯ ПОРЦИЯ ЯДА ОТРИЦАНИЯ 59
НА ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ ТОРЖЕСТВЕ 61
ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ ОКОЛО СВЯТЕЙШЕГО ИМЕНИ БОЖИЯ 64
I 64
II 70
III 74
IV 78
КАК УЧИТ СВ. ЦЕРКОВЬ ОБ ИМЕНАХ БОЖИИХ *(Выписки из св. отцов и церковных вероопределений)* 79
ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО "ВЕРОВАТЬ" ? 80
МОИ ВИНЫ ПРЕД КАГАЛОМ 81
МОЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ПРОПОВЕДЬ И ПАМЯТЬ О НЕЙ В ЖИДОВСТВУЮЩЕЙ ПЕЧАТИ 84
ЯД ГОРДЫНИ 88
ДРУЗЬЯМ ЮНОСТИ МОЕЙ *(Питомцам московской духовной семинарии, выпуска 1874 г.)* 95
ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ КРЕСТА НАД ЯЗЫЧЕСТВОМ 96
МОЯ ПОЕЗДКА НА СТАРЫЙ АФОН И ПЛОДЫ "ВЕЛИКОГО ИСКУШЕНИЯ" 98
НОВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. БУЛАТОВИЧА 117
ЖИВЫ ЛИ МЫ? ***(Мое доброе слово верующим интеллигентам)*** 123
СМИРЕННОМУДРИЕ ПРАВОСЛАВИЯ 127
I 127
II 130
О НАСТРОЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЮНОШЕСТВА И ДОБРОЕ СЛОВО ЗАКОНОУЧИТЕЛЯМ 134
КУДА МЫ ИДЕМ? *(К сведению законосоставителей)* 137
ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВОЛХВЫ И МУДРЕЦЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 142

МЕЧ ОБОЮДООСТРЫЙ

Никогда, может быть, даже во времена гонений от язычников, не было столько опасностей для Церкви, как в наши, якобы мирные, дни. Ей грозят и внешние и внутренние враги. Внешние — это секты и расколы, открыто отпадшие от нее: внутренние — это не порвавшие открыто единения с нею, но уже не единомышленные, уже мудрствующие по своему смышлению в вопросах веры и понимания жизни по вере. И последние, при известных условиях, могут быть опаснее первых. Потеряв доверие к авторитету руководительства церковного, они легко могут подчиниться влиянию еретичествующих мудровании и запутаться в сетях, расставленных еретиками. И это может произойти незаметно для них самих: некоторое время они будут еще считать себя православными, полагая, что усвоенные ими разномыслия, не существенны, но потом, укрепившись в этих разномыслиях, будут уже и самую Церковь обвинять в неправом понимании своего учения и тем увлекать других, верных чад Церкви. А сии чада Церкви, зная их за православных, без всякого опасения будут прислушиваться к их мудрованиям и отравляться ими. Вот почему нам, пастырям Церкви, необходимо зорко стоять на страже святынь православия, внимательно следя за всеми, даже, по-видимому, благоприятными течениями и явлениями в духовной жизни народа и образованного общества, зная, что и сатана иногда преобразуется в ангела светла, и яд иногда преподносится под видом лекарства... И чем невиннее кажется внешняя форма, в которую облечена опасная для Церкви тенденция, чем полезнее представляет то или иное начинание, та или иная добрая мысль, тем тщательнее следует обсудить это с точки зрения церковного учения, тем больше должно осветить это светом церковным. Да это, кажется, и сознается, по крайней мере некоторыми из тех, кто верен заветам Церкви и понимает опасности, ей грозящие в наши дни. Поневоле становишься чуток, иногда до болезненности, когда постоянно видишь, как враг подкрадывается с той стороны, откуда его не ожидаешь. А посему, пусть простят нам, пастырям Церкви, те добрые миряне (от пастырей я этого не ожидаю), которые ненамеренно, неосторожно, по неопытности в духовной жизни, в деле учительства, иногда односторонне освещают тот или иной вопрос в области этого учительства и тем дают нам повод обращать внимание на эту односторонность в предостережение чад Церкви от увлечения этою односторонностью. Мы полагаем, что такие указания полезны не только самим чадам Церкви, но и тем, кто является вольным или невольным виновником этого увлечения. В Церкви Божией, как в живом теле Христовом, все члены должны беречь друг друга и каждый должен знать и делать свое дело в духе любви и святого послушания Господу и ей, матери нашей — Церкви.

Недавно мне пришлось быть в собрании “Христианского содружества учащейся молодежи”. Доклад делал председатель общества распространения Священного Писания в России, почтенный Э. К. Пистолькорс на тему: “О практическом значении Слова Божия в жизни”. В живой, одушевленной любовию к Слову Божию речи докладчик изобразил “различные грани” Слова Божия, сравнивая его с драгоценным алмазом, — его действие на душу человеческую, необходимость для христианина изучать его, проводить в жизнь, “реагировать им на печальную действительность нашего времени” и стремиться к духовному возрождению чрез слово Божие... Речь окончилась; но, как говорится, в воздухе чувствовалось, что осталось что-то недосказанное. Руководитель “Содружества”, протоиерей Лахостский предложил присутствующим высказаться по содержанию доклада, и на кафедре появилась молодая девушка. Чуткая юная душа попыталась высказать то, что, мне казалось, было на душе не у нее одной. Она указала, что докладчик как-то замолчал Церковь: призывая читать Слово Божие, он не упомянул, что в церкви, при богослужении, оно читается постоянно, что при домашнем чтении надобно быть особенно осторожным в его понимании... После обмена мыслей нескольких лиц, я со своей стороны сказал, что очень был рад встретиться не только с

представителем, но и с председателем того общества, с коим, лет 25 тому назад, вел полемику в “Церковном Вестнике”. Я указал тогда на один существенный недостаток устава этого общества, недостаток, который ощущается особенно в наше время. Дело в том, что общество поставило своею задачею распространение исключительно Слова Божия, Священного Писания, не допуская к распространению чрез своих книгонош каких-либо, даже и Церковию одобренных, даже святоотеческих толкований Слова Божия. Такая односторонняя постановка дела совершенно не соответствует нашему православному пониманию этого святого, в сущности, дела. Еще апостол Петр, например, заметил, что в посланиях апостола Павла “есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и его, так и прочие Писания” (2 Петр. 3, 16). Тот же апостол, одобряя верующих, что они обращаются к слову Божию, “как к светильнику, сияющему в темном месте”, однако же предупреждает, “что никакого пророчества в Писании нельзя разрешать самому собою”, и что это надо “знать прежде всего” (2 Петр. 1, 20). Сам докладчик сказал, что Слово Божие, по свидетельству апостола Павла, есть меч духовный, и притом оно “острее всякого меча обоюдоострого” (Евр. 4, 12). Кто умеет владеть сим мечом, тот поражает врагов своего спасения, а кто не умеет владеть им, как должно, тот легко может нанести им вред своей же душе. Всегда должно помнить, что сим оружием часто пользуются и враги наши — диавол и его слуги верные, разные лжеучители.

Вспомните, как сатана искушал Господа: и он, ведь, ссылался на Священное Писание: писано есть... Подобным образом искушал он и святых подвижников: например, склоняя их к нарушению обета целомудрия, он указывал на слова Писания: не добро быти человеку единому... честна женитьба во всех и ложе нескверно.

Все ереси, все лжеучения и расколы произошли оттого, что люди не понимали истинного смысла Священного Писания. Прочитает человек какое-либо место в Писании и начнет толковать по-своему, как вздумалось, погрешит в своем толковании, а там и от единства Церкви Божией отделится, сделается ересиархом. Нужно ли приводить примеры? Вздумал Арий протолковать по своему слова Христа Спасителя: Отец Мой более Мене есть — и преткнулся своим мудрованием и впал в богохульную ересь: Сына Божия, Отцу единосущного, назвал такою же тварию, как и Ангелов Божиих, за что и предан был анафеме на Первом Вселенском Соборе. И сколько было таких безумных, самочинных толкователей Священного Писания, и все они были упорными противниками Святой Церкви, сынами погибели!

Один толковал по-своему вторую заповедь Божию и стал иконоборцем, другой стал по-своему объяснять слова апостола: един ходатай Бога и человеков — Христос Иисус, и стал мудрствовать, будто уже вовсе не нужно призывать в молитве на помощь ни Матери Божией, ни святых Ангелов, ни святых угодников Божиих; третий прочитал слова того же апостола: благодатию есте спасени, чрез веру, и начал толковать, будто уж и добрых дел совсем не требуется для спасения... Вот какие богохульные лжеучения происходят оттого, что люди берутся не за свое дело — толкуют Слово Божие по-своему, как им на ум придет, и не так, как изъясняет оное святая Церковь Православная.

Как же быть, что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания? Как научиться владеть мечем обоюдоострым? Прежде всего помни, что ты спасаешься не сам по себе, не как отдельный человек, якобы имеющий непосредственный доступ к своему Спасителю, а только как член тела Его — Церкви, спасаешься в Церкви и чрез Церковь. Все дело спасения Господь поручил Церкви и вне ее спасительного лона нет спасения, как никто не избежал всемирного потопа вне Ноева ковчега.

Блаженный Августин говорит: “спасается только тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь”. Она и только она есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15), в ней — богоучрежденное священноначалие, в

ней все богоустановленные таинства, она — хранительница священного предания и непогрешительная истолковательница слова Божия. “Не должно у других искать истину говорит святый Ириней, ее легко заимствовать от Церкви, ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежит истине. Где Церковь, там и Дух Божий, там и всякая благодать”.

“Кто Церкви не слушает, — говорит другой святый отец, — тот не сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца, кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни”

“Хочешь спастись? — поучает святитель Златоуст, — пребывай в Церкви и она не выдаст тебя. Церковь есть ограда: если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк, а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же от Церкви: нет ничего в мире сильнее ее. Она — твоя надежда, в ней твое спасение”. Помни: “кому Церковь не мать, — говорит святитель Киприан, — тому и Бог не Отец!”

Вот вам заветы святых отцов и учителей Церкви! В этом руководственном общем правиле, или догмате, спасения уже заключается ответ и на вопрос: что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания.

Крепче держись учения и руководства матери Церкви; когда встретишь в Слове Божием что-либо для тебя непонятное, ищи объяснения не в своем мудровании, не в мудровании самочинных толковников Писания, коих ныне развелось так много, а там, где повелевает искать его святая матерь твоя — Церковь православная. А она указывает нам такие объяснения в самом же Священном Писании (например, что непонятно в Ветхом Завете, то часто объясняется в Новом), предлагает в своих символах, или изложениях православной веры, в определениях Святых Соборов, в писаниях отцов и учителей Церкви — вот где найдешь ты разрешение всех твоих недоумении.

Святые отцы толковали Священное Писание так, как их учили сему святые апостолы. Из 2-го послания апостола Петра уже видно, что он объяснял своим ученикам “неудобовразумительные” места посланий апостола Павла. Апостол Павел не раз ссылается на то, чему он учил словесно. А как строго святые отцы и учители Церкви хранили все то, что приняли от святых Апостолов, это видно из их же писаний.

Так св. Ириней решительно говорит, что “незнающие предания апостольского не могут познать истину из одного Священного Писания”.

Св. Климент Александрийский говорит, что “те, кто толкуют Священное Писание не по церковному преданию, а по своему мудрованию, потеряли правило истины”. — “Только тогда прекратятся заблуждения человеческие, — пишет святитель Киприан, — когда мы будем толковать Слово Божие согласно с преданием Церкви”. — “Не следует самому вдаваться в изъяснение Священного Писания, — предостерегает св. Варсонофий Великий, — ибо дело сие представляет немалую опасность для неверующих. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о Священных Писаниях по своему разумению — есть безумие” — Вот почему святая Церковь на Шестом Вселенском Соборе решительно законоположила: “аще будет исследуемо слово Писания, то не иначе да изъяснится оное, разве как изложили светила и учители Церкви — богоносные отцы” (пр. 19).

Вот общее правило для тех, кто ищет разумения Священного Писания. Живи в Церкви, мысли по-церковному, вопрошай о всем Церковь, ищи у нее разрешения всех твоих недоумений, смиряя свой разум в послушание Церкви. А высших себе не ищи и крепших не испытуй: яже ти поведенная — в сих пребывай. “Кто не в Церкви, — говорит св. Иларий, — тот вовсе не может разуметь божественного слова”. И это понятно: Слово Божие есть слово жизни, а благодатной жизни вне Церкви — нет! Вот почему для погибающих оно есть юродство в то

время, когда для спасаемых — сила Божия. И пока человек не живет в Церкви, не исполняет животворящих заповедей Христовых, дотоле для него и Слово Божие — книга запечатленная, как бы написанная на чужом языке.

Кто знает, например, еврейскую азбуку, тот может читать по строкам и еврейскую Библию, но чтобы понимать каждое слово в ней, надо знать еврейский язык. Иначе можно громко читать еврейской текст, но вовсе не понимать, что читаешь.

Есть много ученых, знающих Библию от доски до доски, исследовавших ее текст на всевозможных языках, но совершенно чуждых ее духа, рассуждающих о сем духе как слепой судит о цветах или глухой — о музыке. А кто живет по заповедям Божиим, в благодатном общении с Церковью, на том сбываются словеса Христовы: утаил еси, Отче, сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем.

Великий началоположник монашеского жития, преподобный Антоний, прозванный Церковью именно Великим, не знал даже грамоты, а Слово Божие знал так, как не знают его наши ученые.

Преподобная Мария Египетская, проведшая бурную молодость в грешных наслаждениях, а затем, очищенная 47-летним подвигом в пустынях Иорданских, так поразила преподобного Зосиму знанием Писаний, что старец воскликнул: “где же ты научилась писаниям?” — и получил ответ от смиренной подвижницы: “Бог посылает знания смертным”... И такие чудеса просвещающей благодати Христовой возможны только в Православной Церкви.

Та же благодать руководила и тех святых мужей, которые, живя в Церкви, освящаясь и так сказать питаясь ее таинствами, очищая свое сердце от страстей, писали свои толкования на Слово Божие. О святителе Златоусте, например, рассказывал его ученик и друг, а впоследствии и преемник по кафедре, св. Прокл, что сам он, Прокл, видел не раз ночью, как в часы писания Златословесным учителем его бессмертных толкований на послания апостола Павла, сам сей апостол таинственно руководил пишущим святителем, и это видение было как бы олицетворением верования древней Церкви, что кто благоговейно изучает Слово Божие, руководясь преданием Церкви, (а Златоуст сам свидетельствует, что пишет “не свои слова, а слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей”), тому таинственно содействует в сем святом деле благодать Божия за молитвы Церкви, на небесах торжествующей. Что в живом человеке память, то в теле Церкви — предание: это живой голос Церкви небесной, присно пребывающей в благодатном общении с Церковию земной. Руководиться одним своим смышлением в толковании Слова Божия отвергая предание, значило бы то же, что потерять память в личной жизни, забыть свой личный опыт, все уроки прошлого. По мере того, как человек живет, у него накопляется опыт, обогащается память; то же и в Церкви: с течением веков историческая жизнь Церкви осложнялась, являлись новые запросы, появлялись новые лжеучения, и собирательный ум Церкви должен был все глубже и глубже опускаться в “море писаний”, как выражается святитель Златоуст, и оттуда доставать все новые и новые жемчужины учения церковного, а избранные мужи, носители духа церковности, верные хранители церковных преданий, запечатлевали это в своих писаниях и, таким образом, вносили их в сокровищницу церковного предания. Благодатию Божией Православная Церковь живет и поныне, тщательно охраняя сокровищницу преданий, а Дух Божий, веруем, обогащает сию сокровищницу и в наши грешные времена, по нуждам Церкви воздвигая в Церкви таких мужей веры и духовного опыта, как святители Филарет Московский, Феофан Вышенский и другие. Их вклады в сокровищницу церковного понимания Слова Божия останутся на веки Драгоценным достоянием церковного предания. Если даже примешалось к их мнениям что-либо человеческое, то оно отвеется потом само собою, а чистая пшеница, а дух церковности в их писаниях останется и будет питать грядущие поколения чад Церкви. Церковь оценит смиренный, благоговейный “труд любви” сих и им подобных пастырей и учителей по истолкованию Слова Божия, оценит их любовь к

преданиям ее, и будет ставить их в пример грядущим преемникам... Так, созидается церковное предание и в наши скудные верою дни, и Дух Божий, веруем, руководит в сем созидании, имиже Сам весть путями. Оно всегда зиждется на слове Божием, на предании Церкви веков минувших, всегда согласно с сими источниками церковного учения и лишь раскрывает сие учение, применяясь к потребностям нашего времени. И в сем проявляется жизнь Церкви, яко тела Христова, присно живого и присно единого. Вот почему Церковь, в своем Катехизисе, признает священное церковное предание источником Божественного откровения наравне со Священным Писанием. Вот почему и ревнители распространения Священного Писания, отказываясь распространять одобренные Церковию толкования оного и тем как бы предоставляя читателям руководиться своим смышлением против Церкви, против тех, кто жаждет разуметь Слово Божие по разуму Церкви. Вот почему, скажу в заключение, нельзя не пожелать, чтобы Общество распространения Священного Писания изменило, наконец, свой устав, стало уже без всяких сомнений на православную почву в своем святом деле, перестало, так сказать, действовать одною рукою и включило в круг своих обязанностей распространение не только книг священных, но и одобренных Церковию толкований сих священных книг. Мы живем в такое время, когда ничего недосказанного, ничего сомнительного быть не должно...

ОБ АНОНИМАХ, ОБ “ИНАКОМЫСЛЯЩИХ” И ОТВЕТ ОДНОЙ ИЗ НИХ

Ныне в большом ходу анонимные письма. Обычное их содержание — колкости, попреки, прямая ругань или же клеветы, и все это — из-за угла, чтобы получивший не знал, кто пишет. Правда, иногда пишущие имеют, будто, и добрую цель: указать на те или иные недостатки, непорядки, но тогда зачем же честным людям укрываться, по крайней мере, от того, кому пишут?.. Другое дело просить адресата, чтобы не оглашал имени автора письма, а для адресата имя должно ставить точно, с полным адресом. Иначе и сии, якобы “благонамеренные” корреспонденты ставят себя на одну доску с клеветниками и ругателями, а всем таковым и имя одно: трусы; в первых двух случаях — подлые трусы, в последнем — трусливые зайцы!

Вот почему покорнейше прошу всех, кто даже хвалит меня, в письмах ко мне подписываться сполна, чтобы я мог иногда ответить письменно же, не занимая строк в моих печатных дневниках. Ведь, нередко выходит просто ничтожное недоразумение, и отвечать-то печатно не стоит, можно бы ответить письмом, а тут жаль человека оставлять в заблуждении, но и занимать внимание нескольких тысяч читателей печатным ответом не стоит. Так и бросаешь письмо в корзину.

Само собою разумеется, что моя просьба “подлых трусов” не вразумит, ругаться они не перестанут, доказывая тем только ту старую истину, что у бессильно злобствующего на голове “шапка горит” и он воображает, будто мне причиняет огорчение своею руганью, тогда как цена таким ругательным письмам известна: они только всякий раз доказывают мне, что слово правды, мною высказываемое, кого-то беспокоит, а стало быть и для дела Божия полезно, за что и слава Богу! Что же до клевет на ближнего, коих так много бывает в анонимах, то мы, пастыри, следуем примеру Царя Давида, который всякого тайного клеветника выгонял вон (Пс. 100, 5), — рвем такое письмо и бросаем в корзину или в камин.

Обращаюсь к тем, кто думает, что Богу служит анонимными письмами. Наше учение: *цель не может оправдывать средства. Бог не нуждается в помощи сатаны,* который есть отец лжи и всякого обмана. Если угодно, чтоб я не называл в печати своего корреспондента, то пусть сей корреспондент мой о сем и скажет в письме ко мне: я исполню его желание. А мне лично надобно знать, с кем я беседую посредством письма. Повторяю: нередко хотелось бы ответить автору анонима письмом же, а он спрятался за какую-нибудь букву или вовсе не изволил подписаться. Так и лишает он сам себя средства узнать то, что я считаю за истину. А я из сего вправе заключить, что мой анонимный корреспондент и не хочет знать того, что я ему мог бы ответить. По меньшей мере — вежливо ли это?

Недавно я получил из Вологды от некоей “инаковерующей”, следовательно: неправославной, интеллигентки большое письмо по поводу моего прощального послания с вологодской паствой. Она возмущается тем, что мое послание “не дышит миром, любовью, всепрощением” к каким-то “обиженным и оскорбленным”. Интеллигентка восклицает: “А ведь, люди все братья, все равные чада Церкви, правые и левые, грешные и праведные, еретики и раскольники, политические агитаторы и союзники”. Если с первым еще можно примириться, хотя с оговоркой, что чада непослушные Церкви не могут же равняться с послушными, то уж с последним-то никак нельзя: еретики и раскольники вовсе не чада Церкви, а враги ее, не овцы Христова стада, а козлища, политические же агитаторы даже волки, хотя в овчих одеждах. Письмо продолжает: “Не с ненавистью, злобой отвращения отнеситесь вы к погибающим людям дома Израилева, (ах, если бы эти люди не увлекали в погибель верных Церкви чад ее, если бы не губили их своими мерзостными, богопротивными лжеучениями!), а с чувством всепрощения, любви, отнеситесь как сердобольный и любящий отец, к заблудшим, но милым детям своим, отнеситесь так, как отнесся Христос на кресте к разбойнику (прибавлю: да, только покаявшемуся, а не к хульнику, погибшему в то время, когда Христос сказал покаявшемуся: “днесь со Мною будеши в рай!”), и к людям, поднявшим на Него руку, как простил Он всем Своим врагам, губителям, поносителям” ...Так поучает меня “инаковерующая”. А то забывает, что все это относится к личным врагам Христовым, что Христос Спаситель беспощадно клеймил развратителей народа страшными словами: “змии, порождения ехиднова, (Мф. 23, 33), вожди слепые, лицемеры, гробы подкрашенные безумцы” и под. Апостолы Его делали то же по отношению к еретикам. Да и я, грешный, кажется, ни одного слова не употребил в своем послании своего, а все брал у св. Апостолов. “Не разделяйте паствы на лжеучителей, еретиков и верных чад Церкви”, — поучает архиерея инаковерующая. Ну нет, милостивая государыня: этого никогда вы не дождетесь ни от одного православного архипастыря! Волка он должен и всегда будет называть волком, а овцу — овцой. Послушных Церкви — чадами Церкви, а еретиков — врагами ее. Так учит нас Господь, так заповедали нам св. Апостолы Его. Так и будем делать всегда, чтобы волки не проникали в стадо Христово, нам вверенное. На то и посох нам дан, чтобы отгонять их. Обличать “инакомыслящих” — наш священный долг и что бы там ни говорили разные проповедники иудейских свобод, мы будем делать дело, нам от Христа порученное, обличая и отгоняя от своих овец волков, расхищающих стадо Божие!

В своем прощальном послании к пастве Вологодской я уже указывал, как даже Апостол любви — Иоанн Богослов заповедует относиться к “инакомыслящим”, к еретикам: он не позволяет принимать их в дом, запрещает приветствовать их (2 Иоан. 10), а св. Апостол Павел запрещает с ними даже разделять трапезу (1 Кор. 5, 11).

Ужели Апостолы Христовы забыли учение Христа о “всепрощении, любви” и пр.? Ужели наши “инакомыслящие”, вроде моей корреспондентки, лучше их понимают дух сего учения? А если они не дерзнут так о себе сказать, то почему же замалчивают эти заповеди апостольские? Да притом, если мы предостерегаем чад Церкви от лжеучителей, именуя их так, как именовали св. Апостолы, то делаем это вовсе не из ненависти какой-то. Не ненависть, не вражду мы

проповедуем в отношении к сим людям, нет, мы только предупреждаем верных чад Церкви, чтобы береглись сих волков! Мы не “отталкиваем и сих заблудших от Церкви”: мы стадо, Богом нам вверенное оберегаем от их отравы! Пусть, если правда, будто они “находятся под гнетом сомнений, нравственных запросов”, пусть открыто поведают нам эти запросы, эти сомнения: мы готовы с любовью ответить на них. Но отравлять сими сомнениями, запросами верующих в простоте сердца чад Церкви — мы не позволим: мы всегда скажем нашим чадам: это — волки, это нравственные отравители: берегитесь их!

“Всепрощение” в делах веры подается под условием покаяния, отречения от своих заблуждений, от своего “инаковерия”: иначе сколько бы мы ни прощали — Бог не простит!

Вспомните, какие страшные анафемы произносит Апостол Павел на инаковерующих, инакопроповедующих: аще мы или Ангел с небесе — слышите: даже мы, т.е. Апостолы, даже Ангел с небесе! — благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет! Этого мало: Апостол счел нужным и еще повторить: “якоже предрекохом и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет!” Так вот чему учат нас Апостолы Христовы! Вот как строго мы должны оберегать чистоту веры православной! Не приторное любезничанье и лобызание с лжеучителями (слышите, сударыня: лжеучителями), не “всепрощение” к убийцам православных душ проповедуют и нам заповедуют они, а грозными анафемами грозят им и нам дают на это право “инако” проповедующих и своим лжеучением обольщающих предавать анафеме! И горе нам, если мы будем закрывать глаза на деятельность разных “инаковерующих” и внушать православным относиться безразлично к их проповеди и слушать вот таких внушений, какие делает мне г-жа “инаковерующая”: “пусть между вами и нами будет мир... пусть люди разных толков и мнений живут рядом и славят Бога, каждый по-своему... у каждого свой бог, своя вера” и пр. Все это — только льстивые словеса: пусть бы каждый по-своему Богу молился, но не смел касаться совести другого, но, ведь, и вы, “инаковерующие”, и мы, православные, считаем каждый свою веру чистою и спасительною, понятно, что каждый и желал бы в свою веру обратить другого, и вот для сего-то и нужна вам эта свобода, эта столь подчеркиваемая вами “любовь, всепрощение”, — чтоб беспрепятственнее совращать в свою ересь чад православия. А в душе вы презираете нас, хотя никогда в том не сознаетесь. *Живите смирно, молитесь по-своему, не смейте касаться православной души, и все мы будем мирны к вам* — только жалеть будем вас. А если вы, во имя “мира, любви” и прочих сладких словес, будете подкрадываться к сокровищу веры православной, то мы обнажим меч духовный, иже есть глагол Божий, и грозная анафема прогремит над вашими главами... Правда, вы ее не боитесь, но это будет полезно для тех, кто еще не потерял веры в Церковь Христову, кто знает и верует, что глагол ее не возвращается тощ...

Вы говорите, что "Бог принимает в Свое лоно (?) всех инаковерующих, инакодумающих... Господь не делал различия между Своими детьми"... Ну, не так думает, не так учит Апостол Павел. Если бы так было, то не стал бы он "инаковерующим, инакодумающим" грозить такими страшными анафемами, да еще повторять их. По-вашему, пожалуй, и еретик Толстой получит спасение, несмотря на отлучение от Церкви? Тогда зачем и Церковь Свою создал Господь? Да еще обетовал ей, что и врата ада не одолеют ее?! Ведь, если все дело в "любви и сострадании, всепрощении и мире", то к чему все заботы о Церкви, все эти вселенские соборы, учение св. отцов, подвиги и страдания исповедников? Иди за Толстым, повторяй слово любовь и спасешься... Нет, не так, моя "инаковерующая" корреспондентка: знаете ли, что и добрых-то дел нельзя делать спасительных, если не *право* веруешь? Вы удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смирением учения Церкви Православной! В том-то и дело, что мы веруем и исповедуем, что благодать Божия спасительная изливается только в недрах Церкви Православной, а без таковой благодати нельзя и добра делать истинно спасительного. И кто уходит из Церкви, тот сам лишает себя сей благодати. Делают добро и язычники, но это добро

только приближает их к Церкви, как это было с Корнилием сотником, а спасти их не может: для сего надобно войти в недра Церкви чрез спасительные таинства Церкви. Так ли вы веруете? Конечно, не так? Тогда о чем же мы с вами будем говорить? Скажу одно: если вы искренно ищите истины, то не скрывайтесь под анонимом, пишите мне свой адрес и я с любовью буду отвечать на ваши "сомнения и запросы", по мере моих сил и свободного на то времени. А если своим индеферентизмом в отношении к чистоте православной веры будете заражать других, то и вам — простите — истину глаголю, не лгу: и вам грозит та же анафема, какой Апостол подвергал всех "инаковерующих и инакопроповедующих". А что касается моих личных немощей, моего недостаточества по моему служению Церкви Вологодской, то одно скажу: все это видел я в себе, скорбел о сем, поведал многажды власти церковной о немощах моих, но ждал воли Божией, когда она скажет ясно в воле власти церковной. Пришел час, — и я с радостью ушел с кафедры, на коей служение было мне не по силам. Сего, думаю, довольно с вас. Разве прибавлю еще: по нашему православному разумению, не овцы судят пастыря, а пастырь — овец. Но это надо простить вам: ведь, вы — "инаковерующая"...

В заключение одна просьба: избавить меня от выписок из Евангелия на французском языке... Может быть, по-русски вы не читаете никогда Евангелия? Но, ведь, вот пишите-то по-русски хорошо. Почему я, не знающий французского языка, должен читать в вашем письме французские цитаты? Тогда я вправе и вам писать по-гречески, это для меня легче, да и язык-то — подлинно апостольский! К чему эта мода? это Щегольство языком народа чужого, зараженного неверием, масонщиной, заражающего и наше отечество сими недугами??? Или вам милее Евангелие на французском языке, чем на русском?.. Ах, сударыня! Ведь, вот как мы расходимся далеко друг от друга: ну где же сойтись нам в столь важных вопросах, как о спасении души, вере, любви и пр.?..

Читатели мои удивятся, что я столько места отвел для ответа какой-то анонимной корреспондентке из Вологды.

Дело тут не в Вологде, не в анонимной барыне. Это письмо есть характернейшее выражение той заразы масонством, безразличием к истинам веры, какое стало в последние годы господствовать в некоторых интеллигентных кругах нашего общества. Я произнес слово: масонство. Да, слава Богу, теперь сорвана уже маска с этого векового врага Христовой истины. Мы кое-что знаем из его планов, намерений, знаем, что его цель — уничтожение христианства на земле, превращение всего человечества в скотов, пригодных только на служение масонам, вернее сказать — иудеям, которые, как это уже давно известно, считают всех людей за скотов без души человеческой, скотов, коим дал Бог только облик человеческий, дабы иудеям не противно было пользоваться этими скотами. Это — не клевета на иудеев: это буквально читается в их талмудических сочинениях. Этой цели, конечно, препятствует христианство, а из всех христианских исповеданий — Православие, самое чистое учение христианское, а потому и самое ненавистное для иудеев. И вот, пущены в ход все лжеухищрения, все софизмы, все клеветы против Православия, привлечены к сотрудничеству в разрушении Православия все секты, все ереси, все безбожные учения, чтобы пошатнуть этот столп истины Христовой. А поелику сразу в безбожие не обратишь православного человека, то сначала его стараются совратить в какую-нибудь секту, вроде штунды, баптизма, молоканства, затем идут: спиритизм, оккультизм, буддизм, и наконец — уже прямое безбожие... Так вот кому служат наши полу интеллигенты всех рангов, полов и состояний, проповедующие безразличие в исповедании христианства: в конце концов, они служат масонам и жидам! Вот от чего всеми силами мы, пастыри, должны предостерегать верующих православных. Вот почему нельзя не раскрывать весь вред тех сладкоречивых, якобы мирных, разглагольствований, какие приходится слышать от наших "инаковерующих", не по-русски думающих, сознательно или бессознательно, но совершенно неосновательно прикрывающихся иногда якобы евангельским учением о любви и

расточающих нам, пастырям Церкви, попреки и даже ругань за нашу якобы нетерпимость к ним, инаковерующим. Мы приводим слова Апостолов, которые клеймили современных им сектантов словами: волки, безводные облака и т.п. А нас упрекают: зачем бранитесь? Это-де не по духу учения Христова. Относите, господа проповедники толстовского непротивления, сии упреки к святым Апостолам, если на то у вас достанет дерзновения!.. А мы боимся угрозы Имеющего острый с обеих сторон меч: «как ты не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих!» (Деян. 3, 16).

ДОСТОСЛАВНОЕ ТРЕХСОТЛЕТИЕ

“Богом царие царствуют.
Вознесох избранного из людей Моих.”

Любит Господь нашу Русь православную, которая когда-то не напрасно именовалась святою, а ныне так много и тяжко согрешает пред Богом, — любит и любя наказует, и наказуя милует, и в самом наказании пути к избавлению указывает. Только будьте, русские люди, внимательны к неисповедимым путям Промысла Божия и вы ясно увидите в них перст Божий, указующий вам, где и в чем искать спасения родной стране.

Вот уже несколько лет будто туманом ядовитым заволокло нашу Русскую землю и идет по ней такая духовная смута, какой не знала она во времена злой татарщины: нужно ли подробно говорить о том, что в наши дни творилось и доселе творится у нас на Руси?.. Забыты, попраны все заповеди Божий, кощунство, богохульство, все виды распутства, и, наконец, такие преступления, которые доводят до ужаса верующее сердце, о коих рука отказывается писать, язык немеет говорить... Чувствует грешное сердце, что вот-вот гнев Божий, как страшный гром небесный, разразится над нами и не будет нам помилования...

И вот, в такое-то многоскорбное время, когда русская душа так исстрадалась, истомилась горем безысходным, Бог милосердый, как любящий Отец, зовет ее к покаянию, обнадеживает помощию Своею, как бы говорит ей: оглянись назад, вспомни дни минувшие, покайся и ободрись! Грешили некогда твои отцы и тяжко грешили; но умели и каяться, обращались ко Мне в покаянии, и Я миловал их, и снова почивало на них Мое благословение. Я — Тот же и ныне, Каким был тогда: и ныне готов раскрыть пред тобою Мои отеческие объятия, готов ниспослать тебе Мое благословение, только покайся, брось путь погибельный, на коем ты стоишь!

Не слышен ли сей глас божий в тех светлых воспоминаниях, которые, одно за другим, встают и светлыми видениями проходят пред нами именно в наши смутные дни? Не явная ли это милость Божия к нам, грешным, что современная нам смута была попущена по грехам нашим, не раньше сих великих юбилеев — воспоминаний тяжких бед на Руси и великих милостей Божиих к предкам нашим?

Год назад пред нами восстал чудный образ несокрушимого борца — священномученика Патриарха Гермогена, который не только властным, грозным словом своим, но и самым делом — своею мученическою кончиною показал, как русские люди должны отстаивать родную веру православную, родную землю Русскую, родные заветы истории и предков своих. И ныне, как триста лет назад, властно звучат в русских сердцах его последние, дошедшие до нас слова русским людям: “да будет над теми, кто идет на очищение Московского государства, милость от Господа Бога, а от нашего смирения — благословение, а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем!” — И дай

Бог, чтобы эти слова вечно звучали в русской совести, в русском сердце, как непорушмый завет матери Церкви, матери — старой Руси, Руси Святой и Православной!

Весь минувший 1912-й год непрерывною чредою проходили пред нами то — глубоко-скорбные, то — светло-радостные воспоминания событий великого 1812-го года. Какой высокий подъем народного духа, пламенной любви к отечеству пережила тогда наша Русь! Пережила, покаялась в своих грехах пред Богом, и духом обновилась, и в покаянном смирении все приписала единому Богу: не нам, не нам, а имени Твоему, Господи, буди слава!

Нынешний год снова переносит нас за триста лет назад, но мрачные воспоминания Смутного времени, как темные тучи, постепенно уже отходят на задний план. Небосклон над Русью очищается. Вся она стягивается к своему сердцу — к Москве. Видно, могучий призыв страдальца-святителя Гермогена глубоко отозвался в русской душе. Страдальческая кончина окружила величавый образ святейшего Патриарха небесным сиянием святости и мученичества за веру и отечество; его завет избрать Царя природного, русского, православного, его указание — именно на Михаила Феодоровича Романова — стало для русского сердца непреложною заповедью. Никогда до того времени не чувствовалось всем сердцем русским так живо, не сознавалось так ясно, что без Царя не может жить Русская земля, что Царь — это ее отец, ее ангел-хранитель, Царь — это душа, это сердце Русского народа, как говорит мудрость народная: без Царя земля вдова, без него народ — сирота; одно солнце на небе — один Царь белый на Руси святой!

В неисповедимых путях Промысла Божия праведники являются провозвестниками воли Божией. Еще задолго до Патриарха Гермогена преподобный Геннадий Костромской, прибыв в Москву, посетил, по приглашению, дом боярыни Иулиании Феодоровны, жены Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Феодоровича, и, благословляя детей ее: Даниила, Никиту и Анастасию, сказал последней: “ты, ветвь прекрасная, плодовитая, будешь нам Царицею”. Его предсказание сбылось в точности: Анастасия была первою супругою Царя Иоанна Грозного, любимицей Царя и народа, и благоговейное воспоминание о ее добродетелях, как известно, много содействовало призванию на царство сына ее племянника — Михаила Феодоровича.

Так, еще за 70 слишком лет до сего события, Промысл Божий предуготовлял Дом Романовых к царственному служению родной Руси, а ближайшие к смутному времени дни вся семья Никиты Романовича, Божиим попущением, была как бы приуготована страданиями и тяжким крестным подвигом к сему высокому служению. Отец и мать Михаила были оклеветаны пред царем Борисом Годуновым: их насильно разлучили и постригли в монашество и оба они приняли этот невольный крест как волю Божию и в послушании воле Божией понесли его с таким же усердием, как несут его и добровольно возлагающие на себя монашеский подвиг. Три дяди Михаила, братья его отца: Василий, Александр и Михаил Никитичи, были сосланы Годуновым в далекие пределы северного края — Усолье, Пелым и Ныроб, где они, после тягостного года ссылки, были умерщвлены немилосердными стражами. Особенно тяжко мучили Михаила Никитича: этого богатыря заключили в яму-землянку, кормили только черствым хлебом и водою и, наконец, уморили голодом, а по иным сказаниям просто — убили... Понятно, почему великий печальник земли Русской, святейший Патриарх Гермоген из своего подземного заключения указал на род праведников-страдальцев Романовых, как на единственно достойный восприять скипетр потомков равноапостольного Владимира. Не о царских почестях мечтал этот благочестивый род: Господь вел его путем крестным к великому подвигу царственного служения народу Русскому.

И вот, настал час воли Божией. В начале февраля 1618 года в Москву собрались выборные люди со всех городов Русской земли. Собрались они, чтобы избрать Царя для осиротевшей

земли своей и, по благочестивому обычаю древней Руси, назначили трехдневный пост и молитву, чтобы призвать на свое великое дело Божие благословение.

На первом же соборном совещании решено было единогласно: “иных немецких вер никого не выбирать, а выбирать своего природного русского”. Стали выбирать своего; одни указывали на одного боярина, другие на другого... Какой-то дворянин из Галича подал письменное мнение, что ближе всех по родству с прежними царями — Михаил Феодорович Романов: его и надобно избрать в Цари. Вспомнили, что и покойный святейший Патриарх называл это имя. Вышел и донской атаман и подал такое же мнение. И Михаил Феодорович был провозглашен Царем. Но не все еще выборные тогда прибыли в Москву, не было и знатнейших бояр, и дело было отложено на две недели. Наконец, собрались все 21 февраля, в неделю православия, и общим голосом утвердили это избрание. Тогда рязанский Архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын и боярин Морозов вышли на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь: кого они хотят в Цари? И народ единогласно воскликнул: “Михаила Феодоровича Романова!” И Собор назначил Архиепископа Феодорита, Авраамия Палицына, трех архимандритов и нескольких именитых бояр ехать к новоизбранному Царю, чтобы просить его пожаловать в стольный град Москву на свой царский престол.

На окраине Костромы, почти при впадении реки Костромы в Волгу, стоит Ипатьевский монастырь. Он основан был в 1330-х годах татарским князем Четом, который, возвращаясь по Волге с севера, тут тяжко заболел, дал обет креститься, если выздоровеет, и действительно — выздоровел, крестился и построил этот монастырь. То был предок Бориса Годунова и вот, судьбами Божиими, в обители, основанной предком гонителя Романовых, Годунова, находит себе убежище тот благословенный Богом отрок из Дома Романовых, которому Господь ссудил стать первым Царем из сего, гонимого Годуновым, рода. Так торжествует правда Божия, даже, по-видимому, в неважных обстоятельствах, свидетельствуя о непреложных путях Промысла Божия.

С Михаилом неразлучна была и мать его, “великая старица” Марфа Иоанновна. Они ничего не знали о том, что происходило на Московском Земском Соборе; юному Михаилу и на мысль не приходило, чтобы на него мог пасть жребий великого царского служения. Да и можно ли было ему, шестнадцатилетнему скромному юноше, мечтать о царском венце, когда было много именитых, и знатных бояр, с честью послуживших отечеству в тяжкую годину великих народных бедствий? Скорбные думы Михаила в это время невольно уносились совсем в другую сторону, — туда, в Литовскую землю, где томился в тяжком плену его возлюбленный родитель, Ростовский Митрополит Филарет Никитич Романов. Понятно, что те же мысли и чувства разделяла с ним и его благочестивая мать.

Между тем, 13 марта в Кострому прибыли соборные посланцы. На другой день, в достопамятный день 14 марта, с раннего утра все улицы Костромы были покрыты многочисленными толпами народа. С крестным ходом шли соборные послы в Ипатьевский монастырь, к юному избраннику, на коем покоились теперь все надежды многострадальной родной земли. Там, где река Кострома впадает в Волгу, к крестному ходу присоединилось костромское духовенство с чудотворною Феодоровскою иконою Богоматери. Когда торжественное шествие приблизилось к святым вратам обители, оттуда скромно вышел навстречу ему Михаил Феодорович с своею старицею-матерью. Шествие остановилось. Низко поклонились московские послы будущему Государю и объявили ему, зачем присланы. “С великим огорчением и слезами”, — как говорит летописец, — он отвечал послам, что Государем быть он не хочет, а мать его Марфа Иоанновна прибавила, что она не даст сыну на то родительского своего благословения. И оба они хотели удалиться в свои палаты. Немалого труда стоило послам упросить их — войти с ними в соборную церковь Пресвятыя Троицы. Здесь подали им от Собора грамоты и стали бить челом Михаилу: “сжалиться над остатком рода

христианского, не презреть всенародного слезного рыдания, принять многорасхищенное от врагов царство Российское под свою высокую десницу Государеву и пожаловать на свой царский престол в стольный град Москву".

Но юный Михаил и слышать о том не хотел; а мать его говорила послам, что "сын ее еще не в совершенных летах, а русские всяких чинов люди измалодушествовались и прежним Государям не прямо служили; тут и прирожденному Государю трудно с ними справиться, а что будет делать с ними ее сын — несовершеннолетний юноша?"

Указывала Марфа и на то, что "Московское государство теперь в конец разорено, что будущему Царю нечем будет и своих служилых людей пожаловать, и противу своих недругов стоять. Да к тому ж и отец его, Михаилов, Митрополит Филарет теперь в плену у короля в Литве, в большом утеснении, и как сведает король, что сын его на Москве Государем стал, то сейчас же над ним велит сделать какое-либо зло".

Долго говорила старица Марфа; со слезами на глазах послы ее слушали, а когда она умолкла, стали снова бить челом Михаилу Феодоровичу, умоляя его, чтоб "соборного моленья всей Русской земли он не презрил, что выбрали его по Божию изволению, а не по его желанию, что так положил Бог на сердце всем от малого до велика на Москве и во всех городах".

Целых шесть часов стояли соборные посланцы пред Михаилом и молили его, чтоб "воли Божией он не снимал", а Михаил все не соглашался. Наконец старейший из послов, Архиепископ Феодорит, сказал ему решительно: "не противься, Государь, воле Божией; не мы предприняли сей подвиг; Сама Пречистая Матерь Божия возлюбила тебя: устыдись Ее пришествия", — и при этих словах святитель указал на чудотворный лик Царицы Небесной на иконе, именуемой Феодоровскою. Тогда и сама старица — мать Михайлова сказала своему смиренному сыну: "видно дело сие — Божие, чадо мое, надобно покориться воле Всевышнего!"

С рыданием Михаил повергся пред иконою Богоматери и, обливаясь слезами, произнес: "Аще есть на то воля Твоя, я — Твой раб! Спаси и соблюди меня!"

Никто не в силах был в эту торжественную минуту удержаться от слез: плакал архипастырь, плакали послы, плакали все, кто был в соборе тогда.

Нареченный Царь встал, обратился к послам и сказал: "Аще на сие есть воля Божия — буди тако!"

С этой священной минуты, когда юный Михаил всецело отдал себя в волю Божию, он стал великим Государем и Царем всей Русской земли. Благочестивая старица Марфа взяла своего сына за руку и вместе с ним благоговейно преклонила колена пред благодатным ликом Царицы Небесной и тихо сказала: "В Твои пречистые руце предаю чадо мое; настави его на путь истины, устрой ему полезная, а с ним и всему православному христианству!"

Так благословила "великая старица" своего любимца на великий подвиг служения царского; так совершилось воцарение Михаила. Феодровича, спасителя веры и царства, — так благословил, наконец, Господь, Царь царствующих, многострадальную землю Русскую дарованием ей Царя по сердцу Своему, — благословенного родоначальника ныне царствующего Дома Романовых. "И бысть, говорит летописец, в той день на Костроме радость велия, и составиша праздник чудотворной иконе Феодоровской".

И не на одной Костроме была тогда радость велия: ликовала с Костромой и Москва, и вся Русская земля. Наконец-то пережила она свое горе лютое, наконец-то взошло ее солнце красное, без которого некому было обогреть ее, многоскорбную, некому было о ней позаботиться! И свободно вздохнули тогда Русские люди, измученные невзгодами междуцарствия.

Насколько глубоко воспринято было сердцем народным это избрание юного Михаила Феодоровича, как великая милость Божия к народу Русскому, как явное указание Божие,

свидетельствует великий самоотверженный подвиг простого крестьянина Ивана Сусанина. Он явился в свою очередь избранником Божиим, чтобы запечатлеть своею мученическою кровию любовь народную к Царю, избраннику по сердцу Божию. Вот что говорит о его святом подвиге сам спасенный им Царь Михаил Феодорович в своей жалованной грамоте, данной зятю Сусанина, крестьянину Богдану Сабинину: “как Мы, Великий Государь, были на Костроме (то есть, в Костромских пределах), и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, и тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь были, и он, Иван, ведая про Нас, где Мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про Нас, Великого Государя, тем польским и литовским людям не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти”. — Так, как бы толица всей Руси Православной, запечатлел любовь народную к Царю-Батюшке этот вечно достославный крестьянин: один, без сподвижников, он отстоял спасение и всей Русской земли. Михаил Феодорович был последний в роде Романовых: его заменить было некем, да и кого из бояр любил так Русский народ, как Романовых, и страшно подумать, что было бы тогда с Русскою землей, если бы удался адский замысел вражеский?..

2-го мая 1613 года юный Царь Михаил Феодорович торжественно вступал в Москву, благословляемый молитвами ликующего народа.

“Смотрите, говорил один святитель-проповедник: какие благословения, какие воспоминания и какое родство окружало юную душу Михаила, первого Царя из Дома Романовых! Благословение праведника из темницы; невинная казнь еще молодых дядей, отец-монах и митрополит, томящийся в плену, и мать-монахиня, столь неохотно отпустившая его из смиренного уединения на царство. Были ли когда-нибудь Цари, приявшие славу Царства в такой обстановке подвига, страдания, неповинных казней и добровольного приятия насильно навязанной разлуки? Мудрено ли после всего того, что не только сам Михаил, но и сын его Алексей, и его внук Феодор, ему наследовавшие, ходили пред Богом, как древние патриархи?..” Были ли Цари, избранные на царство, даже без их ведома, против их желания, принужденные к принятию царского венца духовенством и народом, почти насильно, именем Матери Божией?.. Во всей истории народов земных только наш Русский народ дает пример такого призвания своих князей и Царей по сознанию и глубокому убеждению, что без Верховной Власти в лице Единодержавного Властителя не может стоять прочно государство, и вот, в самом начале своего исторического бытия призывает он Рюрика, а когда род Рюрика прекратился, то избирает ближайший по родству с Рюриковичами благословенный Дом Романовых...

Когда переносишься мыслию за триста лет назад и созерцаешь все эти события, когда вдумываешься в их глубокий смысл и значение в жизни нашего Русского народа, то невольно хочется обратиться к нашим умным предкам с мольбою: о, научите нас, ваших потомков, так крепко любить свою Русь, как любили вы, так верно понимать, чем живет русская душа, как понимали вы, и целым сердцем усвоять то сокровище, какое завещано нам всею родною историей нашей!.. Что было вам дороже всего? Святая вера православная да Царь Самодержавный, Царь — Отец народа, Царь — Помазанник Божий, коего сердце в руце Божией, на коем почивает Сам Дух Божий со дня его священного миропомазания на царство. (1 Цар. 16, 13). Не простому человеку вверяли вы судьбу Руси Православной, когда умоляли юного Михаила “сжалиться над остатком рода христианского” и не отвергнуть соборного моления: вы видели в сем юноше избранника по сердцу Божию и крепко верили, что благодать Божия почиет на нем в святейшем таинстве миропомазания и будет руководить всеми его деяниями во благо родной земли. Для вас показались бы святотатством, кощунством, тяжким грехом пред Богом те модные в наше время бредни об ограничении царской власти какою-то нерусскою

конституцией, какими — увы! — заражены многие современные россияне: не хочется прямо называть таких людьми русскими, хотя и носят они имена русские!

Молитвою и постом начали вы святое дело избрания Царя на осиротевший тогда царский престол, и молитва ваша услышана: Сам Бог положил на сердце ваше Призвать смиренного сердцем Михаила, благословил его и род его, а в нем и с ним и Русь Православную... Буди же благословенна и ваша память в роды родов на святой Руси, на веки вечные!

О ДУХОВНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое». (Деян. 17, 21).

«Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». (Екклес. 1, 9).

Мы живем в век радио, век электричества и всевозможных открытий в области наук естественных. Что было еще вчера новостью, то завтра станет известно всему культурному миру и новое изобретение приложат к жизни, используют и оно станет заурядным явлением, устареет, а неутомимая наука, называемая археологией, откроет, что то, что мы называем новым изобретением, было известно уже в глубокой древности Египтянам или Ассириянам. Но современный культурный человек жаждет и ждет еще и еще нового, как те Афиняне, о коих говорит Евангелист Лука, описывая прибытие Апостола Павла в Афины.

Что я сказал относительно наук естественных, то в последнее время стало замечаться в наших интеллигентных кругах и относительно жизни и явлений в области человеческого духа. Правда, современный человек, погруженный в чувственность, ленив на то, чтобы почаще заглядывать в свою душу, в свое сердце: ему все времени на то не достает, все его “дома нет”, живет он почти исключительно интересами плоти и суетного мира: а все же, говорю, в последние два-три года замечается некоторый интерес и к области духа. К несчастью, враги Церкви подметили это явление, кажется мне, раньше тех, кто должен бы стоять на страже духовных интересов человека, и уже в значительной мере использовали замеченную склонность современного общества к так называемому мистицизму. Широкою волною стали распространяться такие учения, как спиритизм, месмиризм, оккультизм, буддизм и другие, известные с глубокой древности, заблуждения, которые, впрочем, теперь являются лишь под новыми названиями, чтобы привлечь тех, кто накидывается на всякую новинку. Но, как во дни великого пророка Илии, когда сей ревнитель истинной веры жаловался Богу, что он один остался на свете верующий, на самом деле, как ему было открыто, оставалось еще 7000 не преклонивших колен пред Ваалом: так и в наши дни еще не все потеряли веру в жизнь духа, еще есть жаждущие познания: в чем состоит истинный мистицизм и где искать удовлетворения этой жажды. Есть и те, которые готовы помочь жаждущим найти источник живой воды, утоляющий сию жажду. Для нас, людей строго церковного мировоззрения, совершенно ясно, в чем дело: Церковь может возгласить со Христом: “кто жаждет, иди ко Мне и пей!” (Иоан. 7, 37). Но к несчастью, современная наша интеллигенция, в большинстве, так предубеждена против Церкви, так испортила свой вкус, в отношении к духовному, что простое слово евангельской истины, которое с такою любовию восприемлется в детской простоте верующим простецом, кажется интеллигенту черствым хлебом и он, избалованный современной светской литературой,

отворачивается от духовной: это-де старое, сухое, схоластическое; это — давно стало пережитком, давно наукою отвергнуто и опровергнуто...”

И вот, наша интеллигенция проходит мимо богатейшей сокровищницы писаний духоносных отцов и учителей Церкви, откуда она могла бы почерпнуть всю полноту православной мистики, где открылся бы пред ее духовным взором необъятный мир духовной жизни, мир, полный чудес и неизреченного блаженства для того, кто смиренным сердцем в него приникнет и послушно отдаст себя ее законам. Спросите современного интеллигента: читал ли он полную чудес и даже поэзии книгу, называемую Минеи-Четьи или “Жития святых”? Боюсь, что иной при этом слове если не скажет, то подумает: “вот вздумал чем угощать!” О писаниях св. отцов, о “Добротолюбии”, например, я уже не решаюсь и напоминать... А ведь, все же у некоторых из наших интеллигентов душа просит именно такой пищи, сердце пусто, тоскует от духовного неудовлетворения. Как же быть? Как помочь этим людям превозмочь свое предубеждение, победить себя, ввести их, так сказать, незаметно для них самих в эту область, которой жаждет их сердце, а гордый ум застилает глаза, чтоб они не видели открытых дверей?...

Слава Богу, что есть люди, из самой же интеллигенции, которым Бог помог выйти на прямой путь, которые опытом изведали все трудности этой борьбы с предубеждением против духовной литературы. Сказано: кто сам был искушен, тот может и искушаемым помочь. Зная по опыту, в чем сила искушения, такой автор сможет осторожно подойти к душе и бережно коснуться ее больного места, найдет в современном интеллигентном языке выражения, которые могут обратить внимание интеллигента и увлечь его к внимательному чтению его книги, а потом и ввести во святая святых нашей святоотеческой литературы. Для нас, церковников, это покажется излишним, но те из светских людей, которые, как древние Афиняне, везде и во всем ищут нового, ознакомившись чрез книгу с тем новым для них духовным миром, какой она раскроет пред ними, только поблагодарят автора за такое изложение.

Вот именно такою книгою является, по моему мнению, новая книга М.В. Лодыженского, одно заглавие которой уже привлекает читателя своею новизною: “Свет Незримый. Из области высшей мистики”. Далее, в подзаголовке, кратко изложено и содержание: “Серафим Саровский. Франциск Ассизский. Мистика Востока и мистика Запада. Яркие черты из жизни святых. Мистические радости. Как умирали святые и как умер Толстой. Борцы за Логос”. — Как видит читатель, темы все интересные, как будто даже новые, особенно если он считает книгу не специально духовною, а светскою, как будто из области философии и мистики... На самом же деле, книга, если можно так выразиться, самая духовная: она говорит о самой сущности духовной жизни, о тех путях, какими люди подвига шли к Богу, сравнивает эти пути в среде христиан западной церкви и Церкви Восточной, показывает все превосходство, чистоту, возвышенность, облагодатствованность путей Церкви Православной в сравнении с церковью Римскою, раскрывает, на основании авторов “Добротолюбия” и вообще святоотеческого учения, отличие философии христианской от других философских систем, старается определить, что есть мистика высшая или божественная и что — мистика ложная, состояние прелести, дает понятие о типах подвижника созерцательной и деятельной жизни. Автор прекрасно характеризует экзальтированную восторженность латинского святого Франциска и в противоположность ему, как тип, простоту чувства нашего преподобного Серафима. Он прекрасно разобрал и основные начала “духовных упражнений” знаменитого Игнатия Лойолы и показал сходство этих упражнений с индусской йогой. Читатель ясно видит все превосходство православной, облагодатствованной мистики пред западной, лишенной благодати и истины. Читатель найдет у него и объяснение чудес в Лурде, сопоставление с ними чудес в Сарове, краткое, но меткое и верное определение сущности подвига юродивых и предостережение от лжеюродивых и хлыстов. Умело, осторожно, но в то же время и довольно ярко он изображает так им называемые “мистические радости”, — те духовные переживания, какие испытывали

подвижники в молитве, конечно, в меру понимания нас, людей не столько духовных, сколько душевных. Он строго следует в этом руководству таких великих подвижников-аскетов, как Симеон Новый Богослов. Из множества рассказов в “Житиях святых” он умело подобрал и сгруппировал несколько примеров спокойной и радостной кончины святых Божиих, указал на то, как умирает простой русский народ и — в противоположность сему, в назидание нашим интеллигентам, описал трагическую смерть богоотступника Толстого, с которым был лично знаком, о чем с интересом могут почитать в его книге наши интеллигенты, столь увлекающиеся всем, что касается этого лжеучителя. В заключение он изображает “борцов за Логос”, то есть, святых мучеников за Христа, раскрывает характер мученичества в наши дни и указывает на близкую возможность и опасность такой борьбы в наше лукавое, богоотступническое время.

Таково, в общих чертах, содержание этой интересной книги. В изложении, приспособляясь к пониманию мирских людей, мало осведомленных в терминах духовной литературы, касающихся духовной жизни, автор употребляет свои термины, как например: “малый и большой разум”, “мистические радости” и под. Мы говорим: “жизнь во Христе”, автор говорит “жизнь в логосе”; мы говорим: “жизнь по стихиям мира, жизнь душевная”, автор выражается: “жизнь в ratio”; вместо обычного слова “Жития святых” у него стоит слово “хроника”... Конечно, можно бы обойтись и без таких оригинальных выражений, но и они нисколько не мешают впечатлению при чтении, какое, очевидно, имел в виду автор. Можно от души поблагодарить автора вот хотя бы за следующую страничку, которую мы позволяем себе привести почти целиком:

“Если мы сопоставим некоторые характерные взгляды, вошедшие в практику нашей обыденной жизни, со взглядами, которыми руководились на своем пути люди христианского подвига, то пред нами предстанут контрасты прямо поразительные, указывающие, как резко расходятся между собою наша рассудочная жизнь в ratio с жизнью в Логосе, о которой нам говорят Евангелие и христианские святые. Возьмем для этого несколько примеров:

— Ты не можешь идти по пути, не сделавшись сам этим путем, — говорит в сознании своего могущества человеческий рассудок. — Чем более будешь дерзать, тем более получишь.

“Мы всегда должны быть твердо уверены, говорят христианские подвижники, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами... если Сам Господь не будет нам в этом содействовать”. (Св. Кассиан Римлянин. Доброт. 2, стр. 125.)

— Счастье в могуществе и обладании, — говорит наш рассудок. “Мы допускаем ставку только на сильного и богатого”, — поучает нашу Думу представитель высшей государственной власти.

“Бог Всеблагий оставил сильных, мудрых и богатых мира и избрал немощных, немудрых и бедных по великой и неизреченной благости Своей”, — говорят христианские подвижники (Св. Симеон Новый Богослов, Слова, вып. 1, стр. 175). — “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные”, — читаем мы слова своего Спасителя (Мф. 11, 28).

— Я не какой-нибудь нищий, чтобы молиться, я не бесполезный парий, чтобы тратить на это время, — говорит человек гордого богатства и стяжательной энергии.

“Если ты лишаешь себя молитвы, — говорит св. Иоанн Златоуст, — то делаешь то же, что вынимаешь рыбу из воды, ибо как этой рыбе вода, так тебе нужна молитва”. (Доброт. 5, стр. 344.)

— Нет противнее того чувства, которое люди называют смирением, — говорит наш рассудок. — Смирение есть самоунижение. Первое качество человека заключается в том, что он должен сохранять свое достоинство и не терять уважения к себе.

“Если в человеке не будет смирения, то он Царствия Божия не наследует”, — говорят христианские подвижники. (Изречение Антония Великого, Доброт. 1, 31).

— Нищета отвратительна, — говорит наш рассудок. — Всякого, кто не надрывает свои силы в погоне за деньгами, мы считаем уже бессильным и лишенным честолюбия человеком. (Вильям Джемс, “Многообразие религиозного опыта”, стр. 358).

“Если имеешь лишнее для дневной потребности, — говорит подвижник VI века св. Исаак Сириянин, — раздай то нищим. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета”. (Доброт. 2, стр. 705.)

— Прирост процента на капитал есть акт вполне законный, — говорит наш рассудок. — Проценты на капитал освящены практикой государственных займов; они вошли во все людские экономические отношения.

“Чада! Не давайте денег в рост”, — поучают христианские подвижники (Варлаам Хутынский, Четья-Минея, стр. 123). “Если, дав кому что взаймы, простишь ему, то будешь подражать природе Иисуса, а если взыщешь, то природе Адама; если же возьмешь рост, то это будет не по естеству даже и Адама” (Доброт. 1, Слова Аввы Исаии, 323.)

“Достаточно этих сопоставлений, — говорит автор книги. — Поражающие контрасты нашей рационалистической жизни и жизни духовной ярко освещены приведенными примерами. Жизнь в ratio и жизнь в Логосе это — как бы два отдельных мира, ничего общего между собою не имеющие”.

Автор называет наше время — временем “всеобщего увлечения всем таинственным”. К сожалению, это увлечение, как и у древних афинян, направлено в сторону удовлетворения праздного любопытства, искания новинок, чем действительной потребности духа. Но нельзя отрицать и того, что в среде толпы любопытных найдутся хотя единицы и людей серьезных, вдумчивых, действительно жаждущих истины, познания духовного мира и спасения души в грядущей вечности. Вот для таких-то интеллигентов и полезны книги, подобные книге М.В. Лодыженского: они способны пробудить интерес к святоотеческой литературе, к таким книгам, как сочинения наших аскетов-писателей: Епископа Феофана-Затворника, Епископа Игнатия Брянчанинова и др. Все эти сокровища — мало сказать — забыты: они вовсе неизвестны большинству нашей интеллигенции и до сих пор составляют для нее клад, о коем она и не подозревает.

Своею книгою г. Лодыженский как бы кричит ей: да подойдите же, наконец, посмотрите, какие здесь лежат сокровища! Оставьте свое предубеждение, будто все это старая ветошь: здесь вечно новые, хотя и вечно старые истины, здесь залог вашего счастья, залог Божия благословения для вас и утоление той томительной жажды, которую вы не перестанете ощущать, пока не победите в себе предубеждений, посеянных врагами Церкви и бессознательно воспринятых вами от юности. Господь говорит: *Царствие Божие нуждою берется, усилием и подвигом достигается.* И в деле личного нашего спасения нужен подвиг: не путем праздного любопытства, а деятельным исполнением заповедей Господних под руководством Церкви и ее духоносных учителей, св. отцев, возможно спасение наше. Надо, чтоб замечаемое в наше время увлечение мистицизмом нашло себе исход не в уродливых и богопротивных явлениях спиритизма, оккультизма и прочих подобных им “измов”, а в живом общении с Церковью небесной при посредстве Церкви земной...

В заключение, позволю себе указать автору книги некоторые неточности: на стр. 29-й, он говорит, что число святых в одной Восточной Церкви считается более 2000. Во-первых, для нас, православных, нет дела, сколько считает у себя “святых” церковь, отпавшая от единения с Восточною и, следовательно, переставшая быть истинною церковью, ибо мы, по символу нашему, веруем только во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, во-вторых, по нашим месяцесловам, число святых, по крайней мере, в десять раз больше показанного г. Лодыженским: оно достигает до 300 тысяч... На стр. 271 автор упоминает “день рождения

замученного александрийского митрополита Петра”: во-первых, не митрополита, а архиепископа, во-вторых — не день рождения, а день его кончины; дело в том, что день кончины святых в древности именовался днем рождения, dies natalis; ибо древние христиане почитали смерть рождением в новую жизнь.

Так ли светло смотрим мы на смерть?..

ВЕРА ХРИСТОВА НЕ ТЕРПИТ ДВОЕДУШИЯ

“Суди, Господи, обидящия ны, побори борющая ны!”

I

Ходят вокруг нас и над нами грозные тучи гнева Божия, а мы спим себе спокойно... Или — нет: мы тревожно мечемся, слыша громы небесные, видя пока издали сверкающие молнии, но беспомощно опускаем руки, ибо привыкли жить каждый под виноградной лозой своею и под своею смоковницей, — под сению старых законов. Привыкли, чтобы нас опекало и оберегало правительство, как малых детей, а теперь, когда нам сказали: “вы стали большими, пора вам самим о себе заботиться”, — мы не знаем даже: как быть, что делать?..

В самом деле, научите, добрые люди, что нам делать? С каждым днем становится все тяжелее жить, атмосфера жизни наполняется каким-то удушливым смрадом — простите мне не совсем литературное выражение — не умею слова другого найти — смрадом специальной жидовщины, издевательства, притом, положительно, систематического, над всем, что нам дорого, что нам священно: нас прямо изводят, отравляют каким-то медленным, но тем не менее мучительным ядом, день за день, капля по капле, на каждом шагу, и в книгах, и в газетных листах, и в рекламах, и на разных лекциях, и на сцене, и якобы в художественных произведениях... Поистине, мы можем буквально повторить слова Псалмопевца: “Весь день поношаху ми врази мои, обыдоша мя, яко пси мнози... Суди, Господи, обидящия мя!

А тучи Божии идут на нас и идут, и все ближе к нам и ближе... А враги наши как будто вызывают в безумии своем Господа Бога на бой: так открыто, богохульно выступают они...

Иной раз думаешь: не мелочи ли все это, стоит ли обращать такое внимание на какую-либо газетную выходку?

Однако же, можно ли шутить, можно ли равнодушно говорить о том, что широкою волною отравляет и всю нашу интеллигенцию, и далее весь народ?.. Не грешно ли?..

Вот вам факт за последнее время.

Получаю с почты посылку, вскрываю — реклама папиросных гильз фабрики “Катык” (вероятно — жидовская фамилия!), но какая реклама! На картоне наклеена фотография с картины известного художника-безбожника, профессора Ге — “Голгофа”... И сама по себе картина эта, по меньшей мере, неприлична: Христос Спаситель изображен на ней в состоянии какого-то отчаяния, будто рвет на себе волосы, а воины как будто угощают Его есмирнисменом... А вверху серебром или алюминием вытиснуто огромными буквами: “гильзы Катыка”!..

Вот — Сытинский календарь на 1913-й год. На 68 странице — масса мелких рисунков в одной общей цинкографии. Но присмотритесь: в средине храм Марфо-Мариинской обители, построенной Великою Книгяней-подвижницей Елисаветою Феодоровной, немного пониже сама она, а по сторонам, несколько выше — “уволенный” — так и подписано: “уволенный” профессор киевской дух. академии Экземплярский, и тоже “уволенный” профессор Томского

университета Обручев... Ниже — рисунки: “забастовка английских углекопов”, “к Ленским событиям” и под... Как вам понравится такое соседство для царственной подвижницы?! Но этого мало: внизу, в тексте, “Летопись событий”: Июль. 4. Быстрое развитие анархии в Персии. 8. В Чехии кровавое столкновение между чехами и немцами. Албанское восстание. 9. Бастуют рабочие в Барри. 13. Учредит. собрание упразднило все португальские ордена. 27. В Лондоне бастуют извозчики. РОССИЯ. 2. Закрыто еврейское литературное общество. 15. Мин. Нар. просвещ. исключены все слушательницы СПБ. Медицинского института, в Томске уволено 375 студ. технолог., 100 из них выслано администр. из Томска... Август. 2. Стачка 100,000 рабочих в Ливерпуле ознаменовалась кровавыми столкновениями. 4. В Англии объявлена всеобщая ж. д. забастовка. 9. В Дублине забастовка газетчиков. 28. В Бильбао и Миресе бастуют рабочие метал, изделий. РОССИЯ. 12. Забастовка команды всех пароходов черноморского русского общ. и т.д. и т.д.

Это — новый своего рода календарь-месяцеслов революции! Я не смотрел дальше, какие перлы имеются в этом календаре, издаваемом в миллионах экземпляров г. Сытиным: воображаю, какие там прелести имеются!..

Объявление в газетах:

Продаются новые пластинки для граммофона:

1. Народ у памятника Гоголя.

2. Бродяга.

3. Ария Зорики. Куплет Симона.

4. Кондак Николаю Чудотворцу. Не имамы иныя помощи.

5. Верная манерная. Валенки. Смех.

Как вам покажется это соседство кондака Николаю Чудотворцу и трогательного тропаря Богоматери с ариями и песенками? Право же, невольно думаешь: жиду захотелось лишний раз уколоть наше религиозное чувство, и вот он всячески профанирует все, что для нас так дорого и свято!

Появились новые, юбилейные почтовые марки. Прекрасные портреты наших возлюбленных Государей. Но под ними подписи: Император Николай II —7 коп., Александр III — 3 коп., притом цвет ярко-красный, Александр II — 2 коп., а Петр I — 1, только 1 копейка! Не дорого же расценили изобретатели марок наших, благоговейно чтимых народом Государей! Этого мало: сии царские портреты обязательно пачкаются почтовым штемпелем, как будто ради вящего над ними поругания!

Я получаю много писем с негодованием на эти новшества в почтовом ведомстве, газеты патриотического направления взывают к власть имущим, находятся патриоты почтовые чиновники, отказывающиеся штемпелевать такие марки, “Земщина” даже указывает на прямой закон, угрожающий каторгою за поругание Царских изображений... Никому дела нет!.. Мало того: в тех сферах, коим бы наипаче надлежало обратить внимание на это негодование русских людей, говорят, благомыслящие люди прямо ставили вопрос: не следует ли изъять неудачные марки из употребления теперь же, пока их мало разошлось, но... “Так, видите ли за границей”, притом затрачены-де деньги на печатание марок и не стоит-де обращать внимания на всякое заявление черносотенцев... И марки остались, и священные для нас Царские лики будут пачкаться штемпелем, а чиновники, отказывающиеся исполнять сию неприятную операцию, — чего доброго — будут увольняемы со службы... Не говоря о всем прочем, спросим только: на Руси ли мы живем? Или уже пришел жид и покорил наше царство?..

В приложении к “Русскому (вернее — к иудейскому) Слову” помещен моментальный снимок с крестного хода, когда новый Московский Митрополит вступал в Кремль. Снимок

вышел удачный, и изображение святителя напомнило многим Митрополита Филарета, пред именем которого благоговеет Москва. Но что же сделали издатели с сим изображением Первосвятителя Московского Макария? Они поместили в нижней части страницы, как раз под самым изображением митрополита... простите, читатели! — голую натурщицу... Так и подписано: “натурщица Смирнов”. (Sic)...

Да ведь, это — издевательство над святителем! Но, видно, редакции это-то и нужно...

Редкий день проходит без того, чтоб не получить вырезки из газет, глубоко оскорбляющей религиозное или патриотическое чувство, и опять скажу: никому до сего будто и дела нет...

Или где-то решено отдать Россию на съедение жидам? Но, ведь, жив Господь и жива русская православная душа: этому не бывать!

II

Мутная, ядовитая волна, отравляющая Православный Русский народ, как известно, не ограничивается печатью. Все зрелища, все кинематографы и подобные учреждения служат той же цели. Едешь по Невской столице вечером — в редком доме на Невском проспекте не красуется вывеска, огненными электрическими буквами заманивающая на эти зрелища.. То, что в столице еще прикрывается иногда некоторым видом приличия, или же не так бросается в глаза в массе всевозможных впечатлений, то в провинции, в малых городках, уже прямо режет глаза. В 1904 году, в Сергиевом Посаде хотели поставить, прямо против святой обители преподобного Сергия, на противоположной горе — театр... Да, театр, хотя и называли его тогда “народным домом”, но кто же не знает, что такое народные дома, даже в столицах, а о провинции и говорить нечего? Да и на самом деле, был проектирован настоящий театр: пишущий эти строки видел и план, в котором центральное место здания было отведено зрительному залу, со сценой и фойе, и если бы сам Преподобный не воспрепятствовал сему осквернению места его подвигов, если бы власти монастырские не узнали случайно эту затею заправил посадских и не запротестовали бы (дело велось в такой тайне, что было уже направлено в Петербург, с планом и сметою, в глубоком секрете от лаврских властей), то и гремела бы против самой святой обители, и шла бы там бесовская всенощная одновременно со всенощною лаврскою, и блазнились бы притекающие к угоднику Божию со всех концов Руси богомольцы, глубоко оскорбляемые в своих благоговейных чувствах... Слава Богу: благодаря протесту ревнителя веры, московского первосвятителя, которому доложено было о готовящемся беззаконии (иначе назвать не умею!), соблазн был предотвращен.

Но успокоится ли враг рода человеческого, хотя бы и не удалось ему внести этот соблазн? Если не попустил Преподобный быть соблазну постоянному, то враг вносит его и — вероятно — будет вносить и в это святое место, от времени до времени... Вот вам пример.

Хотя прошло уже девять лет, как меня разлучили с моею родною лаврою, но я не перестаю считать себя троицким иноком и пользуюсь всяким удобным случаем, чтоб подышать ее святым воздухом, чтоб провести в ней несколько дней и отдохнуть усталою душою. Поехал я туда на праздники Рождества Христова. Накануне праздника приносят мне расклеенную на столбах по всему посаду афишу, которая, между прочим, гласит, что на третий день праздника, “в зале общественного собрания”, следовательно: не в частном доме, а в городском учреждении, в роде городского клуба, “от Совета старшин” (каких же это? Вероятно, старшин этого собрания? Что-то безграмотно)... представлено будет... обстановочная пьеса (представлено — пьеса — как видите, тоже очень грамотно)... такая-то. Действие третье: “У врат обители” — Чтый да разумеет!.. — По окончании спектакля, большой танцевальный вечер. Ну что ж? Это, конечно, не новость и в той веси, которая приютилась, по выражению Митрополита Филарета, у врат обители Сергиевой и питается от крупиц, падающих от его трапезы: ведь, несмотря на

двухвековые протесты православной Церкви, осуждающей танцы, как дело недостойное для христианина, танцы получили право гражданства, и теперь танцуют, проще говоря — пляшут, даже жены и дочери батюшек... Приходится мириться, хочешь не хочешь, с танцами и у врат обители преподобного Сергия. Но врагу рода человеческого и этого мало: на афише стоит, как гвоздь этого плясового вечера — “Сатанинский танец — тарантелла”, и притом “при участии публики”...

Не утерпел я, грешный: в самый праздник, вышел, пред молебном, и сказал слово... Характеризуя беззакония нашего времени и сравнивая их с грехами наших предков, которые были наказаны нашествием Галлов и двадесяти языков, я сказал, что грехи наших предков представляют собою только детские шалости в сравнении с беззакониями нашего времени, а в пример, между прочим, указал и на этот предположенный танцевальный вечер с его “сатанинским танцем”. С горечью в сердце я указал слушателям, как все это глубоко оскорбляет угодника Божия, сказал, что он будет свидетелем и обвинителем пред Богом всех тех, кто примет участие в таком танце и призывал слушателей к покаянной молитве....

Не знаю, послушал ли кто меня. Но уж это — не мое дело. Я, кажется, исполнил мой долг. И если хоть одна душа не пошла на сатанинский танец, я и за то поблагодарю Бога.

А, ведь, это творится по всей Руси! Это проникает в большие села. Это отравляет особенно там, где есть фабрики и заводы...

А что такое эти всевозможные публичные чтения? Я уже не говорю о якобы научных лекциях разных иудеев и иудействующих профессоров: там ведется открытая лженаучная борьба против веры Христовой, против Божественного Откровения. Но вот, кажется религиозное, собрание, устроенное баптистами, якобы с религиозною целью в петербургском Тенишевском зале, на Моховой. Что ж? Собрались баптисты помолиться. Дело не худое, хотя странно: о сем, якобы молитвенном, собрании оповестили чуть ли не в газетах, устроили его открытым, собрали публику... Сидели чинно за столом, закрывали лицо руками, опускали головы, становились на колена. Пели какие-то свои стихи... Затем вышел на возвышение именуемый “брат” и повел речь ломаным русским языком, перевирая окончания, с иудейским акцентом, с евангелием в руках... О чем же он говорил? А вот, что пишет бывший на этом собрании сотрудник “Нового Времени”:

“Мы услыхали, что Моисей был обыкновенный человек, даже злой, мстительный и трус, так как, убив египетского мальчика, бежал, что он был очень привержен к своему племени, “был, так сказать, националист”,— иронически заметил “брат”. Но все это не помешало Богу дать чрез Моисея закон людям... Мы узнали, что Христос ничего людям нового не дал, что он повторял все, что до Него было известно; но чрез Него Бог все-таки дал благодать людям. Итак, по словам баптиста, как Моисей, так и Христос были одинаково обыкновенные люди, причем один из них, Моисей, был даже дурной человек, что эти два человека одинаково послужили людям. Мы вполне должны были усвоить, говорит сотрудник газеты, что Христос — не Бог...

“А в числе слушателей были: прислуги, магазинные продавщицы, мелкие купцы или лавочники, курсистки, девочки-подростки с распущенными косами, ученики средних учебных заведений и люди, по-видимому, принадлежавшие к чиновному миру”...

“Оказалось, в заключение, что проповедник был, действительно, иудей, выкрещенный по баптистскому обряду”.

Даже сотрудник “Н. Времени”, газеты не особенно отстаивающей наши идеалы, с негодованием спрашивает: зачем и при чем тут эта публика, состоящая из “малых сих”: мятущихся душою, желающих, быть может, разобраться в своих сомнениях, ищущих света и успокоения? Что они тут найдут, где провозглашается, что Христос — обыкновенный человек?

Что они получат от этой рисовки, подделки под искренность, от этих речей, в коих чувствуется гордость и отсутствие искреннего смирения?”

А все это — допускается, на все это смотрят спокойно, как на явление, самое нормальное в православной столице... Да в столице ли только?..

III

И хочется крикнуть власть имущим: гг. министры, гг. законосоставители, стражи народа и законов блюстители! Если вы желали блага родному народу, широко раскрывая двери разным свободам, то вы глубоко ошиблись: ни народ наш, ни в особенности наша так называемая интеллигенция, вовсе не созрели еще для этих свобод. Да оно и понятно. Ведь, если в препрославленной Финляндии, как говорят, воровство — неслыханное дело, если там, в одной гостинице слуга на мой вопрос: где же ключ от номера? — гордо ответил: “у нас не Россия! Будьте покойны, никто ничего не возьмет”, — так, ведь, эта пресловутая, горделивая, нехристианская честность там воспитана драконовыми законами, которые за воровство карали отсечением руки... А у нас таких законов не было, и хорошо, что не было, но были законы, которые карали вора каторжным трудом, а не сажали его на казенные хлебы в палаты, именуемые тюрьмами, как это повелось теперь... С такими законами народа не перевоспитаешь, а вы ему дали еще всяческие свободы... Вот и пользуются этими свободами иудеи, из всего, даже из самого развращения народа извлекая себе гешефт, а наша интеллигенция, как несмыслящий ребенок, идет к ним навстречу и отдает себя и народ наш на развращение нравственное... Смотрите: в каких понятиях растет грядущее на смену нам поколение! Мы еще живем тем запасом, какой нам отцы наши скопили: вот растратим его, — и тогда что?.. Сойдем в могилу, а чем дети будут жить? Чем наша матушка Россия будет свою историю продолжать?.. Жид расхитит все сокровища народной души; он отравит эту душу; он превратит наших детей и внуков в рабочий для себя скот и будет пить его кровь... Думаете ли вы об этом, отцы отечества?.. Или мираж свобод так отуманил ваши умы, что вы не видите этой опасности? Оглянитесь назад и присмотритесь пристальнее на протекшие пять-семь лет; всмотритесь повнимательнее, что сталось за эти годы с Русью — ну, хоть за двадцать лет назад: что было и что стало с нею! В ваших руках, например, статистические материалы: как страшно возросла преступность! Какие появились новые виды этой преступности, в старые годы почти неслыханные! Что творится в учебных заведениях? Во что они превратились — даже духовные! Кого они готовят грядущей Руси? А пьянство! Миллиард пропивает Русь, миллионы гибнут от этой страсти, никакая война, никакая чума столько не похищает людей, как водка, а ее исчадие — вырождение народа?.. Вы, на верхах стоящие, сами знаете, как мало теперь дает богатырей наш народ при наборе войска. Приходится понижать требования в размере груди, росте и под. Не страшно ли все это? Пьянство развращает народ физически, печать и пресловутые свободы, поблажки в судах — нравственно, жидовская агитация — политически... Стражи народные! Ужели там, на верхах, вам этого не видно? Казалось бы: с вышки больше простора видеть все, что творится внизу, на Руси... Нам, Богом поставленным выше других, выше массы народной, грешно себя обманывать. Ведь, Богу надо будет за все отвечать. Грозен суд Божий на народных вождей! Да и история свое нелицеприятное слово скажет. Благословения или проклятия потомков лягут на нашу память — и об этом надо бы подумать! Знаю, среди вас есть и Бога боящиеся, и Церковь-мать чтущие, и народ родной любящие. Имейте мужество взглянуть прямо в глаза страшной опасности! Имейте мужество открыто, прямо, не страшась иудеев, признать эту опасность. Признать и не полумеры, только усыпляющие народную совесть, принять, а решительно, твердо, бесстрашно и открыто, с достойною русского православного человека прямолинейностью, повернуть руль русской жизни вправо, не обращая никакого внимания на вопли иудейские, на их угрозы, террор, — ведь умирать-то когда-нибудь надобно: *не лучше ли*

умереть, если Бог попустит, с честью, мученически, с благословениями народа, чем быть трусами и предателями веры и Руси родной?.. И посмотрите, какой светлый праздник будет на Руси в тот благословенный день, когда она будет освобождена от этого проклятого тумана беспочвенного, чисто масонского либерализма, этих лжесвобод, порабощающих душу народную жидам, от всех этих бредней, навеянных иудеями и их приспешниками — предателями родной земли! О, это будет воистину светлый праздник воскресения Руси родной, светлый день Христов, день радости не только православных русских людей, ныне томящихся тоскою безотрадной, но и всех наших предков, к Богу отшедших: ведь, мы их заветы вспомним тогда, и они с какою радостью Богу за вас помолятся! Это будет праздник куда радостнее, светлее, плодотворнее, чем 19-е февраля, чем 22 октября, чем даже тот день, когда было получено на Руси известие о взятии Парижа и плене Наполеоновом! Возрадуется тогда на небесах и праведная душа Царя-Миротворца, за молитвы которого Господь вернет России и то величие, какое имела она под его державным скипетром...

И какое это было бы достославное воистину юбилейное деяние в память трехсотлетия благословенного Дома Романовых! Воистину это было бы возвращением Руси домой, к родным заветам нашей истории, ее воскресением! Нельзя насиловать народную душу, воспитанную в тысячелетнем послушании Церкви Православной! Нельзя безнаказанно искажать ее заветные идеалы, подменивать ее миросозерцание, уродовать ее мировоззрение! Что-нибудь одно: или народ, потеряв свой облик, обратится в безличное животное, чего так и хотелось бы жидам, или же он, пробудившись от чар разных свобод, во имя истинной свободы разорвет все путы одним могучим порывом богатыря и тогда... Горе всем врагам России! Горе и тем, кто стоял на страже, но не делал своего дела!

Время идет. История не ждет. Ждет только Господь нашего покаяния. Ждет, давно ждет, душою изнывает настоящий русский народ. Он зорко присматривается ко всем нашим ошибкам и глубоко вздыхает... При первом проявлении добрых для него знамений он готов воспрянуть духом и пойти навстречу тем, кто поймет его горе, его заботы, его идеалы... Народ наш — это младенец-богатырь: он младенец в смысле внешней культуры, умственного, научного развития, но он — богатырь духа, усвоивший, в свое сердце воспиявший культуру духа, евангельские заветы — так, как, может быть, не воспринял их ни один народ в мире. Скажите: какой народ способен давать христианскому миру таких подвижников духа, как Серафим Саровский, таких пастырей, как Иоанн Кронштадтский, таких духовных старцев-руководителей, как Амвросий Оптинский, таких богословов, как Филарет Московский?.. Христианский мир Запада, столь хвалящийся своею культурою, дал миру великих естествоиспытателей, политиков, философов-мыслителей, но не дал таких смиренных сердцем и великих духом мужей, каких, милостью Божией, родит наша родная Русь православная, наш «богоносец»-народ. У этого народа есть чему поучиться и нам, мнящимся быти его руководителями, поучиться, хотя бы, тому глубокому смирению, с каким он принимает скорби, как милости Божий, поучиться простоте детской веры, творящей чудеса у родных святынь, смиренной, воистину христианской, любви, даже ко врагам своим, даже к преступникам, в которых он видит только людей несчастных. Поймите этот народ, смиритесь духом пред его заветными идеалами, полюбите его, станьте русскими в душе, защитите этого младенца-богатыря от обижающих его, от постоянно оскорбляющих его религиозные и патриотические чувства, прогоните, не подпускайте к нему близко всех этих расхитителей его духовных сокровищ и — чудо совершится! Слейтесь с ним воедино духом и не будет в мире народа, сильнее Русского православного! Глубоко понимал это великий в своем царственном смирении Государь-Миротворец Александр III-й и всем сердцем стремился к единению с народом в его духе, в его идеалах, но увы! — был одинок, почти одинок в осуществлении этого великого своего стремления и — утомленный непосильною работою, ушел прежде времени к Отцу Небесному молиться за родную, дорогую ему Русь... С какою

любовью взирал на него народ! С какими рыданиями провожал его в могилу! Весь мир был потрясен зрелищем этой бесконечной любви народной к своему Царю-Батюшке, весь мир невольно выражал сочувствие осиротевшему народу. Но, ведь, и сын носит в Своем Царственном сердце заветы великого Отца: и Он так же горячо любит родную Церковь, любит Свой народ, готов для него на всякий подвиг. Объединитесь же около сердца Царева, поймите Его царские думы, Его светлые: чисто русские стремления, будьте беззаветно преданными Ему сотрудниками в великом деле созидания и устроения родной земли по родным ее идеалам!

IV

Пишу я эти строки, а сам думаю: да попадут ли они на глаза тем, к кому я обращаюсь? А если и попадут, то дочитают ли их до конца? Не будет ли мой голос голосом вопиющего в пустыне? Не скажут ли: “слыхали мы все это, но напрасно автор обольщает себя и других мыслию, будто наш народ — какой-то избранник Божий среди народов земных: он такой же народ, как и все европейские народы, только от других отстал, а потому и должен идти по общему с ними пути цивилизации, науки и культуры. Да и не смиренно было бы даже, с христианской точки зрения, считать себя народом-избранником: это походило бы уж на мечты тех же иудеев, которых автор так жестоко осуждает”.

Так может говорить только тот, кто не верит в истину нашего Православия и в Божий Промысл, управляющий судьбами народов земных.

Мы, православные люди, веруем, что все человечество призывается Богом ко спасению, что вечно блаженная жизнь ожидает спасаемых не здесь на земле, а в будущем царстве славы Христовой, когда будет новое небо и новая земля, после обновления мира, по втором пришествии Господа нашего на землю, веруем, что спасение для людей возможно только в недрах Христовой Церкви, что Церковь, как носительница, хранительница и провозвестительница Христовой истины — одна, как и самая истина — одна и сия истина, веруем, именно в нашем родном православном исповедании, в православной нашей Церкви-матери. Люди живут на земле вовсе не для того, чтобы коптить небо своими грехами, а для того, чтобы самим готовиться на небо. А чтобы идти на небо — надобно знать пути, туда ведущие. И сии пути — в Церкви Божией, в Церкви Православной, в ее учении, в ее таинствах, в ее руководственных указаниях в жизни духовной. Если бы люди, уверовавшие во Христа, сохранили единство веры, если бы не внесли они своих человеческих мудровании в чистую истину Божию, то не было бы среди христиан и делений на мнимые церкви, секты, еретические сообщества. К несчастью, это случилось. Хитон Христов раздран ересями и расколами, испачкан сектантскими лжемудрованиями. Вот почему Господь и избирает из народов земных верных хранителей и провозвестников Своей Божественной истины. Таким и был в ветхом завете народ еврейский. Но он не принял Христа, воплощенную истину, и за то отвергнут Богом, и вместо народа избранного стал отверженным, вместо благословенного — стал проклятым, ибо сам на себя призвал эту клятву, когда кричал Пилату: кровь Его на нас и на чадах наших! Вместо евреев избраны народы европейские, греки и римляне. Прошла тысяча лет, западные христиане увлеклись мечтами римского папы о всемирном владычестве, исказили исповедание веры, внесли новшества в учение веры и отпали от единства Церкви. Тогда Бог избрал на их место, в полноту Церкви Божией, народы славянские и особенно нашу Русь, просветив ее православною верою. И стала она, вместе с народом греческим и православными славянами, носительницею и хранительницею Православия в среде народов земных. И стала избранным народом Божиим. Не с тщеславием, не в духе гордыни исповедуем мы сию истину: со страхом исповедуем Божие избрание и боимся, как бы не потерять его, как бы над нами не исполнилась угроза Христа Спасителя, изреченная некогда народу еврейскому и столь страшно приведенная над ним в исполнение: *се оставляется дом ваш пуст...* (Мф. 23, 38). Глаголю вам:

яко отымется от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его! (Мф. 21, 43). Вот как мы дорожим нашим святым православием, а не тщеславимся, не хвалимся им, как Божие избранники. Мы боимся, как бы не оказаться недостойными хранителями сокровища сего, как бы не быть народу Русскому тем рабом непотребным, который не пустил в оборот доверенного ему от господина таланта и закопал его в землю, тем хуже — не расточил бы его на свои эгоистические, земные потребности... Мы веруем в призвание нашего народа блюсти во всей чистоте и непорушной целости святое Православие, притом не для себя только, нет, а для всего мира, для всех народов земных, для каждого человека, кто хочет обрести вечную жизнь. Мы веруем и исповедуем, что в деле веры нельзя хромать на оба колена: служить Богу и мамоне, одну половину сердца отдавать Христу, а другую врагу Его — велиару... Если государственная власть признает веру православную единою истинною верой, если она сознает все великое значение сей веры в государственной жизни и строении, если видит в Православии духовную основу русской народности, народного миросозерцания, опору всех устоев государства, — а все это власть должна признавать, видеть и понимать, — то может ли она допускать подрыв веры, подкоп под нее разных ересей и лжеучений, разрушение ими сей веры в массе младенчествующего умом народа, не расшатывая в то же время своих собственных основ? Во имя чего она должна бы все это допускать? Во имя каких-то отвлеченных теорий, в принципе не признающих различия между вечным благом и вечной погибелью? Но так свойственно рассуждать только масонам, этим вечным врагам Христова учения. Во имя какой-то выдуманной свободы совести? Но ее не может быть хотя бы уже потому, что совесть есть сокровенный судия помышлений и поступков человеческих, есть внутренний закон, который, как закон, сам себя связывает, ограничивает но никем и ничем не может быть ограничен: пример — святые мученики... Затем: какая совесть? Бывает совесть и щепетильная, скрупулезная, бывает и сожженная... Так какой же дать свободу? Совесть еретика, сектанта, раскольника позволяет всех совращать в свои секты, ереси, расколы православных; совесть иудея дозволяет ему отравлять, убивать христианина, как животного, совесть вора — воровать и т.д. Уж не давать ли свободы всем этим совестям? Скажут: речь идет только о вере. Но расхищать сокровище веры, скрадывать русскую душу, искажать эту прекрасную душу по подобию немца-штундиста — да ужели может все это допустить Государственная власть, сама признающая православную веру своею основою, основою бытия Российского государства? Ведь, это было бы изменою своему назначению! В сущности, этим государственная власть упразднила бы сама себя.

Что пользы в том, если она будет ограждать только имущество подданных Русского государства от воров и разбойников, а душу народную отдаст на расхищение и духовное убийство? Мы не требуем казней для пропагандистов-еретиков; мы требуем только строгого им воспрещения пропаганды, под угрозою ощутительного для них наказания, хотя бы беспощадными штрафами и удалением из тех мест, где они пытаются свить себе гнездо. Мы умоляем правительство, чтоб оно оградило детей наших и простецов из народа от того духовного разврата, какой вносится иудейской необузданной, бессовестной печатью, развращающими зрелищами, разными кинематографами и под. Мы умоляем принять меры к сокращению пьянства... Пожалейте народ, не навязывайте ему насильно западных правовых теорий: он знает одну теорию — Царь Отец народа, весь народ — дети Царя, Царь любит детей как родной отец, народ беззаветно любит Царя как Отца, как Божия Помазанника. Что может быть лучше, выше, святее этой теории? Будьте же и вы старшими детьми Царя, Его верными слугами, верными и неизменными Его помощниками в Его святом деле служения царственного, в Его отеческих заботах о народе... Бросьте негодные для нас, русских людей, правовые начала, разные теории о равенстве, о свободах: полюбите народ, как младших братьев, поймите его

духовные нужды, и любовь подскажет вам, что нельзя давать ребенку игрушки, с коими он обходиться не умеет, нельзя открывать двери к душе народной всем проходимцам, всем иудеям, иноверцам и инородцам, когда народ еще не может сам дать им отпор, когда его надо еще научить беречь вверенное ему Богом сокровище веры православной и всего того, что завещали отцы наши, но чем — увы — мы так мало дорожим! Пощадите же народ, не отдавайте на расхищение сокровищ его души!

Вот наша мольба к тем, кто власть имеет, наша усерднейшая просьба всенародная к нашему правительству.

Всего этого требует от него исповедываемая им же святая вера православная. Довольно сделок с совестью в наших законах. “Аще есть Господь Бог — истинный Бог, то идите за Ним; аще же Ваал есть бог, то идите за ним”. (4 Цар. 18, 21) Вера Христова не терпит двоедушия: “поелику ты тепл, а не горяч, и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”. — говорит Господь в Откровении Ангелу Лаодикийской Церкви (3, 16).

Гремят громы небесные, сверкают молнии: проснитесь все, кому дорога родная Русь, дорога вера православная: лучше умереть за эти святыни, чем видеть поругание их!..

Но зачем терять надежду! Бог поможет — и отстоим их на радость родной земли!

ОБ АПОКРИФИЧЕСКОЙ МОЛИТВЕ И ЛЕГКОСПАСЕНЦАХ

Всколыхнулась русская жизнь и с самого дна ее выходят на поверхность такие ужасные явления, как хулиганство, разврат в его самых отвратительных формах, бессовестность в житейских, да и не в одних житейских, а и в общественных, и в политических отношениях. Но рядом с этими мутными отстоями “дна” русской жизни заметны явления и иного порядка: чувствуются тоскливые отголоски как будто пробуждающейся совести, слышится как будто вздох кающейся души... Но вот горе: и эти отголоски, эти вздохи души народной, надо сознаться в этом, раньше нас, пастырей, подслушал кто-то, кому нужно самое покаянное чувство народное направить на ложный путь и чрез то обмануть кающихся... Недавно я писал в своих “Дневниках”, как враги Церкви подметили в среде нашей интеллигенции некоторую склонность к так называемому мистицизму и стараются направить эти проблески духовного пробуждения в сторону разных мистических лжеучений. Теперь множество писем, мною получаемых, побуждают меня обратить внимание моих читателей, особенно же пастырей, на другое явление, замечаемое в низших классах народа. Впрочем, те, кому это нужно, не стесняются обращаться и к интеллигентным лицам со своими непрошеными советами. Беру одно из более характерных писем по сему поводу:

“Меня одолевает сомнение и беспокойство... Получила я прилагаемое письмо, с приглашением переписать девять раз и разослать девяти лицам молитву, тут же помещенную... Это не в первый раз. Несколько лет назад так же точно рассылалась, но только с требованием семи списков, другая молитва, в которой несколько раз упоминалась кровь... правда, с прибавлением слов: святая Христова кровь... Ради этой крови просили спасения и благословения. Сколько мне помнится, тогда чуть ли не С. Синод заявил о ненадобности и даже вреде подобных анонимных, тайных почтовых пропаганд молитв, неведомо кем выдуманных. Теперешняя молитва гораздо короче. В ней, по-видимому, нет ничего предосудительного, но мне она кажется почему-то подозрительной. Во-первых, число девять — число масонское. Во-вторых, упоминание о всем человечестве пахнет интернационализмом, не вяжущимся с простым благочестием. В-третьих, какое-то внутреннее чувство подсказывает, что есть тайный смысл в словах, по-видимому благочестивых... Боюсь, не скрывается ли богохульство под видом

молитвы. Конечно, Господь не осудит согрешившего по неведению. Не боюсь я и обещанных за неисполнение переписки злополучий. Господь прибежище мое: кого убоюся? Но, быть может, следовало бы предупредить малых сих, не умеющих думать собственными мыслями. Может быть, духовный авторитет нужен в данном случае, как и духовное знание. Вот почему и смею беспокоить вас, владыко. Посылаю вам оригинал, полученный мною. Может быть, найдете нужным написать предупреждение и совет — не поддаваться подобным приглашениям, позади которых мне почему-то ясно чувствуется масонская интрига... Быть может, желание заставить богохульствовать самих верующих православных людей. Злобное жидовство очень способно на подобную мысль. Быть может, тут и еще цель: узнать, кто и насколько способен поддаваться внушению... Словом, прошу вашего совета и указания и остаюсь...”

Следует подпись и адрес.

А вот и приложенное письмо:

“М. Г. Посылаю вам молитву, которая должна обойти кругом света. Перепишите и увидите, что случится чудо. Сказано: кто эти молитвы перепишет в течение двух дней 9-ти лицам, тот будет избавлен от зла и на 4-й день получит радость, а кто оставит без внимания, того постигнет несчастье. Не подписывайте своего имени, а только обозначьте число, когда получено письмо. Не прерывайте эту молитву, посылая которую девяти лицам, напишите все, что пишу вам. Я получила 25 января и отправила 26 января 1913 г.” Затем следует молитва, которую привожу как образчик чисто сектантского мышления:

“О Господи! Я молю Тебя: благослови меня и все человечество, избави от зла и дай нам пребывать с Тобою. Аминь”.

Вот и все!..

А если выкинуть фарисейское “я молю Тебя”, совсем не нужное в столь краткой молитве, то молитва будет еще короче.

О чем же просит молитва?

“Благослови меня и все человечество”...

Великое дело — Божие благословение, но православная молитва прежде всего просит помилования, ибо тогда Божие благословение придет само собою. Автор как будто “все человечество” уже считает помилованным. А покаялось ли оно?.. Не слышится в этой молитве духа покаянного... И что разумеет автор под словом: “все человечество?” Ужели он дерзает просить благословения Божия всем еретикам, безбожникам и богохульникам? Всем тем, которые отвращаются от Божия благословения, бегут от лица Божия, погибая в богоненавистничестве? Но не оскорбление ли Богу такая молитва? И простой иерей не благословит того, кто издевается над Божиим благословением... А что за выражение: “дай нам пребывать с Тобою”? Как понимать его? Господь Вездесущ, значит не о том речь... О чем же? Это — секрет автора, самочинно сочиняющего молитвы для “всего света”...

Но весь вред распространения подобных молитв не в словах самой молитвы, а в том наказе, каким она сопровождается. В этом наказе — и суеверие, и даже богохульство... Неведомый писака-сектант обязывает получившего его молитву сейчас же, в течение непременно двух дней, написать девять копий молитвы и разослать девяти лицам, да еще смеет пророчествовать и угрожать: если исполните его приказ, то на 4-й, — непременно на четвертый почему-то день — “получите радость, а кто оставит без внимания, того постигнет, видите ли, несчастие”... Это уж, как говорится, слишком... заврался г. автор! Откуда он заручился такою властию — давать счастье или нагонять на людей несчастье одним своим полуграмотным посланием? И конечно, многие православные получили эту апокрифическую молитву и не обратили на нее ни малейшего внимания; я получил их с десяток и с негодованием на автора за его наказ разорвал и бросил в корзину, и, милостию Божией, все мы целы и невредимы, и

никаких несчастий с нами не случилось. Да и не могло случиться, ибо мы веруем, что Господь милостивее автора молитвы и не станет, по его предписанию, раздавать счастье или карать нас за неисполнение его приказа, притом еще отзывающегося, как замечено в вышеприведенном письме, масонщиной — несчастьями... Справедливо говорит один пастырь в "Колоколе", что "этот наказ делает молитву заговором", превращает рассылку ее в посев кощунственного суеверия, в пропаганду колдовского причитания, хотя она упоминает и имя Божие. Вспомните Златоуста: он внушал "бежати и отвращатися волшебников, хотя бы они призывали и Святую Троицу, и угодников Божиих, и знаменовались крестным знамением" ("Требник"). Есть элемент волшебства, чаровничества в этом призывании счастья на рассылающего молитву и несчастья — на ослушников. "Я послал молитву — и Бог обязан дать мне счастье, не может отказать мне в даровании великой радости, пусть я по делам по моим, по чувствам и расположениям заслуживал бы бичей и скорпионов". Разве это не кощунственная надежда? Христос Господь научил нас молиться Отцу Небесному, дабы на небе и на земле творилось все по Его премудрой и справедливой воле. А теперь неведомый миру изобретатель хочет связать волю Божию немудрым актом рассылки молитвы и назначить Богу даже и срок для исполнения надежды"... Какое безумие! Какое страшное кощунство и богохульство!..

Лет сорок тому назад распространялась тоже молитва, с подобным заговором, обещаниями и угрозами. Изредка она и теперь продолжает кружить по белу свету. Помню: тогда, еще ученик семинарии, я находил в ней армянскую ересь, ибо молитва — трисвятое обращена была к одному Лицу Пресвятыя Троицы, к Сыну Божию... Видно, живучи подобные суеверия. А в наше время они находят себе очень благоприятную почву в той слабости человеческой, которою всегда злоупотреблял враг рода человеческого, когда ему хотелось отклонить людей, ищущих спасения, на ложный путь! Так было во все времена, с древнейших времен. Идея счастия заложена в душу человека при его сотворении. Бог сотворил его не для страданий, а для блаженства. Но для достижения блаженства и в раю нужен был труд — возделывать и хранить рай, нужно было послушание Богу, отсечение своей воли. Враг искусил людей желанием сразу получить высшее счастие — будете яко бози... Первозданные пали. Но заложенное в душу стремление к блаженству, а после падения — к спасению осталось неистребимым. И вот, рядом с путем подвига, по слову Господа: царствие Божие нудится и тесны врата, узок путь, ведущий в него, является иной путь, как бы в обход первого — путь самочиния, легкоспасенства, как охарактеризовал его в своих писаниях святитель Феофан-затворник. Идея спасения "полегче" лежит в основе всех сект, как рационалистических, так и мистических. Подвиг слишком тяжел: нельзя ли его чем-либо заменить? Даже в области самого подвига явились и являются способы и средства достигнуть тех или иных состояний, считаемых благодатными, помимо путей, указуемых Церковию. Латинская церковь придумала, для облегчения, преимущественно мирян, индульгенции, Франциск Ассизский изобрел особые способы достигать экзальтированной восторженности, Игнатий Лойола — целую систему "духовных упражнений", во многом напоминающих не учение опытных великих подвижников Востока, а скорее учение йогов языческого Индустана. Протестанты-рационалисты просто отвергли значение подвига и добрых дел в воспитании человека для вечной жизни, успокаивая свою совесть на учении, будто одной веры достаточно для спасения, а сектанты-мистики придумали радения, скопцы — уродование себя и т.д. А в сущности все сводится к одному: *как бы полегче, без подвига, заповеданного "до пролития крови", спастись.* Вот почему всем этим отщепенцам от Православной Церкви так ненавистно учение Церкви о необходимости подвига, борьбы с самим собою, смиренного сознания своего духовного бессилия в этом деле и необходимости, а следовательно, и искания благодатной Божией помощи. Так постепенно вытравляется из сознания христиан учение о кресте, о необходимости участия христианина в Христовых страданиях чрез исполнение заповеди Спасителя: аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой...

Следует отметить, как это уклонение от креста, от подвига, так сказать — просачивается в нашу церковную жизнь.

Покойный о. Иоанн Кронштадтский, сам величайший подвижник крестоношения и внутреннего духовного подвига, нередко советовал своим духовным детям чаще причащаться Св. Христовых Тайн. Само собою разумеется, это должно быть совершаемо с должным приготовлением, с великим благоговением и согласно с установленными Церковию правилами. Среди его духовных детей нашлись такие, которые приняли к сердцу его совет. Всем верующим известно, что святейшее Таинство Евхаристии доставляет причастникам, благоговейно к нему приступающим, великое духовное утешение. Естественно, что не могли не испытывать сего утешения и упомянутые духовные чада о. Иоанна. И они стали чаще обычного приступать к святейшему таинству. Но немощи человеческие сказались и в них: мало-помалу они стали остывать в принятом на себя не по силе подвиге, все свое внимание лишь устремляя на то утешение, какое доставляло им причащение Св. Тайн и, не внимая своему недостоинству, начали все дело спасения своего поставлять единственно в самом причащении, приступая к нему без должного, посильного приготовления. Заповедь подвига, крестоношения, борьбы с собою, смиренного очищения совести в слезном покаянии — все это отошло сначала на второй план, а потом и забываться стало... Явилась секта, сначала, может быть, не столь заметная, а потом, вследствие, как думаю, особых, известных из учения святоотеческого, условий психофизиологических, о коих теперь говорить не место, секта приняла характер хлыстовщины и, вероятно, в своем развитии превратится в таковую...

То и дело слышишь и читаешь, что в разных уголках православной России появляются секты: в Бессарабии — иннокентиевщина, в Вологодской епархии — степановщина, в Харьковской тоже — от имени другого Стефана, в Киевской еще не исчезли следы малеванщины... В самой столице есть проходимцы, увлекающие своим ложным благочестием даже людей интеллигентных, не говорю уже о пресловутой чуриковщине. Казалось бы уже одно то, что какой-нибудь мужик, назвавшись странником, отростив себе волоса, явился, неведомо зачем, в столицу бродить по улицам, иногда босой, без шапки, с громадною палкой — уже одно это должно было бы предостеречь каждого, понимающего христианскую жизнь, от знакомства с таким загадочным человеком: думать, что в наш век много избранников Божиих, несущих подвиг юродства ради Христа, нельзя: истинных юродивых и всегда было немного: греческая Церковь в числе святых чтит только Симеона да Исидору Египетскую, — Андрей уже славянин, а русская Церковь имеет в своих святцах сих подвижников не больше трех-четырех десятков. А между тем странных людей немало бродит в столице, и говорят, дела у них идут не дурно... Свои дома имеют! И тем не менее — к таким проходимцам льнут не только простые люди, но и из общества. Что же влечет к ним? Думаю — желание получить наставление, как душу спасти — полегче... Вот тут-то и попадают сии ищущие спасения в сети хлыстовщины и подобных лжеучений...

Нет надобности говорить, что разные Редстоки, Пашковы, а в последнее время — Фетлеры находят себе многих последователей в среде якобы ищущих спасения. Благо же теперь в моде всякие свободы — до свободы духовного самоубийства включительно. А увлечение проповедями таких лжеучителей и есть, в сущности, самое настоящее духовное самоубийство...

Повторяю: опасность в том, что это стремление к *легкоспасенству* подмечено врагами Церкви; ему покровительствует и печать и интеллигенция; к нему снисходительно относится даже и наше пастырство. Не будем греха таить: сами будучи немощны, мы всегда готовы снизойти и другим в таких предметах, в коих не только не имеем права делать уступки, но и долгом обязаны беспощадно обличать заблуждение, дабы оградить чистоту самого идеала жизни православной, каким он предан нам св. материю нашей — Церковию...

МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ В НАШЕЙ СТОЛИЦЕ

I

Знамения времен зовут нас к покаянию.

Помните ли вы, читатели мои, как девять лет назад была выкрадена святыня русской земли — чудотворная икона Казанская? Болью, тоскою, тяжелым предчувствием грядущих бед отозвалось в русском сердце это событие, и разве не оправдались наши предчувствия? Не даром в народе издавна было верование, что пока цела эта святая икона, пока она стоит на страже между христианской Европой и иноверным, языческо-магометанским миром Азии, дотоле и мы можем быть спокойны, а покинет Она, наша Заступница усердная, место Свое — и горе, и беды грозят нам, и останемся мы беззащитными... Так, ведь, оно и случилось... Нет нужды говорить о том, что мы пережили за эти девять лет.

Да, это попущение Божие — похитить св. икону, было знамением, вразумлением Божиим для нас. Но мы не вняли сему знамению. И знамения — присмотритесь — повторяются то и дело... Сейчас я прочитал в газетах, что в Сергиевом посаде дотла сгорел “театр”: там театра и не было, но, очевидно, это тот “клуб”, в котором так недавно, вопреки моему предостережению, исполнялся “сатанинский танец”... Сохрани меня Бог — быть пророком, но... случайностей в мире не бывает и, конечно, не я один думаю, что посадских обывателей вразумляет оскорбляемый ими угодник Божий...

Три года назад мы, люди преданные Церкви, протестовали против построения буддийского капища в столице. Князья-редакторы и вся иудействующая печать издевалась над нами, как над фанатиками; о капище долго молчали, и мы полагали, что наш голос услышан, что капища не будет, а здание обратят — ну хотя бы в азиатский музей... Увы, газеты оповещают, что 21 февраля, в столь радостный, столь священный для нас, православных русских людей, день, приехавший из Монголии идольский жрец совершит торжественное открытие сего капища, и столица православной Руси увидит впервые, может быть, на берегах Невы жертвоприношение идолам... и когда же? В день светлых воспоминаний торжества православия над интригами латинства, которое собралось было триста лет назад поглотить православие!..

Но и этого мало. Только что сгорел Троицкий собор, величайшая святыня столицы, сгорел от загадочной причины, будто сам загорелся, не стерпев зрети возвышающееся пред ним другое капище — мечеть лжепророка, обманщика Магомета... “Не достойны вы, русские люди, святыни Божией, и она уходит от вас”... Я боюсь договаривать дальнейшие слова Господа иудеям: се оставляется дом ваш пуст!.. О нет, Господи, накажи нас, но помилуй ради тех младенцев веры, кои, подобно младенцам града Ниневии, не умеют отличить правой руки от левой, которые не знают, что и делать при виде торжествующе возвышающегося над Крестом Господним полумесяца и языческих эмблем. Ведь, сердцем-то они болеют о сем... Утешь и вразуми их, Господи!

Но и этого еще мало: в тот же священный день, 21 февраля, как сообщают услужливые газеты, это магометово капище будет “освящено” (!) особым служением, которое кощунственно, как и в буддийском капище, газеты называют “богослужением”. (Прости нас, Господи, что повторяем это воистину богохульное в данном смысле слово!)

Плачь, русская православная душа! Кайся пред Богом, благо же наступают и дни покаяния! Вся сия попускается Господом за твои грехи, за твою языческую жизнь!..

А еще больнее, еще страшнее газетное сообщение, что так называемая Государственная Дума отвергла предложение правых членов об ассигновании на храмы Божий... Это уже полное отречение от всех заветов предков, это измена святой Руси.

Но утешим себя тем, что Дума еще не Русь.., что там не те “лучшие русские по духу люди”, каких звал Государь, а в большинстве — отщепенцы от народа, изменившие его идеалам и заветам.

Утешим себя крепкою надеждою, что встанет, наконец, настоящая, историческая Русь, соберется с силами, разгонит туман, ее обуявший, и построит на месте сгоревшего такой храм, какого еще не было на Руси!

И это будет храм-памятник не только минувшему трехсотлетию, но и победе над современною смутою — победе русского народного духа над всею, столь несродною сему духу иноземщиной, масонщиной и всяческой духовною заразой...

А кто знает? Если не мы, то наши дети или внуки дождутся и того дня, когда и капища, и мечети обратятся в храмы Божий...

Дерзайте же, люди Божий, дерзайте и не унывайте!

II

До боли горько, обидно, страшно!..

“Колокол” сообщает, что в Петербурге, в великий день великих, воспоминаний религиозно-патриотического подъема народного духа, открылось... идолослужение...

Дождалась Русь-матушка!

Прислушаемся же вот, что говорит святый апостол Павел об идолослужении.

“Язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами”, — предостерегает сей апостол, паче всех апостолов потрудившийся в благовестии Христовом.

Итак, в столице православного государства началось формально служение “бесам”. Слышно, что где-то, в подпольях аристократического дома, есть, и без всякой покрышки, служение сатане: служат, как говорят, и “обедню” ему...

Ужасом сжимается сердце, когда приходят на мысль пророческие слова того же великого апостола, который за девятнадцать веков предсказал, что пред пришествием антихриста произойдет “отступление”, отступничество от веры, и это будет признаком близости пришествия “человека беззакония, сына погибели”... Не начинается ли на наших глазах это отступничество?..

Что язычники молятся своим богам — “бесам”, это естественно; что приносят им жертвы — понятно: ведь не ведая истинного Бога, они мнят служити якобы истинному Богу... Во тьме ходят!..

А вот, что именуемые христиане принимают участие в их идолослужении, — это ужасно, это уже богоотступничество, достойное анафемы!

Ведают ли эти “несколько офицеров, во главе с полковником генерального штаба И. (жаль, что полной фамилии газета не сообщает: имена таких “полковников” надо бы пригвождать к позорному столбу!), эта княгиня Дундукова, эти два несчастные ученика училища правоведения, — ведают ли, говорю, все эти “богоискатели”, катающиеся на моторах, что они творят?.. С кем в общение входят?.. Пусть перечитают еще раз приведенные слова апостола Христова! А, впрочем, какое дело этим “просвещенным” особам до какого-то там апостола Павла?.. Для них вот этот “цанит Агван Дорджиев” — куда авторитетнее “иудея Павла”, жившего 19 веков назад... Не правда ли, как все это горько, обидно, страшно?..

Впрочем, говорить с сими несчастными, бывшими когда-то православными, кажется, бесполезно. Да едва ли и дойдут до них эти строки. Известно, ведь, что наши “интеллигенты”

брезгуют черносотенными газетами. Поэтому, предоставив их суду Божию, вдумаемся в печальный смысл того явления, что на берегах Невы, где история не запомнит магометовых мечетей, где идолопоклонство было, может быть, когда-то, во времена дохристианские, теперь когда Церковь Христова вспоминает 1600-летие знаменитого эдикта Константина Великого о свободе христианства, теперь — в столице православного царства строятся капища для идолов да мечети для лжепророка аравийских пустынь... Что же это значит? Или сила Христова учения стала бессильна бороться с этой бесовской прелестью? О, конечно же — нет!.. Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки! Он раз навсегда победил сатану, и никогда врата адова не одолеют Его Церкви! Но оглянемся на себя. Мы-то христиане, стоим ли носимого нами знания христиан? Не поносится ли имя Христово в нас, в нашей жизни? Ведь, если бы мы оправдывали свое звание, то и магометане и язычники, среди нас живущие, давно стали бы христианами. А если и не обратились бы к нашей святой вере, то настолько уважали бы ее, что и не подумали бы строить свои кумирни и мечети в нашей столице. Мы, православные, не иначе можем смотреть на эти здания, как на “мерзость запустения”, как на оскорбление нашего религиозного чувства... С омерзением приходится теперь нам, православным, проходить и проезжать мимо этих... построек! А еще более обидно вспомнить, что среди нас, православных, есть люди, которые участвовали в этих постройках, которые помогали язычникам и чтителям Магомета в их хлопотах... Не говорю уже о тех, кто принимает участие в идолослужении, — таковым мы не имеем права, по заповеди апостола, даже приветствие говорить...

Страшно то, что все это даром нам не пройдет, за все это богоотступничество русских людей придется страдать все той же нашей матери-России...

Рука отказывается писать, когда размышляешь о всем этом. Знаю, что меня назовут фанатиком: называйте, господа, как угодно, но я крепко убежден, что суд Божий покарает нас за это. Ручительство сему — вся ветхозаветная история евреев... Мне, русскому человеку, да еще архиерею, до боли жаль Россию, и пусть иудеи и их приспешники смеются надо мною: сил нет молчать!..

И я уверен, что не один так думаю. Знаю, что миллионы русских людей то же думают со мною. Мы боимся за судьбы родной земли. Иудея погибла от своей интеллигенции, от всех этих христоненавистных книжников и фарисеев, от безбожников-саддукеев, и мы боимся, чтоб не случилось чего подобного с нами, с нашей дорогой Русью...

В ЗАЩИТУ СВЯТОГО ПОСТА

Мои дневники, особенно последние — “об анонимах” и о “легкоспасенцах”, видимо, тревожат совесть некоторых читателей: я получаю немало писем с откликами на них. Что ж? Слава Богу, что совесть заговаривает и тянет людей к суду Божию... Ведь, давно сказано: един Бог без греха, а святые отцы говорят: грешить свойственно людям, а пребывать во грехе нераскаянно — только демонам. Аще падеши — востани, убеждают они всякого грешника: и елико падеши, толико востани... Но вот наше горе: в нашем сердце нередко, даже без нашего ведома, хозяйничает наше грехолюбие, и лишь только совесть встревожится, проснется, как оно, грехолюбивое сердце, тотчас же отдает приказ нашему уму: подыскать оправдание... А ум, как известно, состоит на послугах у сердца: ведь, Господь — Сердцеведец истину сказал, что от сердца, а не от ума исходят помышления. Притом, сердце иногда так искусно прячется за ум, что мы того и не замечаем, и воображаем, что наш рассудок в данном случае работает только во имя здравого смысла и требований логики... Да, сложное дело — душа человеческая и духовная жизнь: не только чужая, но и своя-то собственная душа для нас иногда представляет собою именно — потемки! Иной весь свой век в потемках ходит, в потемках и умирает, воображая, что

во свете ходил... Только там, к его ужасу, откроются его духовные очи и увидит он, несчастный, как жестоко заблуждался. А, ведь, совесть-то и ему подсказывала, и его тревожила, но он не давал ей свободы обличать его, спешил заглушить ее голос мудрованиями лжеименного разума.

Вот это замечается и в тех письмах, которые получаю я в ответ на мои дневники. Особенно замечается это стремление — как-нибудь ускользнуть из-под креста, спастись полегче, да чтобы о вечных мучениях не напоминали! И всюду так и выступает одна и только одна идея — о Божием милосердии... Как будто теперь-то, в сей земной жизни, недостаточно Божия милосердия, не отверсты для кающихся объятия Отче: чего не делает Господь для того, чтобы призвать нас к покаянию! И осыпает нас Своими милостями, и вразумляет бедствиями, и проявляет дивную силу Свою и благость в чудесах и знамениях, и самое течение жизни, как личной, так и государственной располагает так, что виден Его указующий перст, видна Его правящая десница. Но что делать с нашим нечувствием? Когда вдумываешься во все это, то страшно становится и за себя, нечувственного грешника, и за весь грешный мир, и слышится в совести грозный голос древнего пророка: “увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, повернулись назад. Во что бить вас еще, продолжающие упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло”... (Ис. 1, 4-5) В самом деле: только и слышишь со всех сторон жалобы: жить тяжело, сил нет, там эпидемии и недород хлеба, здесь смута в умах и сердцах, каждый день самоубийство, грабежи, кощунства, богохульства, а на политическом горизонте собираются грозные тучи — одна другой темнее, одна другой грознее... Казалось бы: как не вспомнить забытого Бога? Как не всплакнуть сердцем и не покаяться — так, как каялись когда-то ниневитяне, как умели каяться наши предки? — И совесть тревожится, напоминает нам о том же, а мы все свое: приказ и наказ уму: “искать путей спасения полегче!”.. Но, ведь, у Господа уже положены пути, указаны нам, и не восхощет же Он в угоду нам, нашей лености, изменят Свои законы: ведь это, как сами мы потом, если не здесь, то на том свете, узнаем, — это было бы нам же во вред!

Да и то надобно сказать: разве неправду говорит Господь, что иго Его благо и бремя Его легко есть? Разве обманывает Его любимый ученик, когда говорит, что заповеди Его вовсе не тяжелы? Разве обманывали себя и нас святые крестоносцы, уверяя, что наш крест жизненный в конце концов обращается в крылья, возносящие нас на небо? Да наконец — опыт, постоянный опыт всех веков и всех крестоносцев — Христовых последователей убеждает, что с нами и за нас несет крест наш Сам Господь, а от нас требует только одного: сыне, даждь Ми твое сердце — доверься Моему водительству, верь и знай, что все скорбное бывает по Моему попущению и в радость обращается, лишь бы ты сам не вредил себе своим самочинием в деле спасения, не бежал от креста и из-под креста, лишь бы все свое сердце отдал исполнению в простоте Моих заповедей животворящих, а Я тебе ручаюсь — верь Моему слову Божественному: сила Моя в немощи совершается (2 Кор. 12, 9), и если бы даже мать забыла грудное дитя свое, то — Я не забуду тебя! (Ис. 49, 15) — Так, Господь с нами, Господь всегда пребывает благодатию Своею в Церкви Своей, ей Он поручил дело нашего спасения: только пребывай в послушании ее водительству, не верь своему слабому, вечно заблуждающемуся разуму, пользуйся таинствами, и твое спасение обеспечено.

Видите, как и узкий путь, ведущий в царство небесное, становится удобопроходим, и иго Христово — удобоносимо для тех, кто пребывает в недрах Церкви. К несчастию, враг ныне сеет мысль в сердца верующих, будто можно обойтись без Церкви, можно спастись в одиночку, руководиться не учением Церкви, а своим мудрованием. И мнят себя многие из восприявших сию мысль, будто они остаются православными, вовсе не замечая того, как постепенно отходят от православия, святыня которого хранится только в Церкви. И становится понятным, почему им отошедшим от Церкви, кажутся тяжким бременем заповеди церковные: они не испытывают

сердцем своим обновляющей и согревающей дух благодати Божией, только в Церкви Божией раздаваемой.

Беру ближайший к переживаемым дням святой четыредесятницы пример. Тяготятся постом, а не знают опытно сладости сего святого упражнения, которое при руководстве Церкви проходимое, в глубоком смирении, при обуздании страстей, утончает нашу природу, приближает нас к духовному миру, дает нам возможность переживать прикосновения к сему миру, самый телесный состав наш обновляет, освежает и, хотя отчасти, восстановляет гармонию жизни человека, как существа духовно-телесного, возвращая его, в некоей степени, при помощи благодати Божией, к состоянию Адама первозданного. Мы забыли об этой гармонии жизни; мы не знаем радостей господства духа над плотию; мы постоянно обманываем себя, оказывая всяческое снисхождение, на самом же деле поблажку этой плоти и в конце концов совсем оплотеняемся: становимся, по выражению псалмопевца, подобными скотам несмысленным и уже теряем всякое опытное представление о жизни духа. Немудрено, что современные люди если не всегда высказывают, то на деле постоянно проявляют в жизни теорию дарвинизма о родстве человека с животными. Не удивляюсь, что сказания о древних подвижниках кажутся им вымыслами, да многие и не знают их. А между тем стоило бы, если уж не ради подвига подражания им, то хотя бы ради так называемого научного интереса, ради, наконец, собственной пользы, в целях здоровья, заглянуть в жития святых, чтобы так или иначе использовать их опыт в отношении поста. Ведь, и они были такие же, как мы, люди, такую же и плоть носили, хотя, конечно, не столь избалованную, как наша. А все же — не угодно ли вот послушать, как они постились.

Раскроем бесценное сокровище назидания — жития святых Божиих и приникнем слухом сердца к тому, что говорят они. Вот преподобный Иларион принимает пищу иногда чрез три, иногда чрез четыре дня. Преподобный Савва вкушает чрез пять дней, а Симеон Дивногорец, еще в самом нежном детском возрасте, шести лет от роду, уже постится по семи дней. Во всю жизнь потом он держится правила: вкушать чрез три дня, иногда чрез семь, иногда же чрез десять. Преподобный Ор вкушал раз в неделю, так же постился и преподобный Макарий Александрийский в святые четыредесятницы. Иоанн Постник, патриарх Константинопольский, во все время своего святительства, в продолжение всей недели не имел стола, и только в воскресенье вкушал немного огородных овощей. Преподобный Паисий пять дней в неделю постился, а в субботу и воскресенье подкреплял себя скудною пищею. Потом, к одной неделе приложил он и другую, и вкушал уже чрез две недели. Преподобный Петр Афинский постился сперва две недели, а после постоянно вкушал чрез сорок дней пищу, которую приносил ему Ангел Божий. Преподобные Виссарион и Симеон юродивый часто проводили без пищи целую неделю, а иногда и сорок дней. Симеон столпник сначала вкушал в неделю раз, потом, желая приучить себя к строжайшему посту, заключился в тесной келье на сорок дней, и хотя у него были хлеб и вода, однако он не прикоснулся к ним. С тех пор он постоянно проводил св. четыредесятницу без пищи и питья. Преподобные: Герасим, Анин, Феодор Сикеот, Антоний и Феодосии Великие, Макарий Египетский, Кириак, Иоанникий Великий, Марк Фраческий, Афанасий Афинский, Арсений Великий, Онуфрий Великий, Мария Египетская, Даниил столпник и множество других подвижников всю жизнь свою проводили в изумительных подвигах поста. А когда принимали пищу, то надобно еще сказать: что это была за пища? Это были смоквы и финики, разные огородные овощи, самым простым образом приготовленные, без всяких приправ, разве только с солью, очень редко - с маслом.

Одному подвижнику, в день Пасхи, ученик приготовил пищу с маслом: он посмотрел на нее, залился слезами и, сказав:

“Господь мой вкусил оцет с желчию, и я ли буду есть с маслом?” — велел подать себе обычную пищу без масла. Вкушали они вареные зерна пшеницы, ячменя, чечевицы, что у них

называлось сочивом. Те, которые жили в монастырях или близ оных, питались, конечно, и хлебом, преимущественно сухарями, которыми запасались на несколько дней, месяцев и даже лет; но многие и хлеба не вкушали.

Преподобный Марк Фраческий, 95 лет не видевший лица человеческого, открывался посетившему его Серапиону, что голод принуждал его иногда наполнять чрево землею и пить морскую воду. Пустынники, обыкновенно, питались дикими растениями, корнями разных трав, мохом, дубовой корой... Они смотрели на пищу, как на лекарство: фунт хлеба в сутки. — вот самая обычная мера их пропитания. Но многие и эту меру сокращали: преподобный Досифей уменьшил ее до четверти фунта в день, преподобный Макарий Александрийский сделал себе сосуд с узким отверстием так, чтобы только могла проходить рука, и клал в этот сосуд мелко нарезанные сухари: сколько можно было за один раз захватить рукою, столько и составляло его дневное пропитание, — это было не более осьмушки фунта в день. Многие из наших Киевопечерских затворников питались, обыкновенно, одною просфорою...

Слабые люди нашего времени скажут: так изнурять себя — грешно, такая скудость в пище вредит здоровью, сокращает жизнь. Но едва ли кто из нас способен выносить такие великие труды, какие выносили святые постники: целые ночи выстаивали они на молитве с земными поклонами, весь день проходил у них в тяжелой работе, они легко переносили и нестерпимый летний зной, и зимнюю стужу, спали час-два в сутки на голой земле, а иные и вовсе не ложились, а только дремали, сидя или стоя. И при всем этом — заметьте — они почти не знали болезней, всегда были бодры духом и телом, хотя на вид они были — только кожа да кости. А жили они вот по сколько лет: Симеон столпник стоял на столпе 80 лет, а всего жил 103 года; Кириак отшельник жил 109 лет; Алипий столпник — 118; Иоанн молчальник — 104; Антоний и Феодосии Великие по 105; Павел Фивейский — 113; Павел Комельский — 112; Анин — 110; Макарий Александрийский — 100. Марк Фраческий только в пустыне провел 95 лет, не считая того, сколько жил в мире. И другие многие жили по сто лет, а до 90 — большая часть...

Видите: самый строгий пост не вредит здоровью, напротив, постники-то и живут дольше других. Да и теперь, спросите: где можно больше встретить глубоких старцев, убеленных сединами — в миру ли, или в св. обителях? Конечно, в монастырях, и эти старцы — конечно, из тех, которые строже соблюдают монашеские уставы о посте. Или скажите, что святым людям Сам Бог помогает Своею благодатию? Правда, но кому же Бог отказывает в Своей благодатной помощи? Грядущаго ко Мне не иждену вон, — говорит Господь. — Впрочем, я не к тому говорю, чтобы нам, грешным, во всем брать пример с угодников Божиих: ведь, и сами они не вдруг доходили до такого строгого поста, а много лет приучали себя к тому. Да и они же учат нас, что “удивляться трудам святых дело похвальное, ревновать им спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное” (Лест. 4, 42). Я хочу только опытом святых угодников убедить в той же истине, в коей убеждает и опыт врачей: пост не только не вреден, но и полезен для здоровья, не только не сокращает, но удлиняет нашу жизнь... Ведь, верим же мы опытам каких-нибудь Таннеров, так не следует ли нам, православным христианам, поверить больше опытам святых угодников Божиих?

Церковь учит: постись, не можешь поститься — смирись, почти пост великих подвижников поста, склонись пред ними в благоговении, но не дерзай осуждать свою благодатную мать, якобы установившую непосильные для тебя посты.

Ты болен? Но от больных Бог не требует поста. Только и тут, не лицемерь, не допускай грехолюбивому сердцу обманывать себя... Ведь, за все надо Богу отвечать. Наши предки вот и жили в простоте сердца, старались, по мере сил, соблюдать положенные Церковию посты, а не пускались в сектанские самооправдания, с обвинением Церкви в том, будто она требует от нас непосильного подвига; сознавая свои немощи, они смирялись и говорили: “святые постились — в рай вселились, а мы постимся — никуда не годимся”.

Удивительное дело: на почве модных увлечений мы готовы отказаться от животной пищи, хоть навсегда; открываются, например, вегетарианские столовые, питаются там почти исключительно растительной пищей, и являются им подражатели, а вот отказаться от мяса на Великий пост, заповеданный не кем-нибудь из святых мужей, хотя и их заповедь для нас обязательна, но — святыми Апостолами, в подражание Самому Господу нашему, постившемуся ради нашего спасения четыредесятницу дней — это нам, видите ли, не под силу, да и напрасно это положено, и Сам Христос-де говорит, что не входящее во уста сквернит человека, и у Апостола-де сказано, что брашно нас не поставит пред Богом, и прочие неумные глаголы... Кто еще верует во святую Соборную и Апостольскую Церковь, того я спрошу: скажи мне, по совести: ужели на протяжении почти двух тысячелетий миллионы православных, соблюдавших посты, тысячи пастырей и учителей Церкви, все эти великие святители и подвижники, единогласно восхваляющие пост, — ужели все они, личным опытом доказавшие, на себе изведавшие силу и пользу поста, были — простите мне, угодники Божий, это выражение, может быть, не совсем уместное — ужели они были глупее тебя, современный христианин, ужели заблуждались, обманывались и, в своих писаниях восхваляя пост, обманывают нас?.. Кто из православных посмеет допустить такую оскорбительную и для угодников Божиих, и для самой Церкви Христовой — мысль? Да тем более, что все сии защитники поста единогласно приглашают всех сомневающихся: вкусите и видите, яко благ и полезен пост! Не верите нам — сами на себе изведайте! — Увы, современному горе-христианину не хочется и поститься, не хочется и смириться, признать себя виновным в нарушении постов, вот его грехолюбивое сердце и отдает приказ вселукавому уму — пустить в ход все словеса лукавствия, лишь бы как-нибудь оправдать его леность... Я спрашиваю такого якобы — христианина: честно ли это? Достойно ли звания христианского?

Нет, не в духе Христовом все это! Бог не нуждается в нашем посте — нам нужен пост! Пост нужен был еще в раю, невинному Адаму, чтобы проявить послушание и чрез послушание — любовь к Творцу и Благодетелю: нам ли, порабощенным плоти и страстям, он не нужен? Затем, ведь, Богу нужно наше покаянное сердце: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит. Не нужна Богу наша фарисейская праведность, самооправдание: Ему нужно, для нашего же спасения, мытарево злато — святое христоподражательное смирение. Где нет этого злата — там нет и угодного Богу добра. Ни пост, ни милостыня, ни молитвенные подвиги — ничто не угодно Богу без этой златой пробы — таково учение нашей матери — Церкви. А какое уж тут смирение, когда люди, считающие себя чадами Церкви, судят уставы и заповеди своей матери? Да наконец, сама природа наша не требует ли поста? Когда скорбь сжимает сердце, когда тоска давит душу, когда чувствуешь над собою беду: до пищи ли тогда? Не является ли какое-то отвращение от пищи, не хотелось бы и говорить, и думать о столе... И пост — время покаяния, время, когда надобно войти в себя, оглянуться на себя, подумать о том, что ждет тебя в грядущей вечности; пост — время слез, оплакивания своего духовного мертвеца, своей грешной души, — казалось бы, надо радоваться, что Церковь идет навстречу этой потребности нашей природы, заповедуя пост, благодарит заботливую мать, которая хочет воздействовать на нашу ослабевшую волю своею дисциплиной: если не хотим добровольно, то хотя бы из любви, из послушания к матери, если только мы любим ее, надо по мере сил подчиниться ее требованиям, а мы... не только не подчиняемся, не только не смиряемся, не укоряем себя, не признаемся в своевольном нарушении ее уставов, но и критикуем эти уставы, эти благотворные распоряжения родной любящей матери... Да смеем ли мы после того называть себя ее чадами, да еще верными чадами, православными? Оглянемся, православные: не отходим ли мы от Церкви на путь гордого монаха Лютера, который, восставая против злоупотреблений папы, попрал и апостольские предания и стал ересиархом. А раз став на этот путь, можно дойти и до тех выводов, к каким пришло лютеранство. И надо правду сказать: многие из наших, так

называемых, интеллигентов, еще считающие себя православными, уже давно стали на этот путь и судят матерь-Церковь и ее уставы, чиноположения, сами пока не сознавая, что тем оскорбляют исповедуемое ими православие, оскорбляют Церковь...

Вразуми, Господи, согрешающих по неведению и не попусти им отпасть от св. Церкви!

НОВЫЙ МОЛИТВЕННИК ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

«Дивен Бог во святых Своих!..»

В то время, когда Церковь земная, воинствующая, со всех сторон обуревается, когда ее враги — и внешние: иноверцы, сектанты и раскольники, и внутренние, так сказать — домашние — по паспорту именующие себя еще православными, а на деле давно с презрением относящиеся к ее таинствам, ее иерархии, — с неслыханною дерзости» в печатных листах, именуемых газетами, всячески издеваются над нами, недостойными ее служителями, обвиняют нас, пастырей Церкви, в “фанатических выступлениях, грубом невежестве, варварской нетерпимости”, даже каком-то “чревовещательстве”, за то только, что мы громко плачем, вместе со всею православною Русью, по поводу открытия идольского капища в нашей столице, открытого идолослужения, на коем не срамятся присутствовать князья и княгини русского происхождения, — в то время Церковь небесная, волею главы Церкви — Господа нашего Иисуса Христа, в лице своих небесных заступников за нас пред Богом, в лице угодивших Богу собратий наших, укрепляет нашу слабеющую веру, в чудесах и знамениях, совершаемых по их молитвенному заступлению.

Видит Господь скорби невесты Своей непорочной, Церкви православной, и утешает верных ей чад ее, свидетельствуя непреложную истину ее учения прославлением все новых и новых исповедников сей истины, святых угодников Его. И верующему сердцу открывается как бы некое дивное духовное зрелище: видят святые Божий с высоты небесной, как неверие, равнодушие к вере, всяческие лжеучения, колеблют веру даже верующих, но недостаточно знающих и оценивающих сокровище своей веры, — видят и как бы нисходят на землю, ходят среди верующих, укрепляя веру их, утешая их в скорбях, исцеляя всякий их недуг и болезнь.

Был я, одиннадцать лет назад, в Сарове, на открытии мощей преподобного Серафима и могу свидетельствовать, что мы переживали тогда воистину евангельские дни: чувствовалось, что угодник Божий как бы ходит незримо, но слишком ощутимо среди нас, ходит и, подобясь Своему Господу, болящих исцеляет, скорбящих утешает, маловерных вразумляет и всюду вокруг себя токи благодати проливает... То же свидетельствуют бывшие в Белгороде во дни открытия св. мощей другого нового молитвенника Русской земли, святителя Христова Иоасафа. А ныне сердцем веруется, что близится время прославления и еще двух дивных чудотворцев земли Русской: святейшего Патриарха Гермогена и Епископа Тамбовского Питирима. О последнем уже представлено и ходатайство поместной Церкви Тамбовской, за подписью многих тысяч православных русских людей. Представлены в Святейший Синод и деяния (по нынешнему — протоколы) учрежденной Святейшим Синодом особой комиссии по исследованию случаев чудотворений, совершившихся по молитвенному пред Богом предстательству святителя Питирима, епископа Тамбовского. В соборе, где почивают под спудом мощи угодника Божия, записано более 260 чудес, из коих комиссия обследовала только 52, а из сих признала несомненно чудесными исцелениями 34. Во славу Божию и во прославление нового чудотворца приведу здесь несколько поразительных знамений милости Божией, по молитвам святителя Питирима, болящим.

В 1900 году у преподавателя семинарии, священника, ныне протоиерея, Петра Успенского заболела малютка-дочь, 11-ти месяцев, детскою холериной. Несмотря ни на какие рецепты, ничто не помогало: что ни давали больной — все тотчас же было извергаемо назад. В ночь на 7 июля больная стонала, вскрикивала, металась в разные стороны, оконечности стали холодеть... На другой день, во 2-м часу дня, стоны дитяти стали слабее, руки и ноги остыли, глазки закатывались, — чувствовалось, что малютка находится в предсмертных мучениях. Родители уже благословили малютку иконою Успения Богоматери на вечный покой... Вдруг, пред всенощной им приходит на мысль обратиться к святителю Питириму... И вот, после всенощной на праздник Казанской иконы Богоматери, приносят из собора ризу святителя, накрывают ею больную девочку, малютка засыпает часа на два, затем и ночью раза четыре засыпает, каждый раз на полчаса... К утру она начинает уже принимать молоко, рвота и понос ослабевают, а после поздней литургии на другой день она уже повеселела и с другими детьми стала играть. А на третий день, 11-го числа, ее уже вынесли на воздух.

В 1903 году, проживающий в Тамбове крестьянин Николай Ильин заболел стрельбою в спине и пояснице, у него отнялись руки и ноги: он, мог только ползать, и то с трудом. Леченье не помогало. За три дня до исцеления он не мог и на постели повернуться. Пригласили доктора: тот только покачал головой... Жена и дочь обратились с горячею молитвою к святителю Питириму. Дочь пошла в собор, купила там масла и крестик, положила на раку святителя и еще молилась... Когда она возвратилась в дом, то отец лежал, опираясь исключительно на локти и колена: так он страдал. Ему помазали больные места и возложили на шею крестик. Он забылся. И вот, спустя часа полтора-два, когда вся семья, желая дать покой больному, находилась в отдельной от него комнате, вдруг он входит в эту комнату... Исцеление совершилось!

В 1898 году заболел брюшным тифом сын мещанина Василий Феодоров. Болезнь приняла такой оборот, что надежды на выздоровление, по словам врача Сперанского, не было. Сестра больного принесла из собора, от гробницы святителя, образок и маслица, надела на брата образок, помазала его маслом. Больной скоро заснул, и увидел сон: к нему подошел монах, позвал его в пещеру и сказал ему: “вот, я тебя исцелил; теперь смотри: не греши и молись больше”. После этого больной стал быстро поправляться и совершенно выздоровел. Следует обратить внимание на одну подробность в показании сестры: когда брату стало легче, она стала говорить, что, все-таки, доктор помог больному. И вот, как будто от этих слов, больной вдруг впал в беспамятство, у него отнялся язык, сам он весь похолодел, сделался как мертвый. Тогда сестра поняла, что искушала Божие милосердие, и вслух стала говорить, что если брат встанет, то это будет чудо милости Божией, по молитвам святителя Питирима, указывая и на слова доктора: “всякие лекарства бессильны, давайте портвейн”. Обратилась она молитвенно к святителю, и брат в ту же ночь пришел в себя, а на утро уже был здоров.

У козловской мещанки Елены Баранниковой открылась невыносимая боль в правой руке. Рука затем стала постепенно сохнуть, пальцы пригнулись к ладони, а кисть руки сделалась как налитая. Боль была так мучительна, что больная не могла заснуть по ночам. Так прошла зима, никакие лекарства не помогали. Наступило половодье, и больной, от нестерпимой боли, приходила даже мысль утопиться, но она сотворила молитву, и греховный помысл ее оставил. Раз, прислонившись к стене, она задремала и видит, будто она в Тамбове, где до того никогда не бывала, идет по саду, спускается по ступенькам к колодцу, где видит молодую монахиню, которая черпает воду, — и спрашивает ее: какой же это колодезь? — “Угодника Питирима”, — отвечает та. — У колодца небольшое ведро с кружкой, и больная просит монахиню почерпнуть ей воды, ибо сама не может этого сделать, по болезни руки, которую хочет омыть водою. Монахиня говорит: “приходи сама сюда, почерпнешь воды, и исцелеет твоя рука”. На этом сон прервался, но на другую ночь больная видит во сне двух старцев-иноков, которые ей говорили: “обещаешься ли идти к угоднику Питириму? Он тебя исцелит, а другой никто не поможет”. На

утро она рассказала сон родным и они отправили ее в Тамбов. Рука ее была на привязи, вся высохла, а пальцы все свело к ладони. Боль была так нестерпима, что она плакала. Родные утешали ее, говоря, что святитель Питирим поможет ей, и пригласили ее к чаю. Пред чаем больная хотела перекреститься и вдруг чувствует, что больная рука как бы онемела, боль прекратилась, и она перекрестилась правою рукою в первый раз за все время болезни... Утром она пошла разыскивать колодезь святителя, и все нашла в том виде, как видела во сне. Она сама зачерпнула воды, умылась, напилась, омыла руку и почувствовала, что никакой боли в руке уже нет... От колодца прошла в собор и там с молитвою положила руку на гробницу угодника Божия. Взглянув на изображение святителя, она узнала лик явившегося ей во сне.

Сын тамбовского купца Захария Гаврилов Малин в 1872 г. заболел лихорадкой. 6-го октября, по приезде в Тамбов с хутора, впал в беспамятство, причем у него открылся кашель с кровохарканьем. Лекарь Диттерс нашел у него “жедудочный” тиф и воспаление легких. Лучший врач в Тамбове Икавиц, осмотрев больного, сказал родителям, что, вследствие сильной тифозной горячки и поражения легких, на спасение больного почти нет надежды и что, если бы больной, каким-либо чудом, остался жив, то у него неизбежно будет чахотка. Тогда мать больного предложила ему приобщиться св. Тайн. 16-го октября отслужена была в соборе заупокойная литургия и панихида по святителю Питириму, и больного причастили.

В ночь на 17-е октября больной видит во сне святителя Питирима, который, взяв его за руку, заставлял молиться с собою. Проснувшись, больной рассказал сон родителям, и все стали молиться святителю. В 11-м часу утра, того же числа, святитель сам наяву явился больному, который был в то время в полной памяти, явился не один, а в сопровождении многих святых, которые остановились в отдалении и смотрели на больного из-за ширм, ограждавших его постель. Святитель подошел к самой постели и, наклонившись над больным, троекратно благословил его, произнося каждый раз: “властию, мне данной, встань, чадо!” А потом добавил: “вставай, через три дня ты будешь здоров!” И с сими словами быстро удалился, а с ним и все святые. Больной хотел поцеловать руку или край одежды святителя, но не успел: так он быстро удалился. Одет был святитель в голубое с белым облачение и когда он благословлял, то больной хорошо рассмотрел его руку, худую и длинную, желтоватого цвета. Когда видение окончилось, больной сел на постели, а до того момента он не поднимался без посторонней помощи. Этому очень удивилась его мать. Больной рассказал ей свое видение, попросил себе чулки и туфли и, со словами: “святитель Питирим велел мне идти”, — встал и пошел, и попросил себе есть. С этого дня он отказался от всяких медицинских пособий, принимал только масло из лампады и воду из источника святителя.

19-го октября угодник Божий снова явился ему наяву. Подойдя к его постели и наклонившись над ним, святитель спросил: “будешь ли в праздничные дни, в свободное от занятий время, ходить в церковь?” Больной ответил: “буду”. — “А исполнишь ли все обещания, которые ты дал?” — продолжал святитель и на утвердительный ответ больного сказал: “вставай, будешь здоров!” И стал невидим. В этот раз святитель был одет, как монах: в подряснике и ременном поясе с пряжками. После этого посещения больной окончательно оправился. Он жив и теперь, жива и его родная сестра Елисавета Гавриловна, которая в 1872 году только что окончила курс в институте благородных девиц и была очевидицею тяжкой болезни брата и чудесного исцеления его, по молитвам святителя Питирима.

У купца Владимира Николаевича Самгина тяжко заболел тифом сын Сергей, одного году и 4-х месяцев; врач 12 дней лечил безуспешно: жар усиливался, делались припадки, вся правая сторона тела была парализована, голова заметно увеличилась и дитя было без сознания. Лекарства давали ему, разжимая рот. Консилиум врачей установил воспаление мозговых оболочек. Доктор Сперанский лечил ребенка более двух месяцев, посещая ежедневно, а иногда и дважды в день. Но пользы не было. Мать плакала в ожидании неминуемой смерти, а доктор ей

говорил: “не жалейте о нем: если он и будет жив, то должен остаться идиотом, или слепым, или без ног”. За отъездом доктора из Тамбова обратились к другому — Настюкову, но тот сказал прямо, что совестно деньги брать за бесполезные посещения. Тогда родители обратились с молитвою к святителю Питириму, больного помазали маслом из лампады от мощей угодника Божия, накрыли его ризою святителя, и тотчас же заметили улучшение: жар уменьшился, припадки стали слабее, в парализованных частях появилось движение... Ободренная мать решилась свезти ребенка в собор. И его повезли на подушке, причастили св. Тайн и приложили к гробнице святителя. После этого болезненные явления прекратились и более не возобновлялись. Теперь мальчик учится в школе, никаких следов прежней болезни нет. Стоит отметить, что врач Сперанский, под присягою подтвердивший подробности болезни Сережи, не хотел признать чудесного исцеления его, приписывая это образцовому уходу матери, исполнявшей в точности все предписания врача. Невольно вспоминается, как некогда фарисеи объясняли чудеса Спасителя — не силою Божией...

Крестьянин деревни Комаровки, Тамбовского уезда Александр Андреевич Саяпин, весною 1909 года, заболел стеснением в груди, сильным биением сердца, невыносимым запором и болью в ногах. Одни признавали в этом грудную жабу, другие порок сердца, а врач Макаров нашел катар желудка. Лечение ему не помогло. Болезнь так истощила его силы, что он едва мог бродить с костылем по комнате.

Так прошло 8 месяцев. И вот, ему приходит мысль обратиться к небесному Врачу: 14 января 1910 года, в 11 часов ночи, когда все домашние его уснули, он тихо встал с постели и начал усердно, горячо и со слезами молиться о своих грехах пред иконой Спасителя и Божией Матери, прося у святителя Питирима быть за него ходатаем. После молитвы, он лег и скоро заснул. И вот, видит он, будто стоит на некоем месте г. Тамбова, лицом к собору, как бы в ожидании чего-то. Вдруг в воздухе появился человек, который идет, как бы с гор, прямо на него. Это был монах, имевший продолговатое лицо, темно-русые волосы, в клобуке и черной мантии. Приблизившись к Саяпину, он помазал ему лоб, потом, расстегнув рубашку, стал мазать грудь. И больной чувствовал, как по телу его проходило какое-то приятное состояние; он хотел поцеловать руку монаха, но не успел: видение сокрылось, и он проснулся.

До самого утра проплакал умиленный Саяпин, и почувствовал значительное облегчение. Спустя три дня Саяпин опять видит во сне того же монаха, который несет ему горящий светильник. Передав ему светильник, монах приказал нести его в Казанский монастырь, а сам пошел за ним. У ворот видение кончилось, и он проснулся. После сих явлений Саяпин стал совершенно здоров и не хотел никому о сем говорить, но видно сам угодник Божий заставил его поведать о совершившемся чуде. На него вдруг напала такая тоска, что он не знал, как от нее избавиться. Тогда он рассказал все приходскому священнику, о. Григорию Вадковскому, по его совету отправился в Тамбов поблагодарить святителя, 8-го марта 1910 года был у его гробницы, узнал по иконе лик своего исцелителя и о всем заявил причту собора. После сего тоска его миновала, и он как бы вновь переродился.

Но довольно. Всех чудес не перечтешь. Они продолжают совершаться и поныне. Те, о которых говорится в протоколах, официально обследованы, подтверждены показаниями, под присягой, тех лиц, коих касаются, над коими проявлена милость Божия или же кои были свидетелями благодатных знамений. Это не благочестивые сообщения частных лиц, хотя и достойных веры, но все же недостаточно авторитетных, чтобы каждый читатель обязан был всецело им доверять.

Радуемся новой милости Божией к родной Церкви нашей, переживающей трудные времена. Бесконечно милосердый Господь видимо хочет подкрепить слабеющую веру нашу, и в дивных знамениях как бы громко зовет нас к Церкви-матери: смотрите, в ней, и только в ней

единой, источники благодати; с нею, и только с нею, небесная Церковь в общении, следовательно — в ней, и только в ней, чистая истина Христова учения...

Но в упомянутых протоколах звучит и скорбная нотка: наши “интеллигенты”, в лице разных врачей, как бы стыдятся открыто признать участие силы Божией в чудесных знамениях, как бы стараются ослабить силу свидетельств относительно болезней, которые сами же лечили. Нередко читаешь, что тот или другой врач отзывается, что он “не помнит” той или другой подробности, что “скорбные листки” затеряны и под. А один, на просьбу священника, которому было поручено дело расследования чуда, сообщить ему, что он знает по сему делу, грубо заявил, что “ему нет охоты возиться с этим делом, что чудес он не признает, так как доказать этого никто не может, равно не желает он поддерживать эту веру в чудеса и в других”. А когда священник попросил его письменно изложить свой взгляд на это для комиссии, врач ответил, “что писать не желает, так как он человек занятой: у него в сутки 24 рабочих часа”. Выходит, что на словах он — совсем “современный” человек, “передовой, чуждый предрассудков и суеверии, а высказать это на бумаге — мужества недостает: пожалуй, к ответу привлекут еще... Но отвечать ему все-таки пришлось: г. губернатор, человек преданный Церкви, изъявил желание войти в состав подкомиссии по обследованию данного случая, и взял на себя труд допросить врача, выразив надежду, что по отношению в нему, как губернатору, врач будет сговорчивее и любезнее. По другому делу пришлось даже обратиться к посредству г. Обер-Прокурора С. Синода, чтобы вытребовать копии с скорбных листов из петербургской Александровской больницы.

Казалось бы: если нет чудес, то тут-то и удобно было бы представителям науки войти в дело, чтобы доказать, что все эти комиссии, обследования — напрасны, что все так называемые чудеса — явления естественные. Но вот, подите же: просвещенные по духу века сего, учению Христа враждебного, предпочитают замалчивать такие явления, доказывая тем, что и нынешние фарисеи умеют не хуже своих предшественников времен евангельских, закрывать глаза и притворяться, имея уши — не слышать, и имея очи — не видеть...

Святитель Питирим родился в 1645 году, в г. Вязьме. Там он принял монашество на 21-м году жизни, в Предтечевском монастыре, где до самого своего святительства, до 1685 года и подвизался, сначала в числе братии, а потом и настоятелем. Святительствовал в Тамбове около 13 лет, и преставился 28 июля 1698 г. Летописи изображают его в личной жизни великим подвижником, в пастырском служении — ревностным архипастырем, ничего не щадившим для блага паствы, строившим храмы, посещавшим епархию с проповедью слова Божия, неутомимым тружеником.

На его гробнице, между прочим, начертан такой стих из чина погребения архиерейского: “В вере и надежде и любви пожил еси, приснопамятно: темже превечный Бог, Ему же и работал еси, Сам вчинит дух твой в месте светле и красне, идеже праведнии упокоеваются, и получиши на суде Христово оставление и велию милость”.

Это, как бы, отклик любящей паствы на смиренную просьбу пастыря в другом, тут же начертанном, стихе:

“Духовная моя братия! не забудите мя, егда молитеся, но видевше мой гроб, поминайте мою любовь и молитеся Христу, да учинит дух мой с праведными”.

СОВЕРШИШАСЯ!

(На Великую Пятницу)

«Как много можно сказать одним только словом!
Совершилось! Закончено исполнено...»

Нет сомнения, что это слово произносилось и врагами Господа, нашего Спасителя, когда они, возвратившись с ужасной Голгофы домой, с чувством сатанинской радости, не раз повторяли это слово: наконец-то, мы достигли столь страстно желанной цели: Иисуса Назарянина, нашего неумолимого Обличителя, нет больше в живых; мы не услышим больше Его властных, жгучих, невыносимых для нашей совести глаголов, всегда ставивших нас в позорное положение пред этим невежественным народом, готовым обожать Его, идти за Ним в горы и пустыни, голодать с Ним, чтобы слушать и слушать Его без конца! Да! Его больше нет: теперь нам нечего бояться, теперь мы — полные господа, вожди народа, и народ пойдет за нами, как послушное бессловесное животное, а Его, этого Галилеянина, постепенно забудет, и Его новое учение развеется как облако, как дым по ветру, и мы спокойно будем жить, как нам хочется... Совершилось: кончено, больше Он не будет преследовать нас, как грозная тень, как неумолимый Судья!..

Так ликовали книжники и фарисеи, беззаконные иудейские архиереи и саддукеи, торжествуя сегодня победу свою над Пророком из Галилеи. Но отвратим наш мысленный взор от этих гордых представителей иудейской, развращенной до мозга костей интеллигенции, этих богоотступников и христоубийц. Перенесемся и мыслию, и сердцем на священную Голгофу. Здесь совершается великая тайна нашего спасения. Здесь приносится бесценная Жертва искупления всего рода человеческого. Здесь Агнец Божий, вземляй грехи всего мира, умирает на кресте. Он, в несказанном томлении крестных мук взывает: “Жажду”! Вот Он вкушает уксуса, смешанного с горькой желчью. Вот слышится из Его божественных уст это великое, бесконечное по своему значению, слово: “совершишася!”

Совершилось! — возопил Он в сознании исполненного великого дела, порученного Ему Отцом Небесным: дело соверших, Отче, еже дал еси Мне, да сотворю! Совершилось! — возгласил Он, как Победитель, торжествуя победу над адом и смертью. Совершилось! Еще утром сего дня, великого и единственного дня во всемирной истории, ад и смерть царили властно над родом человеческим, а теперь, в этот священный, таинственный час, когда Господь, преклонь главу, послушный воле Отца Небесного, испустил дух, ад, по выражению песни церковной, уже, стеня, вопиет, смерть уже лежит, окаянная, без дыхания, — исполнилось давно желанное чаяние народов — явился и совершил Свое дело обетованный Примиритель неба с грешною землей, в беззакониях зачатого человека с Богом Всесвятым; немощь человеческая воспринята в любовь Божественную, и сею любовию покрыты все долги кающихся, то есть, алчущих и жаждущих спасения, грешников... Кто, какой ум — не говорю человеческий, но и ангельский, какой ум сотворенный в состоянии обнять и постигнуть все величие совершенного любовию воплотившегося Сына Божия дела нашего спасения?..

Приидите же и припадем к сему священному Гробу, сокрывающему в себе Источник нашей жизни, нашего вечного спасения, нашего бесконечного блаженства! Приидите и припадем к сему Источнику жизни, Жизнодавцу Господу, и восплачемся пред Ним, как плачут малые дети, провинившиеся пред любимой матерью, восплачемся слезами глубокого сердечного раскаяния во грехах своих, в простоте любящего сердца, пред любящим Отцом, Который любит нас нежнее всякой матери, Который питает нас телом Своим, поит нас кровию Своею, — восплачемся плачем покаяния нераскаянного — неизменного, бесповоротного! Ведь, все это — и эти язвы гвоздинные, и это прободенное ребро, и эти раны от терний на главе, и

этот гроб — все это — нас ради человек и нашего ради спасения! Ведь, все это — дело единственно любви Божией, которая привлекла и Божию премудрость, и Божие всемогущество, и все совершенства Божий для сего великого дела. И вещает в совести нашей сия Любовь бесконечная: людие Мои, виноград Мой возлюбленный! Что еще сотворю вам? чего еще не сотворил? Ждал Я, что вы принесете Мне гроздие добрых дел, а вы приносите только терние грехов!, Доколе же это будет? Доколе еще буду терпеть вас? Время жития вашего течет, течет и к концу приближается, а вы все еще коснеете в привычных и вашему сердцу столь любезных грехах, коснеете и ваше сердце все больше срастается с ними, все грубее становится ваша душа, засыпает в вас совесть, оземленяется, в плоть обращается дух... Всему есть мера, всему предел: есть предел и Божию долготерпению, тем паче есть пределы человеческим силам и способностям. Правда, нет предела Божию милосердию, но когда люди ожесточаются в грехолюбии до такой степени, что теряют уже и самую способность к покаянию, тогда сама благость Божия изрекает Свой праведный суд о них: каждый лишний день, каждый час жизни на земле для нераскаянных грешников только увеличивает их бремя греховное, только собирает углие огненное гнева Божия на них: из милосердия к ним настало время, пробил час прекратить их жизнь... И долготерпение Божие к таковым истощается, и настает для них час перехода — увы — не в вечную жизнь, а в муки бесконечные!..

Если когда, то здесь, у гроба нашего Спасителя, когда особенно пробуждается наша совесть, когда во всей необъятной полноте раскрывается Божие долготерпение, Божия любовь к нам, грешным — теперь-то и время плакать о грехах...

Братие! Кто еще не принес покаяния? Кто не соединился с Господом в святейшем таинстве Причащения Тела и Крови Его? Спешите это сделать немедля, раскройте свои раны греховные у сего священного гроба, пред отцом духовным, сегодня же, а завтра приступите к Чаше Господней... Грядущий светлый праздник Воскресения Христова несет верующей душе и радость светлую, а способна ли воспринять эту радость душа, грехами помраченная? Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения! Кто знает? Не стоим и мы на самой последней грани Божия долготерпения? Не дошли ли в своем греховном ожесточении до того, что скоро уже и неспособны будем к покаянию?..

О, премилосердый Господи, нас ради распятый и во гробе положенный! Ты расположил сердце сораспятого с Тобою благоразумного разбойника к покаянию, Ты коснулся сердец и тех, которые возвращались с страшной Голгофы, биющие в перси своя! Умягчи и наши сердца, открой и наши очи, чтобы мы могли видеть всю бездну греховную, в какую мы впали, простри и нам из гроба Твоего Твою спасающую десницу и даждь прежде конца, даждь ныне же, здесь же пролить горькие слезы сердечного покаяния и уже не возвращаться на путь греха и вечной погибели! Аминь.

НАШЕ СОЛНЦЕ - ХРИСТОС! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Что произошло бы с нашею землею, если бы погасло солнце? Без сомнения, что всякая жизнь на ней исчезла бы, погибли бы не только все живые существа, но и растения, океаны обратились бы в сплошные льдины, все погрузилось бы в совершенную тьму, все стало бы достоянием царства смерти и ужаса...

А что сталось бы с родом человеческим, если бы не воскрес Христос? если бы это живоносное и животворное Солнце наше осталось бы во мраке гробовой пещеры Иосифа Аримафейского, если бы не воссияло оттуда во славе Божества?..

О, конечно, род человеческий всецело погрузился бы в совершенную тьму безбожия, стал бы игралищем страстей, люди уподобились бы скотам несмысленным, превратились бы в лютых, неукротимых зверей, а затем, извращая остатки образа Божия в своей духовной природе, грубея нравственно, тупея умственно, вырождаясь физически и истощая себя в гнуснейших пороках, и совсем истребили бы сами себя...

Раз это уже едва и не совершилось в истории. О допотопном мире Сам Бог свидетельствовал, что все люди стали плотью... И волны потопа смыли нечестивцев с лица земли и только тем остановили конечную гибель мира. Но допотопные люди, по-видимому, еще не дошли до полного физического вырождения: по крайней мере, Библия говорит, что тогда были люди исполины, следовательно, еще сильные физически. А то безбожие, то развращение, к коему толкают род людской современные проповедники всяческих свобод, всяческих модных ныне антихристианских учений, грозит нам нравственным развращением, до одичания, умственным потемнением — до безумия, физическим вырождением — до жалкого состояния идиотов — полумертвецов, а затем, повторяю — всеобщею гибелью человека, на земле... И пусть не обманывают себя те безумцы, которые мечтают, погасив веру в Бога, обратив людей в животных, господствовать над ними: непреложный закон правды Божией, о которой они не хотят и слышать, совершить свой суд и над ними, как было некогда с Навуходоносором, царем Вавилонским, который возгордился против Бога и превращен был в зверя, питался травою, как вол, пока не смирился, пока не исповедал Божию правду и Божие всемогущество...

Не допустил Господь и древнему миру дохристианских времен дойти до такого состояния: милосердый Творец видел, что человечество гибнет, и поспешил послать Сына Своего Единородного, да спасется Им мир... Видел Всеведущий, что в грешном человечестве, погруженном во тьму идолопоклонства, еще таятся зачатки веры, еще не совсем померкла совесть, еще люди, по крайней мере лучшие из людей, как бы ощупью ищут Бога, ставят жертвенник неведомому Богу, ждут Примирителя, смотрят на небо, ожидая светлой звезды, которая должна указать им Желанного и Ожидаемого... И вот Он, Избавитель мира, Надежда рода человеческого, Он, Обетованный Владыка Христос, явился в мир, как Сын Девы из Назарета, смиренно пожил среди людей, принес Себя, яко агнец, в жертву искупления рода человеческого, умер на кресте, положен во гробе яко смертный, — Он, Солнце правды, зашел под землю, снисшел до глубин адовых... Что сталось бы с нами, если бы Он остался там?.. Но — слава Ему, ада Победителю и смерти Умертвителю! — Он извел оттуда узников, Он Себе взял ключи ада и смерти, и торжественно, яко Владыка жизни, яко Живоносец, воссиял из гроба, яко Жених от чертога — весь Радость, весь Благость, весь Любовь... и ликующая Церковь, приветствуя Его, восклицает: где ты, смерти, жало? Где ты, ада, победа? Взошло наше Солнце красное, Солнце правды, Солнце жизни вечной незаходимое, взошло, обогрело мир Своими лучами, влило жизнь в умирающее человечество, разогнало тьму неведения, идолослужения, тьму всяческих заблуждений и пророков, бросило свои светлые лучи на лице земли, и увидели люди все сети сатанины, для них раскинутые, и ужаснулись их, и побежали от них, но ужаснулся и враг Бога и людей от славы Креста Христова, и убежал в свою преисподнюю, и разлилась повсюду радость всемирная, ликование, торжество воскресения, победы над смертью...

Грешны мы, немощны, не умеем, еще неспособны радоваться радостию небесною, как подобает, как радуются Ангелы и святые Божий на небесах; но и мы, внимая слову великого Злато-словесного учителя, ныне не плачем о грехах своих, не оплакиваем своего убожества: и мы сегодня чувствуем, как наше грешное сердце, в меру нашего смирения и веры, наполняется этой радостью небесной, и оно, это слабое, измученное суетою житейской сердце ощущает ликование с нами всего мира видимого и невидимого, и небожителей на небе, и всей твари,

каждой былинки на земле... Все, все, ликуя, восклицает с нами: Христос воскресе! Христос воскресе! Христос воскресе!..

Да иначе и быть не может: как не ликовать, когда мы знаем, что если бы Христос не воскрес, то и вера наша потеряла бы всякий смысл, и мы, по выражению Апостола были бы “лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал”, мы были бы “несчастнее всех человеков”... Но — Христос воскрес из мертвых — и мы радуемся, мы торжествуем Его победу над смертию: ведь это — наша победа, ведь Он, наш Спаситель, стал первенцем из воскресших в вечную жизнь; Он и нам проложил путь к воскресению, к вечной жизни. Да и сама тварь, даже неодушевленная тварь, — ибо Богу Всемогущему и неодушевленная тварь внемлет с благоговением, и неразумная повинуется яко разумная, — и сия тварь, по учению Апостола Павла, надеется, что некогда будет освобождена от рабства тлению в свободу славы чад Божиих (Рим. 8, 22). Вот почему сердце так радостно откликается на радость твари земной в праздник Воскресения Христова: оно знает, что Солнце правды — Христос Своею благодатию согревает весь мир, Своим воскресением предначинает воскресение и обновление всего мира, не исключая и неразумной видимой твари...

Братья мои! Чада ликующей Церкви!

Целым сердцем разделяя с вами светлую радость праздника Воскресения Христова, я не хотел бы бросать, хотя ничтожную, тень на эту радость. Но долг пастыря, но истинная любовь, желающая вам всех благ от воскресшего Господа, властно повелевают мне не скрывать от вас той опасности, которая и среди светлой радости Воскресения постоянно грозит нам в сей юдоли земной: берегитесь, чтобы враг незаметно не увлек вас в искушения от плоти и мира, чтобы потом, затемнив ум ваш служением страстям, отравив сердце самоценом и самооправданием, отвлечь от матери-Церкви и погрузить во тьму современных лжеучений и тонкого язычества...

Воскресший Господь да осенит вас Своею благодатию, да покроет и оградит от таких искушений, да сохранит верными и послушными чадами Своей непорочной невесты, а нашей матери — Церкви! О Нем и радуйтесь радостию небесною, неизглаголанною, радуйтесь и носите в своих устах, в своих сердцах сей глагол радости: Христос воскресе! Христос воскресе! Аминь.

УРОК С НЕБА

Наконец-то Православная Русь дождалась столь желанного и давно ожидаемого дня, когда от всего, любовью к родине пламенеющего сердца можно воскликнуть к великому печальнику Православия и родной Руси: “Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас!” {Святейший патриарх подписывал свое имя не Гермоген, а Ермоген, почему С. Синод и принял в службе ему это начертание имени: Ермоген. Прославление Святителя назначено на 12-е мая. Знаменательно, что это — день памяти и друга его, сотрудника в подвигах защиты Церкви и отечества — преподобного Дионисия, архимандрита Св. Троицкой Сергиевой Лавры. Обитель Преподобного Сергия будет праздновать память святых друзей совместно. Мир, признавая их заслуги пред отечеством, хочет ставить им мирской памятник вместе, а св. Церковь, как бы по внушению Божию соединяет их память в одно число, ибо при избрании числа никому и на мысль не приходило такое совпадение}

Нигде, ни в одной стране в мире, с той поры, как, 1600 лет назад Великий Константин провозгласил в Милане свой достопамятный эдикт о свободе Христианской веры, — нигде святая вера Православная не имела такой жизненной, можно сказать — животворной, связи с

жизнью души народной, как у нас на Руси. Церковь Православная восприяла наш народ в его младенчестве, она воспитала его душу в святых идеалах Христова учения, она дала ему и просвещение, и все, что на Западе принято называть культурою, — не в смысле материальных удобств жизни, а в смысле духовного облагорожения, — она оберегала его от всяких покушений внешних врагов, она же охраняла душу его от покушений гордых владык Рима, да и теперь она, и — увы! — почти только она одна отстаивает святыню его заветов от всяких сумасбродных сект и ересей.

Мы переживаем время борьбы за все святыни народного сердца, и вот, судьбами Божиими, с высоты небесной, из глубины веков минувших, встает пред нами, как светлый вождь, с жезлом патриаршеским, в венце мученичества, великий святитель древней Руси, славный адамант, крепкий столп непоколебимый, святейший патриарх Ермоген... Встает он во всем величии славы небесной, как угодник Божий, в чудесах Богом прославляемый, встает, чтобы сказать нам: Православные Русские люди!.. Не унывайте, не смущайтесь тою духовною смутою, какою окутывает вас дух века сего антихристианского: Иисус Христос вчера и днесь Той же и во веки! Взирайте на скончание моего жительства и подражайте вере моей! Я веровал в непобедимую силу нашего святого Православия, нашей Церкви святой, веровал, за веру пострадал и мученически скончался: и — победил! Верьте и вы, небоязненно исповедуйте истину Христову, и вы победите... Ведайте, что все мы, ваши духовные предки, все святые Божий, за православие крепко стоявшие — с вами; с вами и я, смиренный Ермоген, ваш вождь и заступник пред Богом!

Знают наши заклятые враги, в чем сила Руси святой, и всеми силами подкапываются под святую Церковь Православную. Вера православная есть душа души народной, и вот эту-то душу они и стараются убить в нашем народе. Но наши “небесные сродники” — святые угодники, родные нам не только по духу, по вере, но и по плоти всегда стоят на страже и готовы нам на помощь, и от нас зависит, — принять или оттолкнуть эту помощь. Повторяю: особенно это ощутительно в наше скорбное, смутное время. В течение десяти — только десяти лет, со дня Саровских торжеств, Господь прославил, т.е. послал нам на помощь: Преподобного Серафима, Святителя Иоасафа, а ныне чудесными знамениями прославляет Патриарха Ермогена. Кроме того: восстановлено чествование памяти преподобной княгини Анны Кашинской и преподобного Евфросина Синеезерского. Я уже писал, что в С. Синоде прошло дело о прославлении святителя Питирима Тамбовского. Видно великие опасности грозят Церкви Божией, когда является толико облик свидетелей ее истины, Божиих угодников, и притом облеченных чудесными знамениями... Но если так, а в этом не может быть сомнения, то и мы должны проснуться от того нечувствия, той холодности — хуже, чем холодности к родной вере, которая так обуяла нас в последние годы, под влиянием новых, разрушительных веяний... Да, пора проснуться! Нас будят угодники Божий! Горе нам будет, если мы не проснемся, если целым сердцем не откликнемся на их призывающий к покаянию глас!

Вот, думаю я, смысл того голоса с неба, который вот уже десять лет раздается в нашей совести, раздается в нашей Церкви Православной. Этот голос обращен первее всего к нам, пастырям Церкви. Мы должны быть его истолкователями. Мы прежде всего должны воспринять его в свою душу, в свое сердце. Нам более, чем кому-либо грешно не понимать “знамений времени”. А знамения грозные... Я не раз говорил о них, раскрывая язвы современной жизни. Но это еще знамения только отрицательные. Есть и положительные — это вот чудеса, совершающиеся у гробов святых Божиих. Без нужды Бог чудес не творит. Он творит их лишь тогда, когда нужно укрепить слабеющую веру. И если чудеса учащаются, то значит слабеющая вера нуждается в подкреплении — не в тех, кто своею верою привлекает чудеса, но — и главным образом в тех, которые охладели к вере. Пастыри Церкви! Будите веру в дремлющих православных, возжигайте ее в тех, в ком она погасла. А это возможно только при условии: если в самих себе будем возгревать дар Божий, живущий в нас, по слову Апостола, возложением рук

преемников Апостольских. Чем возжигать? — Глубоким сознанием своей немощи, своего духовного убожества, смиренною жалобою на себя пред милосердым Господом, общением с Ним в святейшем Таинстве Евхаристии, смиренным исполнением заповедей Господних и, наконец — живым, постоянным сознанием близости суда Божия над грешниками, от них же первый есть каждый из нас. Кто знает, что грядет на грешный род людской и грядет, может быть, уже скоро-скоро?.. Если не на весь мир, то на нашу грешную Русь? Если не на всю Русь, то — на тех, кто является более за нее ответственным пред Богом? А кто — как не мы?!

Простите мне, отцы и братья! Я не раз писал и не перестану писать, не перестану кричать, что не все мы — о, как далеко не все! — стоим на правом жизненном пути! Мы вот все толкуем о жалованьи, об обеспечении... Да разве мы не видим, к чему дело идет? Еще так недавно в нашем законосовещательном учреждении, так называемые якобы “лучшие люди” отказали в путевых издержках священникам, церковною властию избранным и посвященным, на проезд за десяток тысяч верст, туда, где некому совершить крещение, причастить больного, на одре смерти лежащего, отказали под постыдно лицемерным предлогом, якобы сии пастыри не отвечают своему назначению... Да разве сии господа призваны экзаменовать пастырей? Разве они лучше святителей, властей церковных, понимают: кто достоин, кто недостоин?.. Это — наши кадеки-то, враги Церкви, судьи в таком деле?..

Так вот, добрые работники на ниве Божией, и судите: можно ли рассчитывать на таких “законосовещателей”, чтобы они дали вам жалованье!.. Правда, они составили в своих “фракциях” — фу, и не выговоришь, какое нехорошее слово! — проект обеспечения духовенства, но под условием, чтобы приход был организован так, как им это будет угодно, а не так, как повелевают каноны церковные. А это значит: разрушить весь православный строй нашей церковной жизни. Вот какою ценою они предлагают вам жалованье. Да ведь это — воистину нож, медом помазанный! Это — покушение на самую Церковь! Ее порабощение! Нет, такие предложения можно назвать предательскими. Тяжкий грех был бы, если бы мы дали согласие на них. Нет, уж лучше “страдать с народом Божиим, нежели царствовать с египтянами!”

Но все это я говорю к тому, что все обстоятельства как бы указуют нам, что нет у нас надежды, кроме Господа Бога, что пора наконец нам уверовать в слово Его непреложное: “ищите прежде царствия Божия и правды Его и сия вся приложится вам”. Ведь Он видит все тяжелое положение наше как в отношении наших нужд земных, так и в отношении великой тяготы служения нашего пастырского: сколько у нас врагов! как они хитры, лукавы! как они вводят в заблуждение наших друзей даже! Приведу последний пример: в нескольких патриотических газетах появилось ошеломляющее известие, будто в Енисейской епархии покончили самоубийством 6 священников! На поверку оказывается, что известие это пустила в ход иудейская “Сибирская Жизнь”, что из 6-ти два случая не самоубийства, а убийства, что в течение последнего года было только два случая, а два остальные начиная с 1891 года по сие время, на протяжении 22 лет... А благожелательная к Церкви газета, попавшись на удочку, уже делает выводы: какое у нас духовенство, какие у Восторгова курсисты! И таким образом помогает клеветникам возводить на нас клеветы...

Чем ограждать себя от таких похулений? Да лучше всего — всепрощением! Вспомните, что преподобный Иоанн Лествичник заповедует монаху: “пей поругание как воду живую!” В наше, особенно в наше тяжелое для Церкви время прикладно и иереям Божиим “пить” это поругание безмолвно: есть Судия на небе: Он и рассудит! Господь сказал: “аще Мене изгнаша, и вас ижденут, аще Мое слово соблюдоша, и ваше соблюдут”. Если только и слышишь поругание Его святого имени, издевательства над Его невестою — Церковию святой, то что дивного, если поносят и наше звание, если на нас клевещут, возводят небылицы? Вот была бы беда, вот когда не было бы ни в чем для нас ни утешения, ни оправдания, если бы на деле были поводы к

такому поношению. А если на нас возводят неправду, то — блажени есте, егда поносят вас, рече Господь. Всякий пастырь есть подвижник, есть крестоносец. Не напрасно он носит крест на персях: это — символ его исповедания, его подвига. Не напрасно дано это святое знамение на перси всех иереев именно в наше время: ныне служение пастырское не может не быть подвигом крестным, если пастырь не захочет быть наемником, если понесет свой крест из любви к Тому, Кто наложил его. Не напрасно Господь и воздвигает в наши дни из веков минувших таких подвижников-пастырей, какими были Питирим Тамбовский, Иоасаф Белгородский, а наипаче - исповедник и священномученик за отечество — Патриарх Ермоген. В этом и утешение наше и поучение! Утешение: ибо мы не одиноки, мы не покинуты, с нами незримо святые наши заступники и за Русь нашу пред Богом печальники, а стало быть и за нас, грешных. Поучение: то ли еще терпим мы, что терпели они, что терпел великий святитель Ермоген! Его в сырой подвал заключили, голодом заморили, а мы еще — слава Богу — в своих жилищах обитаем, еще хлеб насущный имеем. Над ним всячески издевались, всякую пакость причинить старались, а мы — как никак — пока еще под защитою законов живем... А если и приходится некое бесчестие понести, то Бог попускает сие в меру немощи нашей и помогает в подвиге, а между тем мы становимся причастниками скорбей святых Божиих и, следовательно — участниками их небесной награды: радуйтеся, глаголет Господь, и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесах.

А вы, миряне, крепче держитесь заветов матери — Церкви Православной. Во смирении сердца старайтесь исполнять заповеди Христовы по слову Его: “да не увесть шуйца, что творит десница твоя”. Помните, что добро, сделанное напоказ, чтоб люди его видели, не есть добро в очах Божиих. Таким добром хвалятся все сектанты и — за такое добро восприемлют мзду свою, лишаясь награды на небесах. Если видите немощи и недостатки пастырей, то покройте их любовию, да и Бог покроет грехи ваши. Не подражайте среднему сыну Ноя, как ни больно душе видеть в пастырях такие немощи, но — кто без греха? Пастыря враг искушает больше, чем пасомого, ибо пастырь идти должен впереди пасомых и указывать им путь к небу. Если можете, не нарушая мира, постарайтесь любовью воздействовать на пастыря, на его совесть... Не выносите на улицу, в газеты, недостатков духовенства: если ревность о славе Божией требует обличения кого-либо из пастырей, то поведайте архипастырю, поведайте в духе любви к немощному, не из-за угла, не анонимами, а прямо, лицом к лицу... Из газетных обличении ничего, кроме соблазна, не выйдет... Ведь, в общем-то, наше духовенство все же выше по нравственности, чем, в общем же — миряне. Ведь, и они — не ангелы, и с ними бывают искушения... А тебя, овца словесная, кто призвал быть судиею твоего пастыря? У него есть судия — архиерей, и сего довольно... Ужели иудеи и иудействующие редакторы разных левых листков могут быть беспристрастными судиями в деле пастырства? Да они рады бывают облить помоями не только немощного пастыря, но будь — хоть о. Иоанн Кронштадтский — и того готовы обесчестить... И с такими-то господами не грешно ли иметь дело православным людям?

О, какое тяжелое время мы переживаем! Тысячу раз повторяешь это слово, и все не выскажешь того горя, которое накипело в душе! Куда ни оглянись — везде все немощи, все пороки, все судят и осуждают друг друга, а кто чист от скверны, по слову Писания? Кто из вас без греха — первый брось камень на служителя Церкви, или даже на своего собрата ближнего-мирянина? И если Сам безгрешный Господь, прежде Своего суда, не сделал сего по вызову фарисеев, то не будьте же фарисеями, загляните в свою совесть, лучше вздохните к Богу о своих грехах и возблагодарите Его милосердие к нам, грешным, что не поставил Он благодатной силы таинств церковных в зависимость от достоинства или недостоинства совершающего их служителя Церкви Своей. Богу прежде всего нужно наше смиренное сердце, а не фарисейская добродетель. Есть смиренная добродетель — Он ее приемлет яко злато мытарево, и вздох покаянный Ему дороже жертв и овнов тучных, а нет смирения — всуе все подвиги, все твои добродетели!

Так жили, так учили, так заповедали и нам жить наши великие подвижники смирения, особенно те, коих Господь прославляет в наше грешное, гордое время. Достойно внимания, что именно смиреннейших угодников Своих являет Господь в наши дни. Именно такими были: Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Питирим Тамбовский, Серафим Саровский. Да и святитель Ермоген являл во всем величии свое смирение в подвале Чудова монастыря. Будем же взирать на эту жемчужину духовную, именуемую смирением, в сих святых Божиих и учиться подражать сей добродетели. Она не требует ни богатства, ни способностей, ни телесных подвигов: смирихся, говорит царь Давид, и спасе мя Господь. Бог не взыщет милостыни от нищего, не взыщет поста строгого — от болящего, не потребует поклонов и других подвигов от немощного, а смирения от всех потребует — безусловно!

А есть ли это мытарево злато у того, кто осуждает ближнего, кто выносит чужие грехи на улицу?..

Да, много грехов скопилось на русской душе. Но тяжелее всех — грех гордости, пренебрежения к заветам родной Церкви, грех взаимного осуждения. Все мы заражены, в большей или меньшей степени, этим грехом. Все повинны в нем. Да еще и сознать его не хотим: все оправдываемся, ссылаясь на свою якобы ревность о чистоте нравов, о пользах Церкви, или же прикрываясь сожалением о печальном положении дел... А того не спросим: наше ли это дело-то? А, между тем, грех осуждения отнимает цену и у того малого добра, какое, нам кажется, мы еще творим. Вот отчего и бедствует наша Русская земля. Оттого и смуты, и ереси, и расколы, и раздоры... Всякому хочется выставить свое “я” вперед, перевести эту букву с русского “я” на славянский “азъ”... Хотя в других случаях мы славянского-то языка и не долюбливаем.

Православные Русские люди! Пожалеем нашу матушку Русь: видите — ее жалеют и родные нам святые угодники Божий, ее не забыл еще и Господь... Пожалеем себя, своих детей, свои будущие поколения! Познаем свой господственный грех, смиримся пред Богом, смиримся друг пред другом, смиримся и примиримся, и будем чистосердечно каяться в своих грехах и за себя, и друг за друга, любовию покрывая друг друга. Этому поучают нас новопрославляемые Богом святители — заступники пред Богом за Русь Православную...

О, святителие Христовы, столпы Церкви непоколебимые, заступники Руси нашей непреоборимые! Сбились мы с путей, вами завещанных, уклонились с путей заповедей Божиих. Не покиньте нас, блуждающих, прострите руку помощи, поставьте на верные стези, осветите сии стези светом той благодати, которая просвещает и освящает всякого человека! Спасите Русь, не дайте ей погибнуть во мраке современных мудровании: ваша молитва крепка у Бога...

ОДИН ИЗ НЕВИДНЫХ СТРАЖЕЙ ДУШИ НАРОДНОЙ

(Памяти моего дядюшки)

«Помянух дни древния и почахся...»

Наше мутное и смутное время невольно заставляет переноситься мыслию к первым векам христианства, ко временам гонений на веру Христову и страшно становится, когда помыслишь: как далеко ушли мы от тех веков — не говорю уже в жизни, но и в мысли, в миросозерцании, в самых идеалах, столь помутившихся и потускневших в нашем сознании...

Вот пример. Древние христиане называли смерть успением, преставлением, а день смерти даже — днем рождения — рождением в другую лучшую жизнь. Оттого и праздновали день кончины мучеников и других святых как радостный праздник, как торжество над смертью. “Почивает в мире”, “почивает во Христе” — вот обычные надписи на местах погребений в

древних катакомбах, этих усыпальницах, где погребено до 300,000 мучеников... А ныне?.. Пышные надгробия, вовсе не нужные покойнику венки, суета сует, которая однако же стоит тысячи и сотни тысяч, — стоит столько, что на эти деньги можно бы построить сотни храмов Божиих там, где православная душа жаждет места молитвы, но не имеет сего утешения... А ведь в этих храмах Божиих до скончания веков приносилась бы бескровная Жертва за упокой души тех, которые теперь покоятся под бесполезными для них памятниками!..

Но отвратим очи свои от этой суеты. Утешим себя тем, что и в наши дни есть рабы Божии, отходящие в другую жизнь “в мире”, с надеждою воскресения, как бы на временный покой после трудовой жизни в этой юдоли скорбей. У их гроба как-то тепло становится на душе, мысль о смерти отходит на второй план, на место ее является созерцание таинства смерти... “Спит спокойно во Христе”, думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшего, или лучше: “созерцает в благоговении то, что для нас еще закрыто, неведомо, но что ему — усопшему — теперь открылось, стало уже не предметом веры, живою действительностью”...

И сердце спрашивает почившего: в чем тайна его спокойствия? Почему у его гроба не веет призрак смерти, почему так тянет именно к этому покойнику: тогда как от другого бежать хочется? И тайный голос, голос совести нашей отвечает нам: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старец, мой дядюшка, протоиерей Григорий Иоаннович Грузов, на 89-м году своей труженической, праведной жизни. 65 лет служил он в священном сане, почти 55 лет — в одном и том же бедном приходе, и только тяжкая болезнь заставила его расстаться с любимою паствою, с теми, кого он крестил, венчал, с кем делил все скорби и радости... Помнится, раз, проезжая через Кострому, я стоял обедню в соборе, где служил преосвященный Тихон. На сем служении он дал сан протоиерея одному вот из таких смиренных служителей алтаря, восьмидесятилетнему старцу: во время причастного стиха, он представил мне сего старца со словами: “вот кем стоит Русская земля!” Да, вот такими смиренными служителями Церкви Божией, как этот неведомый мне старец, как мой ныне почивший дядюшка, пока и крепка наша Русь православная; в тишине и безвестности, скромно и в простоте сердца они делают свое дело, воспитывая народ в страхе Божием, в послушании родной матери — Церкви, в преданиях и заветах родной старины, в беззаветной любви к Царю и отечеству... С ними, вот с этими смиренными батюшками, наш народ прошел через всю свою тысячелетнюю историю, перенес и иго татарское, и крепостную зависимость, и глады, и моры, и нашествия иноплеменных, они утешали его во всех невзгодах исторических, делили с ним горе его, помогали ему нести тяжелый крест жизни, согревали его сердце утешениями веры и благодати Христовой. Это были — пестуны народные на протяжении тысячи лет истории нашего народа, это были стражи народной души и всех тех сокровищ, которыми наградила Русский народ его любящая мать — православная Церковь. Храм Божий да “батюшка родимый” — вот кто ближе всех стоял к народу, кто воспитал душу народную, кто был ее ангелом-хранителем...

Таким вот был и покойный отец Григорий. Сын бедного сельского дьячка (род. в 1825 году), он провел свое детство в родном Чашникове, в многолюдной семье отца, под благодатными веяниями родного храма Живоначальные Троицы, пел и читал на клиросе, ходил по приходу славить Христа в Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами, воспитываемый матерью в страхе Божием и уважении к старшим. С добродушною шуткой рассказывал покойный, как мать, провожая его до Москвы, чтобы записать в духовное училище, строго наказывала ему: “смотри, сынок, будь ко всем почтителен, всем старшим кланяйся”. И воспринял послушный сын урок матери: лишь только вошли в заставу, как Гришенька снял шапку и стал кланяться направо и налево проходящей публике. Увидев это, мать спросила: “что это ты делаешь?” — “А как же, маменька? Ведь, все они старше меня: надо кланяться”.

На время ученья в училище пришлось мальчику приютиться в темном углу у какого-то столяра, на первом же уроке ему пришлось отведать и детского горя: книг не было, учить урок не по чему; он так и сказал учителю, когда тот стал спрашивать урок. Но его оправдание, которое ему казалось столь законным, не было принято во внимание и за незнание урока мальчик был наказан розгою. И всю жизнь, до глубокой старости он помнил эту розгу, и называл ее благодетельницей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до рассвета бегать в училище, чтобы там у товарищей брать книги и готовить по ним уроки...

Кончилось ученье. Грузов вышел из семинарии в первом разряде. Ему предлагали даже идти в академию, но доброго юношу-идеалиста влекло призвание послужить Церкви в селе. Старая семинария умела воспитывать такое стремление в юношах. Мои братья, учившиеся спустя лет десять после дяди, еще привозили вороха списанных проповедей разных авторов: это они готовили себе запас на время пастырского служения. Теперь — увы! — семинаристы об этом не думают... И вот, молодой студент идет в консисторию и подает Митрополиту Филарету прошение на первое открывшееся священническое место в селе Петрове Рузского уезда, верстах в 70-ти от Москвы. Место было из бедных, соперников не оказалось, и он определен туда. Надо искать невесту. Спрашивает родных, знакомых... Указывают ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невесты. Григорий Иванович, преодолевая семинарскую застенчивость, идет к будущей теще, знакомится, начинает посещать ее дом... Но зачем ходит — сказать недостает решимости. Старушка-просфорница решается наконец помочь юноше: “да не стесняйтесь, пожалуйста, Григорий Иванович: ведь, я знаю, зачем вы к нам ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вам больше нравится? — “А какую, мать, благословишь, отвечает жених, такую и возьму!” И мать, следуя примеру ветхозаветного Лавана, отдает ему старшую из дочерей своих, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась. Взял Григорий Иванович у одного барина сюртук для венчания, посвятился во иереи и с молодою супругою отправился в неведомое дотоле Петрово.

Был ненастный ноябрьский вечер. Грязь, слякоть, холод, дождь хлестал в лицо. Тьма такая, что в пяти шагах ничего не видно. Возница провез молодого иерея мимо церкви и по старому проспекту времен Екатерины Второй привез его в соседнюю деревню. Увидев в избе огонек, о. Григорий слез с телеги и постучался в окно, чтобы спросить дорогу. Окно открылось, и старик сказал батюшке, чтоб поворачивал назад: село они проехали...

Вернулись. Разглядели церковь. Рядом чей-то дом. Постучались и здесь. Оказалось — тут живет о. дьякон. Хозяин радушно принял своего будущего настоятеля. На утро о. Григорий пошел в храм Божий, где Бог привел ему служить и... при виде его заплакал!.. Старый деревянный храм весь перекосился, отворишь дверь — не затворишь, стены немощны, с потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народ, то польет и дождь...

После храма пошел осматривать свое будущее жилище. И тут хоть плачь! Бедная избушка, в два окна, вросла в землю, полы провалились... Это дом священника, его предшественника.

Что делать? Как жить?..

Пошел знакомиться с соседями, а их было только два приказчика, или, как они себя величали, управляющие имением. Приходит к первому — оказался добрым человеком: одобрил батюшку, приласкал, пообещал помочь, чем может. Заговорил о. Григорий о доме — “надо, говорит управляющий, строить новый”. — Но, ведь нет ни денег, ни лесу? — “Все найдется, отец!” — Кто же поверит мне? — “Но почему же не поверит? Ведь, жить приехал — не сбежишь. Вот пойдем к соседу: у него есть готовый сухой лес — отпустит!”

Поехали. Долго о. Григорий не решался сказать, зачем приехал, да спасибо первому соседу: выручил! — “Что ж, батя, молчишь? Проси N. N-ча!” — Простите: духу недостает! — “А в чем дело?” — спрашивает хозяин. — О. Григорий рассказал свою нужду. — “Ах, отец

Григорий! Да бери, сколько тебе нужно!” — Ведь взять — платить надобно, а денег нет у меня. — “Сочтемся, когда-нибудь заплатишь”.

И о. Григорий, при помощи тех же добрых людей (которые и денег дали) построил себе домик, и не теряя времени в том же домике, где сам жил с молодою супругою, собрал ребятишек деревенских и стал их учить грамоте. Так, еще в 1848 году, положено было начало церковно-приходской школе, лучше сказать — школе грамоты. Тогда не “изыскивали средств”, не ожидали помощи ниоткуда, и творили святое дело в простоте сердца: брали ребят, за два с полтинной с головы за выучку читать, писать и четырем правилам арифметики, горшок каши да мерку гороха на придачу — и дело кончено. Так велось с незапамятных времен, в такой школе учились и мы когда-то у своих родителей. Так учил и о. Григорий. А учить он был мастер: все время, пока учился в семинарии, давал уроки в барских домах, откуда иногда за ним, как он, бывало, хвалился, “и каретку посылали”. Детей он всю жизнь любил страстно, умел как-то особенно ласкать их, завладевать их сердечком, умел говорить их детским языком так, что ребятки льнули к нему не как даже к отцу, а как к родной матушке.

Шли годы, школа о. Григория росла, ширилась, впоследствии разделилась на две: одна обратилась в начальную церковно-приходскую, другая — в двухклассную для питомцев воспитательного дома. Пока не было последней, о. Григорий готовил питомцев к экзамену и когда те выдерживали экзамен, то он получал на выручку от воспитательного дома рублей уже по 17, по 18 с ученика.

Настала весна. Оказалось, что рядом с домом — болото. О. Григорий немедленно принялся осушать это болото: провел канавы, выкопал пруд и все это — один, своими руками. А затем насадил и сад из плодовых деревьев, который впоследствии стал давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни он сам возил для продажи в Белокаменную.

Но главною заботою его был храм Божий. Он задался мыслию — непременно построить каменный храм. Двадцать пять лет строил он его, строил без крупных жертвователей, только на лепты прихожан да сбором по матушке России чрез “дядю Власа”, и построил ведь, да еще какой! Трехпрестольный, с золоченым пятиярусным иконостасом, с каменною колокольнею, и колокол в 200 пудов отлил... “Все Бог”, — говаривал старец, — “Бог да добрые люди — мои прихожане. Трудились, трудами созидали Божий храм. Устроили свой кирпичный завод, 25 лет возили дрова из лесных дач, кирпич, товары на фабрику покойного Павла Григорьевича Пурикова, — они возили, а я являлся в контору фабрики да за провоз-то, что следует, и получал, и отвозил в Москву при случае, сдавал в сохранную казну. Так и копили по грошикам, а когда скопили малость, строить стали... Все Бог да мои добрые прихожане!”

Но смиренный пастырь и сам работал немало. Каждый день не раз он, в летнее время, поднимался по лесам на стройку, сам вместе с десятником (архитектор-то наезжал раза два во весь строительный сезон), следил за работами, делал указания, сам ездил закупать материалы, сам управлял кирпичным заводом, словом — везде являлся сам лично, не доверяя никому из посторонних — не потому, чтобы не было у него добрых и честных прихожан: были в те времена хорошие люди всюду, — а потому, что “свой глазок — смотрок”, и товар выберешь получше, и купишь подешевле... Помню, в 1874 году, он заехал ко мне в Новый Иерусалим, где я был тогда послушником, радостный, торжествующий: “слава Богу, — говорит, — освящение храма разрешено!” И рассказал, как принял его незабвенный святитель московский митрополит Иннокентий. “Пришел я к нему не вовремя: он, батюшка, ушел в баньку, говорят мне. — Так я завтра приду, говорю я. — Ах, нет, отец: этого у нас нельзя, владыка приказал докладывать о всех, кто издалека придет, безотказно. — Сижу, жду. Говорят: пришел. Зовет к себе. Вхожу в кабинет. А он, батюшка, царство ему небесное, выходит ко мне запросто, в одном подрясничке, а с головки-то и бородки так и течет водица... Ну, что, отец, скажешь? Зачем пожаловал? — Рассказал я ему, в чем дело. — А издалека ты приехал-то? спрашивает меня. — Верст за 70.

(Надо помнить, что в те времена еще не было ни железных дорог, ни шоссейных.) А где, говорит, остановился? — На постоялом дворе, отвечаю. — Ах, как это неудобно-то... — заботливо сказал святитель. — Надо поскорее тебя отпустить, а то консистория-то затянет дело... Да вот что: я напишу резолюцию сейчас же, тебе канцелярия моя даст копию засвидетельствованную, и ступай ты с Богом, покажи благочинному, да и освящайте святый храм... Вот какой был ангел Божий!" И слезы благодарности к великому равноапостольному святителю орошали старческие ланиты моего дядюшки. "Каждый день, и утром и вечером, поминаю я его на своей грешной молитве, — прибавлял старец, — а когда служу, то имя его с родными своими неотменно поминаю".

И храм был освящен о. благочинным. О. Григорий сказал своим добрым сотрудникам-прихожанам слово, растрогавшее их до слез. Вообще, он поучал своих духовных чад не мудрствуя, в простоте сердца и от сердца, слов своих не писал, а говорил то, что подсказывало ему сердце да любовь к детям духовным. И слово его, как доброе семя, ложилось на простые сердца и приносило плод по роду своему. Но, следуя заповеди Апостола — любить не словом только, но и делом, о. Григорий показывал и на деле свою любовь к прихожанам. Случалось, например, что, обходя приход со святынею в Пасху, он замечал, что у бедняка мужичка двор раскрыт, солома снята с крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшке за посещение у него нет ни гроша. Мужичок встречает батюшку у ворот, берет благословение, а о. Григорий его спрашивает уже: "что, брат, заплатить-то нам нечем?" — Не обессудьте, родной", отвечает тот. И о. Григорий, вынимая из кармана 15-20 к., сует мужичку в руку, оглядываясь, как бы этого не заметил дьячок. "Возьми, брат, расплатись с нами, а то дьячок-то будет скорбеть: ведь, я-то, поп, я-то как-нибудь проживу, а он получает восьмую копейку: как ему жить с его большой семьей?" — И не бывало случаев, чтоб эти двугривенные или пятиалтынные не возвращались батюшке, хотя поздней осенью, с глубокой благодарностью. Вот почему так горячо любили его прихожане и надо было видеть, как они провожали его, когда он, после тяжкой, в течение целого года, болезни, решился выйти за штат: толпами проводили его до границ прихода и горько плакали — эти мужики, эти грубые на вид натуры... А когда старец поселился в Москве, то нередко, бывая в Москве, навещали его, своего "батюшку родимого", приносили ему немудрые деревенские гостинцы. Да и в Петрове, несмотря на бедность прихода, дом его, милостью Божией и любовию прихожан, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки. Были и гуси и утки на его трудовом пруду, родилась у него в поле и ржица, и гречиха, и картошка... Все Бог благословлял!

Любил покойный переноситься воспоминаниями в свое родимое Петрово. С какою благодарностью к Богу рассказывал он о своем житье-бытье в этом скромном уголке московской епархии! Нередко слезы лились из очей его, слезы, сопровождаемые славословием ко Господу. И стоит отметить эту добрую черту в его духовном облике: умел он крепко привязываться к людям, за то где он ни бывал, где ни жил — везде Бог посылал ему людей, которые умели ценить его доброе сердце, отвечали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу к излиянию благодарности к Богу за любовь этих людей и к молитве за них.

Можно думать, что благодаря вот этой кристальной чистоте и простоте его доброго сердца добрые люди помогли ему и сыновьям дать образование незаурядное: милостью Божией, они служат теперь в чинах превосходительных, сердцем унаследовав доброе сердце своего старца-родителя...

Любил, страстно любил старец сельскую природу: до восхода солнечного вставал он в летнее время, шел в лес или поле косить, пахать, в поле и отдыхал, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, наработается, и вечером ложился после заката солнца. Спал так мало, что все удивлялись ему. Питался тем, что приготовит ему матушка — его верный неизменный спутник в жизни, друг в скорбях, помощник в трудах. Она была ему ровесница: только на три месяца

моложе, и скончалась лишь в августе минувшего года, за пять месяцев до его кончины. Жили как два ласковых голубка, давая пример и детям и прихожанам. В характере, в личных качествах они как будто восполняли друг друга. Покойный приписывал эту милость Божию Ему, что не сам он выбрал себе подругу жизни, а положился на волю Божию. И когда скончалась эта добрая старица, о. Григорий подошел к ее постели, преклонил колена и, целуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвил: “и зачем ты меня покинула? Уже взяла бы и меня с собой!”.. И стал готовиться к исходу в вечную жизнь: часто говел, причащался св. Тайн и, наконец, освятился елеопомазанием. Отпраздновав день своего ангела, 25-го января, он уже не вставал с постели и 5 февраля тихо отошел ко Господу...

В погребении его участвовали несколько иереев — сродников его, и, хотя он недавно жил в приходе св. Троицы, что на Капельках, но к погребению собралось много народа: видно, так было угодно Богу почтить старца Божия общецерковною молитвою...

О. Григорий являл в себе тип патриархального священника: всецелая преданность Богу, служение ближнему в простоте любящего сердца, готовность во всякое время отдать последнее нуждающемуся, крепкая вера в промысл Божий — вот чем он жил сам и учил других тому же. И на нем удивительно исполнялось слово Господа: ищите прежде всего царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Он по мере сил, в простоте сердца делал свое дело и верил, что Господь во время благопотребное не оставит его. И по вере его всегда бывало так. И храм, и колокольню, и школу, и дом себе он построил, и детей воспитал, а долгов не оставил: во всем Бог помогал!

Когда мне приходится беседовать с молодыми иереями, то я указываю им на примере таких старцев Божиих — иереев, питомцев старой школы, носителей старых заветов Руси святой. И грустно, и больно становится, когда оглянешься кругом и не видишь в молодом поколении таких патриархальных типов служителей Божией Церкви. Встречаются ревностные проповедники, школьные деятели, борцы с пьянством, — и за то, конечно, слава Богу, но слишком мало таких, в коих самоцен был бы совершенно убит сознанием, что сами-то они — круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе через них, так, ведь, это отнюдь не они делают, а Бог через них: Бог и средства посылает, и случай дает, и силы, и время — все от Бога, и слава Ему — милосердому! В душе таких старцев живет страх: как бы не приписать себе чего-нибудь в деле Божием, как бы не лишиться за это Божия благословения и помощи в будущем. Это — страх Божий, начало — основа духовной мудрости, духовного рассуждения. Даже помыслить, что вот это сделал я, они считают святотатством. Оттого и проявляется в их пастырской деятельности незримое для других, но для них самих сердцем ощутимое водительство десницы Божией. Нельзя быть добрым пастырем, если не воспитаешь в себе, в чувстве своего сердца этого мистического настроения, этого живого ощущения водительства Божия в пастырском служении. Не свое дело делаем, а Христово: мы Его послушники, Его работники и даже более — соработники. И дело Его — великое: воспитывать чад царствия Божия, будущих граждан Иерусалима небесного. К сим кто доволен? восклицал некогда избранный сосуд благодати — Апостол Павел. А он имел ум Христов, он дерзал говорить о себе: не ктому аз живу, но живет во мне Христос... Живет, а следовательно и действует. Если же так судил о себе великий Павел, паче всех потрудившийся в благовестии Евангелия, то что речем о себе мы, грешные, недостойнейшие носители благодати Божией, служители Церкви?.. Но у Христа таков закон: чем кто больше сознает свою немощь, свое недостоинство, тем ближе к тому и Его благодать: сила бо Его в немощи совершается. Вот почему, если и всякому христианину: то тем паче пастырю Церкви подобает всяким хранением хранить, как неоцененное сокровище, как нежный благоуханный цветок оберегать в чувстве сердца сознание своего ничтожества, своей беспомощности, постоянной нужды в Божией помощи...

Вот чем сильны были иереи Божий, подобные смиренному о. Григорию. Они крепко веровали, что Христос не оставит без помощи, не допустит до голодания и нужды безысходной Своего работника, и в основе их нравственного устроения глубоко лежало сознание, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихия, которой должен жить истинный служитель Христов...

МИЛОСТИВОЕ ЦАРСКОЕ СЛОВО

Нашему возлюбленному Государю благоугодно было, в 6 день сего мая, осчастливить меня Своею Высокомонаршею Милостию. Вот Его всемилостивейший Рескрипт, данный на мое имя:

Преосвященный архиепископ Никон.

Долголетние и многополезные труды Ваши по составлению книг и листков религиозного содержания в бытность Вашу иноком Троице-Сергиевой лавры, а затем и во время Вашего служения в епископском сане давно снискали Вам всеобщее уважение в среде верующего православного русского народа. Ныне Вы призваны стать во главе учрежденного с Моего соизволения издательского совета при Святейшем Синоде, коему предстоит осуществить весьма трудную задачу объединения и планомерного развития издательской деятельности православной российской церкви во славу Божию и на благо Отечества.

Выражая твердую надежду, что на предлежащем Вам высоком поприще служения святой православной церкви Вы успешно примените приобретенные Вами опыт и знания к тому, чтобы вечно живые и спасительные источники религиозно-нравственного ведения — книги Священного Писания, а равно богатые и назидательные сокровища святоотеческой письменности сделались доступными широкому пользованию и ясному понимаю русского верующего народа и чтобы не только раскрыты были упования нашей православной веры, но и даны были основания к ее защите, Я признал справедливым возвести Вас в сан архиепископа.

Бог в помощь Вам в сем великом и святом деле.

Поручая Себя молитвам Вашим, пребываю к Вам благосклонный Николай.

В Царском Селе 6 Мая 1913 г.

Прочитал я эти золотые строки, поцеловал подпись Помазанника Божия и... глубоко задумался...

Да, только надежда на помощь Божию, на обетование Господа, что сила Его в немощи совершается да вот такое ласковое, бодрящее слово Царя Православного поддерживают мои слабеющие силы на предстоящее мне делание: буди во всем на мне воля Божия во славу Церкви святой, нашей матери!

Радует меня и то отношение ко мне верующего православного русского народа, которое, признаюсь, столь неожиданно для меня и столь торжественно засвидетельствовано с высоты Царского Престола. Но боюсь, как бы, по немощам моим не обмануть столь дорогой для меня “крепкой надежды”, о которой говорит Высочайший Рескрипт... Помогите и вы, мои добрые друзья-читатели, молитвами своими к Богу за немощь мою!

Читаю и перечитываю дорогие строки... “Вечно живые и спасительные источники религиозно-нравственного ведения — книги Священного Писания, а равно богатые и назидательные сокровища святоотеческой письменности” должны быть “доступными широкому пользованию и ясному пониманию Русского верующего народа”... должны быть “не только раскрыты упования нашей православной веры, но и даны основания к ее защите”... Это слова

Царского Рескрипта. Это драгоценный завет Государя не мне только, многонемощному архиерею, но и всем пастырям и архипастырям Православной Церкви. Это завет всем православным русским людям.

Велика, прямо непосильна та задача, которая возлагается на меня и моих будущих сотрудников по Издательскому Совету! “Предлежащее высокое поприще” — необъятно. Не говорю уже о себе — весь наш будущий Совет бессилен сделать что-либо заметное на этом обширном поприще без деятельного сотрудничества всего православного пастырства, всех ревнителей Церкви. Дремлющее религиозное чувство в русской душе пробуждается и тревожно озирается, ищет удовлетворения духовного голода, просит духовной пищи... А ему предлагают какие-то рожцы вместо чистой пшеницы, камень вместо хлеба, отраву вместо врачевания... В “Церковных Ведомостях”, издаваемых при С. Синоде, напечатано “Положение”, на основании которого будет действовать “Издательский Совет”. Его деятельности дается такой простор, что “Положением” как бы предусматриваются все духовные нужды народа, как простого, так и более или менее образованных классов. Само собою понятно, что нельзя ожидать быстрого осуществления всей намеченной программы этой деятельности: она будет осуществляться постепенно, по мере сил наших и тех средств, какими будем располагать. А пока и то хорошо, что как председатель, так и все члены Совета будут исполнять свои обязанности без всякого жалованья, а сотрудники, конечно, будут получать заслуженный ими гонорар...

Итак: благослови, Господи!

НОВАЯ ПОРЦИЯ ЯДА ОТРИЦАНИЯ

Давно это было: лет двадцать назад. Ехал я из Петербурга по железной дороге; спутником моим оказался известный, теперь уже покойный, художник М. Какая-то грусть, разочарованность, почти безнадежность отражались на его усталом лице. Мы разговорились. Я, между прочим, заметил, что художники по самой профессии своей близки к духовному, идейному миру, и эта близость сама по себе может доставлять мир душе и нравственное удовлетворение. Мой собеседник как-то тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой. Из беседы с ним для меня стало ясно, что его душа отравлена современными лженаучными бреднями, сердце опустошено, что он переживает духовное сиротство, одиночество, пустоту... Жаль было видеть человека: духовные потребности которого заглохли, благодаря художественному таланту, но и не находили себе удовлетворения. Бережно касаясь больной души, я пытался указать ему путь к Богопознанию, но он как-то безнадежно махнул рукой, сказав: “поздно!” И — замолчал...

Этот случай пришел мне на память, когда на днях я прочитал “научное письмо” почтенного Эльпе в “Новом Времени”, под заглавием: “Сорок лет в поисках за истиной”. Всему ученому миру известный наш соотечественник, профессор И. И. Мечников издал сборник своих статей, “соединенных одной общей мыслью и направленных к установлению рационального миропонимания, к выработке и уяснению основ общего воззрения на человеческую жизнь”. Так определяет смысл этого сборника сам автор. Видно, борьба света со тьмою не кончится в мире сем грешном дотоле, пока не придет Свет неприступный, чтобы окончательно сразить князя тьмы и низвергнуть его в вечную тьму кромешнюю; видно, сынам света, чадам Церкви придется до скончания века бороться с той ложью, которая силится затмить учение Христово и закрыть чистую истину Божественного Откровения туманом всяческих мудровании якобы научного, да еще — положительного знания.

Что такое “рациональное миропонимание”? Это попытка слепорожденного написать сочинение о художественной картине Рафаэля, попытка глухого от рождения сочинить трактат о

музыке и пении. Известно, ведь, что рационализм стремится исключительно на почве материализма; подобно древним саддукеям, рационалисты чистой воды не хотят знать ни духа, ни ангела, ни духовного сверхчувственного мира; для них вся область бытия заключена в тесных рамках чувственного мира; в своей гордыне они не хотят примириться с мыслию об ином мире, который познается не пятью чувствами, а тем органом духа, которого нет ни у одного в мире живого существа, кроме человека, и который называется "верующее сердце". Казалось бы: с древнейших времен, с той поры, как стало помнить себя человечество, люди верили в бытие этого иного мира, — правда, представляли его различно, но важен факт этой веры, этой потребности веры, чтобы и так называемое "положительное знание" признало его как факт, не отрицало его, если хочет быть честным... Но, вот, подите же: как будто пришельцы с луны, наши научники притворяются, что и не подозревают о существовании этого факта, а когда факт сей бьет в глаза — отделываются самым нелепым, не выдерживающим никакой критики объяснением его и затем уж больше не хотят и говорить о нем... Что им за дело до истории, до миллионов душ верующих, до поразительных чудес, совершающихся в Церкви, даже просто — до того величайшего всемирного чуда истории, каким является Христианство?.. Что им за дело до того чуда, какой представляет собою их собственный ум с его законами мышления, с его способностью воплощать идеи в слово, распределять их по категориям, разбираться во всем том хаосе, какой представляет мир идей, представлений, образов и отвлеченных понятий?.. Ведь, это же все факты, ведь, все это, если угодно уж сочинять "рациональное миропонимание", надо поставить на свое место, объяснить, изложить, и притом на основании тех именно принципов, какие положены в основу рационализма, т.е., принципов исключительно материалистического объяснения всех сих явлений. — Нет ни духа, ни ангелов, ни чуда, ни Бога... Все — естественно, все — законы природы, все объяснимо... Да в том-то и вопрос: как вы, господа, объясните хотя бы вот это чудо: вашу собственную духовную деятельность, — вот этот ваш ум, который мыслит сейчас? Полсотни лет тому назад ваши предшественники Фохты и Молешотты пытались, ведь, толковать нам, что мысль выделяется из мозга так же, как моча из почек, да что-то ничего из такого объяснения не вышло, кроме остроумных шуток на счет изобретателей таких теорий. Нет, не теории нам нужны, а — если уж вам так угодно — воистину точное знание, аксиомы науки, ясные и для детей, опытные доказательства ваших теорий, стремящихся объяснить все, что касается духовного мира, духовной жизни... Но, ведь, этого пока еще нет, пока мы слышим только одни глаголания и гипотезы, и — ни одного факта. И простительно было бы вам, господа научники, довольствоваться своими гипотезами, если бы вы жили не среди христиан, если бы не имели вы возможности беспристрастно и научно проверить то, что проповедуем мы, если бы не могли наблюдать воочию факты нашего соприкосновения с тем миром, который так отрицаете, который, очевидно, так вам не мил, а нашему сердцу так близок... И сбывается на вас вечное слово Христово: утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцам. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою!

Слава Богу: есть и среди ученых люди честные, которые откровенно говорят, когда коснется вопрос о предметах духовного мира: "доступное науке знание пока есть не более, как невежество с открытыми глазами. Великий океан истины продолжает пребывать неисследованным пред нами. Современный ученый исследователь сущего есть не больше, как младенец, сидящий на берегу моря и пытающийся переливать морскую воду в выкопанную им луночку в песке — ложечкой, своим маленьким умом. Истинная наука и истинная религия никогда не противоречили друг другу. Они движутся по параллельным путям и никогда не могут столкнуться одна с другой". Вот почему всякое "миропонимание" помимо веры есть ложь, ибо понимать мир можно только при свете Божественного откровения. И как скоро рационализм отвергает сей источник истины, созидаемое им мировоззрение строится на песке

человеческих мудровании, которые вчера еще казались подобием истины, а сегодня стали несомненною ложью.

Вот такою ложью, к сожалению, пропитаны и статьи нашей ученой знаменитости — г. Мечникова, собранные в его книге. Он и знать не хочет о существовании христианского мировоззрения, вся цель жизни, весь ее смысл, по его учению, сводится “к возможности человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью, когда наступит известного рода пресыщение, помимо веры уничтожающее страх смерти”. Вот и все...

Стоило ли сорок лет искать такой “истины”, такого “рационального мировоззрения”? Оно давно известно, от времен языческих: да ямы и пием, утре бо умрем! В статьях идет речь о том, нужны или не нужны толстые кишки, даже — желудок, что “уже четыре человека (какая точная статистика!) живут без желудка и этим доказывают бесполезность его”, что человек, по складу своей организации, в одно и то же время есть и “обезьяний урод”, и “действительно усовершенствованная обезьяна” и под. И все это объединяется под новым модным словом “ортобиоз”...

Тяжелое впечатление производит на читателя эта новинка, Если бы профессор дал что-нибудь новое в той специальной области, в которой он работает, может быть, ему сказали бы спасибо. Но он пустился в область, совершенно ему чуждую, в область метафизики и философии, и своими рассуждениями из физиологии и патологии дискредитирует сам себя в глазах читателей: так и видно, что ему хотелось бы подслужиться духу века сего лукавого и безбожного, сказать “новое” новое слово, а сказалось-то старое, давно изношенное и брошенное, и стало ясно, что знаменитый в своей области ученый оказался школьником, списавшим чужую задачку, да еще и неудачную.

А подумал ли наш почтенный соотечественник, издавая свой сборник, что из сего выйдет? Не надо быть пророком, что иудейская и иудействующая печать поднимет шум около его книги: “Наш славный ученый Мечников! Сам профессор Мечников сказал, доказал, что вся цель нашей жизни — пожить подольше и умереть от пресыщения жизнью! Дальше нет цели! А если видишь, что эта цель недостижима, то зачем и жить?.. За гробом нет ничего!”

И вот, наша, падкая на всякую новинку, преклоняющаяся пред всяким авторитетом, лишь бы он поблажал ее вольностям, молодежь набросится на издание г. Мечникова и будет впитывать в себя новую порцию яда отрицания всего, чем жива наша христианская душа, а там — долго ли до греха — начнутся и самоубийства “по Мечникову”...

И что за помешательство такое у современных ученых и — заметьте: у наших соотечественников, как будто, в особенности?

НА ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ ТОРЖЕСТВЕ

Исполнилось, наконец, сердечное желание православных русских людей, удовлетворена потребность их сердца, совершилось давно ожидаемое событие: еще раз разверзлось небо над Русью православной и оттуда в сиянии славы небесной благословил родную землю ее великий печальник, страдалец за нее, святейший патриарх Ермоген. Триста лет почивал безмолвно в благоухании святыни, под сводами первопрестольного храма Успения Владычицы, и вот, теперь будто живой встает он из своего гроба, чтобы во время благопотребно поддержать родную свою Русь в минуту трудную, во дни новой смуты, новой борьбы за святые идеалы Русской земли, за веру православную, за Русского Царя Самодержавного, и являет свое заступление в знамениях и чудесах многих.

12-го мая, когда Церковь празднует память его друга и сотрудника в служении Церкви и отечеству, преподобного Дионисия, Радонежского чудотворца, совершилось торжественное прославление памяти Патриарха Ермогена. Три-четыре дня во время этих торжеств священный Кремль Москвы был переполнен массами народа, со всех концов Руси православной стекшегося к гробнице новоявленного чудотворца. Канун, 11-е мая, был днем последнего поминовения святителя по чину поминовения усопших. В последний раз Церковь приносила имя его, яко единого от нас, в молитве ко Господу, да упокоит его душу Господь во царствии небесном; в последний раз совершены по нем заупокойный парастас накануне и литургия сей день; после литургии сонм святителей и собор священнослужителей приблизились к месту его упокоения и совершили последнюю панихиду, которая скорее напомнила последование утрени великой субботы с ее торжественно-величавым предчувствием близкого воскресения, чем поминовение покойника. Гулко под сводами древнего собора раздалось последнее пение “вечной памяти” святейшему Ермогену, чтобы смениться пением до скончания веков: “святителю, отче Ермогене, моли Бога о нас!”

В 6 часов ударили ко всенощному бдению. Прибыл блаженнейший Патриарх Антиохийский Кир-Григорий. Богу было угодно, чтобы один из восточных патриархов был в числе тех святителей, которые впервые воспели у гроба Русского Патриарха, страдальца за Православную веру и Русь: “Величаем тя, священномученице Ермогене”... Началась одна из тех служб, которые ощутительно для верующего объединяют Церковь земную с Церковию небесною, которые заставляют забывать всякую усталость, переносят душу в мир радостей небесных. А русская душа кроме того переносилась и за триста лет назад, когда вот с этого священного амвона раздалось могучее слово святейшего Ермогена, который благословлял и призывал верных сынов родины на ее защиту, на ее освобождение от злых врагов веры православной, и гремел проклятиями против ее изменников, не страшась ни пыток, ни темниц, ни самой мучительной смерти... Святые минуты, когда целым сердцем чувствуешь себя сыном родной Руси святой, верным чадом Церкви-матери, когда сливаешься с этою Русью, живешь одною с нею жизнию, когда от всей души благодаришь Бога, что родился ты русским, православным и имеешь великое счастие, быть таковым навеки... Как несчастны те из наших сородичей, которые отщепились от самой души народной в своем миросозерцании, которые вместо вот этого благодатного общения с нёбом и старою Русью питаются рожцами жалких западных мудровании, не дающих душе ничего, кроме ощущения страшной пустоты и бесцельности жизни...

Чинно, стройно, благополучно шла служба Божия до самого полиелея. Хор синодальных певчих, в новых, своеобразных костюмах, сшитых по рисункам великого знатока старой Руси В.М. Васнецова наподобие боярских кафтанов, исполнял священные песнопения образцово. Запели Хвалите имя Господне... Отверзлись царские врата, и оттуда выступил и направился к гробнице Патриарха сонм многих святителей и священнослужителей. Во главе — блаженнейший Патриарх, два митрополита и 19 архиепископов. Окружив священную раку, они сняли с нее покров и святительскую мантию и, сотворив земное поклонение, громогласно, торжественно воспели: “Величаем тя, священномучениче Ермогене, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего!”

В эти торжественные минуты вся церковь поклонилась новопрославленному чудотворцу, заступнику Русской земли...

Началось крестное обхождение собора. Высоко несли икону святителя среди других святынь и множества хоругвей. Соборы, особенно колокольня Ивана Великого, горели разноцветными электрическими огнями. Ярко горела исполинскими буквами надпись, длиною в 18 аршин, на стене колокольни, над ее галереей: “Радуйся, священномучениче Ермогене, Российские земли великий заступниче!”

Нужно ли говорить о торжественном звоне знаменитого на Руси Ивана Великого? Он ликовал за всю Русь, а ему вторили тысячи московских колоколов-богатырей, и волны святых звуков, как небесные хоры незримых певцов, носились над старою Москвой, которая в прославлении нового чудотворца, праздновала и свое освобождение от заклятых врагов Руси и Православия...

Около 11 часов окончилось всенощное бдение. Душа была переполнена таких впечатлений, которые не забываются на всю жизнь. Но на утро готовились новые впечатления, новые духовные радости. Бог привел мне совершить божественную литургию в кремлевском Вознесенском женском монастыре, откуда крестным ходом мы, четыре архиерея и служащие с нами проследовали в Успенский собор, чтобы присоединиться к общему крестному ходу оттуда на Красную площадь. Этот крестный ход, совершенный при чудной весенней погоде, когда, казалось, сама природа радовалась нашею радостью, на святых иконах и хоругвях, этот крестный ход, в коем белая лента священных облачений растянулась от Успенского собора почти до Спасских ворот, представлял такую картину, которой не представить никакому воображению, которая не поддается никакому описанию... Вся кремлевская площадь была залита морем голов, вся противоположная Кремлю сторона набережной Москвы-реки пестрела тысячами народа, издали участвовавшего в молитве, а по выходе из Кремля на Красную площадь зрелище было не только торжественно, но и умилительно: многотысячные массы народа, обнажив головы, подняли руки для крестного знамения и слились в единодушной молитве, устремляя взоры на смиренный лик святителя Ермогена, несомый во главе крестного хода. Патриарх взошел на Лобное место со святителями; священнослужители образовали два длинных ряда вдоль площади по направлению к Никольским воротам; на Лобном месте Патриарх по-славянски прочитал Евангелие и осенил народ святым крестом “воздвизальным”, т.е. большим, обычно предносимым патриарху в его служениях, на все четыре стороны... И опять вспомнилось, как с этого самого Лобного места, триста лет назад, неустрашимый первосвятитель Русской Церкви своим огненным словом беспощадно обличал измену и призывал народ к исполнению долга...

Шествие возвратилось в Кремль чрез Никольские ворота и направилось в Успенский собор. Молебное пение завершилось здесь громогласным многолетствованием, которое исполнено хором разными напевами.

Не буду говорить о праздничной трапезе, имевшей, между прочим, ту особенность, что на ней не было никаких вин, замененных “квасом хлебным выкислым, монастырским, медами: вишневым казанским, малиновым кашинским, яблочным коломенским и кофием аравийским”. Роспись кушаньям была составлена по древнему праздничному обиходу патриаршего столования.

Вечером по всей Москве снова совершены всенощные бдения, всецело посвященные прославлению святителя, Ермогена. А воутрие — были везде совершены божественные литургии. В Чудовом монастыре, в самом месте заточения святителя в сей день освящен храм — первый храм на Руси во имя сего страдальца за Русь. Мирские люди собираются ставить ему памятник на Красной площади. Я уже имел случай в “Троицком Слове” высказать свое мнение о таких памятниках. Не по душе они русскому человеку. Не памятников-статуй просит она для своих благодатных мужей, Богом прославленных. А вот — храмы Божий, посвященные их памяти — вот лучшие им памятники. В сих храмах православные русские люди и будут беседовать в молитве со своими небесными молитвенниками, духовными вождями родного народа. И это будет не мертвое воспоминание о заслугах пред отечеством сих благодатных вождей, а живое общение с ними. Не думаю, чтобы и угодникам Божиим, чуждым и тени всякого земного славолюбия, были угодны эти статуи-памятники, пред которыми, ведь, не будет и столь милого русскому сердцу символа молитвы — горящей лампады, — статуи, стоящие

среди шумной площади, оскорбляемые самым равнодушием этого шума толпы людской, — нет: иноземный это обычай, и никогда русская душа не примирится с ним, а разве только будет терпеть его...

Слава Богу, прославляющему святые Свои во утешение церкви Своей, на земле бедствующей, в укрепление немоществующей веры нашей, во свидетельство истины православия и в показание благодати, обитающей в Церкви Православной!...

ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ ОКОЛО СВЯТЕЙШЕГО ИМЕНИ БОЖИЯ

I

С болью сердца, с муками души издалека наблюдаю я великое искушение, попущением Божиим постигшее Св. Гору и ее, — по-видимому, только русских — насельников... Что сие значит? Восторжествует ли враг Церкви, или же смирение иноческое победит его?..

Вот что особенно страшно: сатана, доселе трепетавший пред именем Господа нашего, как именем Того, Кто сокрушил его державу, теперь построил искушение около сего имени и сеет вражду — да еще какую! — между исповедующими Господа, посвятившими себя всецело служению Господу, ради Господа отрекшимися от мира и всего, яже в мире... Какова дерзость! Но каково же и ослепление тех, кто поддался сему искушению! Неужели так оскудела духовная жизнь современных подвижников Афона, что не замечают они козней искусителя? Страшно за Церковь, которой нешвенный, Боготканный хитон хотят разорвать...

В чем дело?

Явилось учение, доселе Церковью не рассмотренное, а потому и в ее вероизложениях — ни положительно, ни отрицательно не сформулированное. Кратко оно выражается в трех-четырех словах: “Имя Божие есть Сам Бог”. И только. В подробном изложении оно уже говорит, что всякое имя Божие, всякое слово Божие, все откровение Божие, всякая молитва, к Богу обращенная, всякое исповедание имени Божия — есть Бог...

Темно, неясно, непонятно все это для человека, особенно для простеца. Но сие учение уже выдается как “догмат”: автор книги, в которой впервые появилось оно, схимонах Иларион, так и говорит, что он “поставил этот догмат в таком виде, в каком он не встречается нигде, кроме о. Иоанна Кронштадтского”. Но о. Иларион утверждает, что этот догмат якобы всегда содержался и содержится Церковию, но доселе был как бы сокровен.

Чтобы правильно судить о сем якобы сокровенном догмате, должно помнить, что все догматы, несмотря на всю их таинственность и непостижимость для ума нашего, тем не менее никогда не противоречат законам нашего разума. Непостижимость еще не есть логическое противоречие. Например: Бог троичен в Лицах, но един по Существу, — вот догмат. Противоречит ли он разуму? Он непостижим для нашего разума, но законам разума не противоречит, ибо содержит в себе две истины — разные, но взаимно не отрицающие одна другую: — единство сущности Божества, другая — троичность Лиц. Так, нас учили в православной догматике. Вот почему все догматы приемлются разумом, когда он смиряется пред тайнами Божественного откровения. Но в новом учении имеется логическое противоречие.

Что такое имя вообще, как мы его понимаем?

Имя есть условное слово, более или менее соответствующее тому предмету, о коем мы хотим мыслить; это есть необходимый для нашего ума условный знак, облекаемый нами в звуки (слово), в буквы (письмо) или же только умопредставляемый, отвлеченно, субъективно

мыслимый, но реально вне нашего ума не существующий образ (идея). Без такого знака наш ум был бы не в состоянии приблизить к своему пониманию тот предмет, какой мы разумеем под тем или другим именем. Наш дух, сам по себе, вне тела, может быть, в таких именах и не нуждается; но теперь, пока он заключен в телесный состав, он иначе и мыслить не может, как умопредставляемыми образами, идеями, словами, именами. Обычно, имя указует нам какие-либо свойства предмета, приближаемого к нашему мышлению, но повторяю: реально — ни духовно, ни материально имя само по себе не существует. Это почти то же, что в математике идеальная точка, линия, круг, в географии — экватор, меридиан и под. Таково значение имени для нашего мышления, такова его сущность.

Возьмем другое слово, входящее в формулу нового догмата: “Бог”. Самым главным, как бы всеобъемлющим признаком сего понятия в нашем христианском смысле является всесовершенная духовная личность. Так, и в православном Катихизисе говорится, что Бог есть Дух, духовная личность, Дух вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный, всеблаженный. Все другие признаки сего понятия объединяются в основном понятии личности — Духа. Этот признак должно иметь в благоговейном внимании всегда, когда мы произносим слово “Бог”.

И вот, при соединении двух, сейчас рассмотренных нами слов “имя” и “Бог” в одно предложение, в одну мысль, как это видим мы в новом догмате, является явное логическое противоречие одного понятия другому: “имя”, как идея, мысль — нечто реально — ни материально, ни духовно не существующее, а “Бог” есть реальнейшее существо, самобытная сущность, основа всякого реального бытия и притом — повторяю — всесовершеннейшая личность. Ясно, тут само собою выходит такое умозаключение: нереальное (имя) есть реальнейшее Существо, всесовершеннейшая Личность.

Такого логического противоречия и взаимного отрицания двух понятий наш разум, как отображение разума творческого, принять не может.

Защитники нового догмата говорят, что имя Божие неотъемлемо от Бога, что каждый раз, когда мы произносим имя Господа, то разумеем или призываем именно Его Самого, а не отвлеченную идею, умопредставляемый образ.

Но тогда зачем ставить логическое ударение на слове “имя”, зачем как бы подчеркивать это слово? Зачем настаивать на имени тогда, когда разумеем Его Самого? Невольно приходит на мысль, что это нужно новым учителям по каким-то особым соображениям. И если вникнуть глубже в их учение, то становится понятным, зачем это им нужно.

Должно сказать, что хотя имя, как отвлеченное умопредставление о чем бы то ни было, отдельно от предмета реально не существует, но в процессе мышления всегда может быть отделено от того предмета, коему усвояется. Ему может быть приписано то или другое качество, коим самый предмет не обладает. Например, об имени можно сказать: благозвучно оно или нет, легко или не легко произносимо, объемлет ли все признаки именуемого или же часть их, один из них, и подобное. Нет надобности делать исключение и тогда, когда речь идет об имени Божием. Мы употребляем его и в молитве, произносим и тогда, когда беседуем или пишем о Боге. Надо помнить еще и то, что мы существа ограниченные, а Бог неограничен, непостижим для нашего ума, необъятен для нашего слова. По благости Своей Он открывает Себя в слове человеческом, но всякое слово наше остается ограниченным и условным, Он же безусловно всесовершен. В Его имени, в нашем слабом слове или нашем умопредставлении о Нем есть только приближение понятия о Нем к нашему уму, но не тожество — не только с самым Существом Его, но даже и с тою идеею о Боге, которая прирождена нашему духу, как неотъемлемая черта образа Божия в нас самих, которая предносится, в силу этой прирожденности, нашему уму, но не объемлется, не выражается во всей полноте своей ни одним

из наших словес. Посему необходимо признать, что наша идея, наша мысль о Боге — одно, а самое Существо Божие — другое. Только при таком отделении имени, как мысли о Боге, от самого Существа Божия и можно здраво мыслить и благоговейно рассуждать о Нем. Уже по одному этому непозволительно дерзать говорить: “имя Божие есть Сам Бог”. Бог в Существе Своем неименуем. Нет на земле достойного Его имени и на языках человеческих таких слов, которые во всей полноте обнимали бы Его Существо, все Его совершенства: и так называемые имена Его суть только слова, указующие на то или иное Его свойство, например: Сущий (Иегова), русское Бог — указуют на Его вечность, Его приснобытие, на то, что Он самосущий источник всякого бытия; Иисус — на то, что Он есть Спаситель наш, нас ради воплотившийся и ставший Богочеловеком; Христос — на то же служение спасению рода человеческого; Сын Божий на Его предвечное рождение от Отца, на Его отношение к Первому Лицу Пресвятой Троицы; Господь — на Его владычественное отношение к созданной Им твари и искупленным Его кровию людям, и т.под. Но если бы нашлось на языке человеческом слово или в мысли нашей представление, во всей полноте объемлющее в себе все свойства и совершенства Божий, и тогда это была бы только идея о Боге, только благоговейная мысль о Нем, наше субъективное представление, а не Сам Он по Своему Существу. Если угодно — это был бы только мысленный образ Божий, духовная умопредставляемая икона Его, а не Сам Он. Правда, когда благоговейная мысль обращается к Богу, призывая святейшее имя Его, то Господь в то же мгновение внемлет молящемуся, мало того: Он Сам дает и молитву молящемуся, но и при сем Самое Существо Божие не воплощается в идее, а лишь проявляется некая сила Божия, именуемая благодатию. И является она не потому только, что человек умом или устами произнес имя Божие, а потому, что произнес его с должным благоговением и верою, обращая и свое сердце к Богу (Существу Божию), как цветок обращается к солнцу. Не от звуков имени, не от отвлеченной идеи, не от умопредставляемого имени, а от Самого Бога льется на него луч благодати. Имя при сем является, как я уже сказал, лишь необходимым для нашего мышления условием, чтобы облечь нашу мысль в наше слабое слово, что для Бога не нужно, а для нас необходимо.

Повторяю: для нас имя Божие есть только слабая тень одного из свойств или состояний Божиих, отмеченная в нашем слове или мышлении; мы и тени воздаем должное почитание, как иконе, ибо и тень апостола Петра исцеляла болящих: но не дерзаем отождествлять сию тень с Самим Богом и говорить, что “имя Божие есть Бог”. На это не дает нам права простой, здравый разум; это на деле доказывают и сами защитники нового догмата: несмотря на их настойчивое уверение, что имя Божие неотделимо от Лица Божия, они все же его отделяют в своем мышлении. Да и разум непременно этого требует, ибо Господь Бог есть Личность, а идея и есть только идея, отвлеченность, субъективное представление, хотя бы и внушенное, открытое Богом человеку. Раз они называют идею “Богом”, они тем самым уже признают ее личностью. Но поелику эта, уже обратившаяся, по их учению, в личность идея ими настойчиво признается “Богом”, поелику ими усиленно подчеркивается, что не только Сам Господь Бог есть Бог, но и имя Его есть “Бог”, то с логическою необходимостию из сего выходит, что как Существо Божие Само в Себе есть Бог, так и имя Его есть Бог, а сим самым в их мышлении имя отделяется в особую от Бога личность. Нет нужды делать отсюда логическое умозаключение, ведущее к какому-то двоебожию... О, конечно, они протестуют против такого понимания, но здравый разум требует признания сего вывода с неумолимою логикою...

Исповедники нового догмата предвидят такое возражение, но для опровержения его у них недостает строго логических построений и посему они пускаются — с одной стороны в мистику, с другой ищут всюду авторитетов, чтобы, не входя в рассмотрение вопроса по существу, подкрепить свое учение их словами. Они говорят, что в учении о духовной жизни опыт важнее науки. Но жизнь духовная — одно, а точное изложение веры — другое. Такие великие учители монашества, как преподобный Иоанн Лествичник и Варсануфий Великий,

предостерегают монахов, даже безмолвников, посвятивших себя высшему подвигу, от занятия догматическими исследованиями. “Неизмерима глубина догматов, — говорит св. Лествичник, — и уму безмолвника не безбедно пускаться в нее. Не безопасно плавать в одежде, и подверженному страсти касаться богословия” (Леств. ел. 27, гл. 10-11). И когда один брат вопрошал преподобного Варсануфия: “если в моем присутствии состязаются о вере с кем-либо из неправо мудрствующих о ней, должен ли и я состязаться или нет? ибо помысл говорит мне: когда молчишь, то изменяешь вере”, — великий авва прямо и решительно отвечал: “никогда не состязайся о вере; Бог не требует от тебя сего, но лишь того, чтобы ты веровал право, как принял от святой Церкви при крещении, и чтобы соблюдал заповеди Его. Сохрани сие и спасешься. Беседовать же о догматах не следует, ибо это выше тебя. Но молись Богу о своих согрешениях, и в сем пусть упражняется ум твой. Берегись, чтобы в сердце своем не осудить имеющих такое собеседование, ибо ты не знаешь, право ли говорят они или нет. Бог будет судить оное дело: если же будешь спрошен, скажи: простите меня, отцы святые, это выше меня” (отв. 702). В другом месте тот же святой отец вопросившему о мудрованиях Оригена, между прочим, пишет: “небеса ужасаются, о чем любопытствуют люди. Земля сотрясается, как они хотят исследовать непостижимое. Эти догматы языческие, это пустословие людей, которые думают о себе, что они нечто значат”... (отв. 606). И святой Григорий Богослов пишет: “незнающему богословских наук непозволительно и рассуждать о догматах веры; как больному глазами нельзя смотреть на солнце, так и неученому в богословских науках нельзя и учить с новых догматах”. Было бы очень полезно современным инокам богословам на Афоне припомнить сии наставления св. отцов.

Излагать учение о божественности имени Божия есть дело православного богословия, а не аскетики. Опыт духовной жизни — великое дело, и многие богословы почерпали в нем благодатную помощь Божию к уразумению и выражению в своих писаниях истин веры, но не всякому подвижнику это дается. Притом, всеконечно, они не дерзали в сем великом деле полагаться на свой только личный опыт, на свои выгоды из сего опыта, а строго проверяли свои мысли учением Церкви, яко единой непогрешимой хранительницы истины Божией. С великим дерзновением говорили о некоторых истинах такие подвижники, как преподобный Серафим Саровский и отец Иоанн Кронштадтский, но и они не выдавали своих мыслей за точно изложенные истины, за догматы, как это делают отец Иларион и Антоний Булатович, не дерзали составлять своих вероопределений, и ни один учитель Церкви не посмеет назвать своего личного мнения догматом, хотя бы находил и у других церковных писателей нечто, подтверждающее его мнение.

Из авторитетов новые учители более всего ссылаются на Иоанна Кронштадтского. Но должно помнить, что, как заметил один писатель, он приобрел известность не своими ученo-богословскими трудами, а подвигами и благодатными дарами. А св. Апостол Павел говорит, что Бог разделяет Свои дарования — каждому свое. Отец Иоанн имел дар, по преимуществу, молитвы и исцелений, митрополит Филарет Московский — дар мудрости и постижения учения церковного, ин — иной дар. Церковь непогрешима не в отдельных своих членах, а в целой полноте своей (“плирома”, исполнение Церкви). Если бы о. Иоанн дожил до появления нового учения об имени Божием, то, конечно, он разъяснил бы нам те выражения, которые, главным образом, полагают в основе нового догмата. Пример сему — его протесты против искажения его мыслей, так называемыми иоаннитами, которых он не стесняясь предавал открыто анафеме. Имея в виду, что Церковь в своих вероопределениях нигде не учит так, как учат защитники нового догмата, я дерзаю утверждать, что не учил так и о. Иоанн, и что смысл тех выражений, которые приводятся ими, не тот, какой они в них находят, тем более, что, как оказывается, выписки взяты, в большинстве, не из подлинных записей о. Иоанна, а из перевода с английского. Подлинник же на английском языке представляет как бы пересказ, свод мыслей, а

не точных слов о. Иоанна, в изложении уже англичанина, который потрудился пересмотреть дневники его и извлечь из них в своем изложении то, что ему было особенно по сердцу.

Какой же мог быть смысл у о. Иоанна в приводимых выражениях? Позволяю себе ответить на сей вопрос, как это представляется возможным.

Делатели молитвы Иисусовой свидетельствуют, что “когда ум бывает заключен в сердце”, когда все духовное существо человека бывает сосредоточено на мысли о Боге, при чем мысль, при содействии благодати Божией, как бы благоговейно предстоит невидимо присутствующему Богу по слову псалмопевца: презрех Господа предо мною выну (Пс. 15, 8), тогда согревается сердце человека прикосновением к нему Божией благодати, и сладостно бывает молитвеннику самое имя Господа Иисуса Христа держать в своем уме или лучше сказать, — в сердце, по слову того же псалмопевца: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4). Сие то состояние, испытываемое молитвенником, дает ему уверенность, что Господь внемлет его молитве, что Он, милосердый, тут, около него. — Где же? вопрошает его дух его, как бы желая обнять Неосязаемого? — Человек привык мыслить всякое существо в каком-либо пункте пространства; в данный момент он ощущает прикосновение благодати в сердце — там, где он в смиренной любви держит и как бы лобзает имя Господа, и вот, в умилении сердца, в восторге духа он готов воскликнуть: “Ты здесь, Ты со мною, Господь мой и Бог мой! Добро есть мне с Тобою быти!” И его мысль емлется за сладчайшее имя Божие, как бы за ризу Христову, как бы за пречистыя нозе Его. И все сие совершается столь быстро, столь неотделимо проходит один момент переживания ощущений от другого, что у молитвенника может возникнуть мысль о присутствии Самого Господа в Его имени, и прикосновение лучей благодати, согревающей сердце, может быть принято или, по крайней мере, для краткости выражения в слове, названо присутствием Господа в Его имени, хотя на самом деле все сие совершается в сердце, самое же имя не есть, как я уже выше сказал, реальное нечто, а лишь условное умопредставление, хотя бы и Самим Богом нам открытое, как необходимое для нашего мышления, чтобы обратиться мыслию к непостижимому, умом необъемлемому, словом невыражаемому Существу Божию. Здесь неприменимо понятие о вездесущии Божием, ибо для имени нет пространства, к коему относится понятие вездесущия Божия.

Можно думать, что и о. Иоанн, переживая благодатные состояния в молитвенном общении с Богом, свои переживания набрасывал на бумагу, не заботясь о догматической точности выражений, в своих летучих заметках или дневниках. А англичанин, человек иных догматических понятий, иного воспитания в учении веры, изложил сии мысли о. Иоанна по своему. При печатании же русского перевода о. Иоанну не было времени точнее вчитаться в текст перевода и лучше оформить свои мысли в догматическом отношении, тем более, что едва ли ему могло прийти па мысль, что явятся люди, которые его слова-наброски будут принимать за строго выраженный догмат. Религиозные переживания легче и свободнее выражаются в поэтических формах, нежели в точных догматических определениях. Надо и то сказать, что если один даже из великих отцов Церкви, по недоразумению, некоторое время держался неправославных мнений о вечности мучений, то тем простительнее о. Иоанну не быть точным в выражении своих мыслей-переживаний, и он, конечно, исправил бы их, если бы кто ему указал на эти неточности.

Я довольно подробно остановился на выписках из писаний о. Иоанна Кронштадтского потому, что из всех свидетельств, приводимых о. Булатовичем из обширнейшей аскетической литературы, этот подвижник-молитвенник выпуклее всех выразил учение о Божественности имени Господня в благоприятном для о. Булатовича виде. И не могу не высказать удивления, как мало автор “Апологии” использовал сию литературу: ведь, святых отцов считается у Миня до 400 томов! Равно и из русских богословов почти нет ни одного, кроме нескольких строк из еп. Игнатия Брянчанинова, а на еп. Феофана о. Булатович бросает даже тень, будто “по

богатству ума ему не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Бог по имени Иисус". Ясно, что не нашел он в писаниях сего святителя, преисполненных опыта духовного, того, что искал, — подтверждения своих мудровании. Величайший богослов последнего времени митрополит Филарет Московский, сам мистик по своему духовному складу, им совершенно обойден, не говоря уже о других. А трудился о. Булатович много и усердно, собирая отовсюду все, что только было можно подобрать в свою пользу. И если принять во внимание, что не находя прямых определений своего нового догмата, он выписывал места, относящиеся не толь ко к имени Господа, но и к действиям Божиим, благодати и под., всячески стараясь истолковать некоторые, казавшиеся ему подходящими, выражения святых отцов (напр., Тихона Задонского, Иоанна Златоуста и др.), то нельзя не удивляться скудости и туманности избранных им мест. Приводит он того или другого св. отца, точного выражения о Божестве (т.е. что имя Божие — Бог) не находит, и начинает осыпать читателя вопросами: "Видите, видите, слышите?" ...Делает выводы, прибегая к натяжкам, интерполяциям, и под. Правда, два-три места есть для него более или менее благоприятные, и он, приведя их, торжествует. Но если бы учение сие было принято Церковию как догмат, то отцы и учители Церкви раскрыли бы его гораздо полнее: ведь, речь идет о спасительном имени Господа.

Намеренно или по незнанию греческого языка у о. Булатовича встречаются и неточности переводов в его выписках из первоисточников. Например, приводит он слова св. Феофилакта в его толковании на Деяния Апостолов гл. 2, 28: "Имя Иисуса есть Бог, равно как имя Отца и Святого Духа", но имя Иисус ставит вместо родительного падежа в именительном: Иисус, и мысль такою подменою падежа изменяется в его пользу: выходит, что самое имя "Иисус" есть Бог, тогда как у Феофилакта мысль просто та, что не к имени или слову Иисус надо относить сказуемое Бог, но что под именем Христовым надо разуметь Бога, второе лицо Святой Троицы, как под именами Отца и Духа первое и третье..

Особенно подчеркивает, и не раз, в своей "Апологии" о. Булатович пятое определение против Варлаама, по-видимому вовсе не подозревая, что там говорится о Божественности, а не о Боге, и в греческом тексте читается не Феос, а Феотис — Божественность {Кстати: насколько можно доверяться о. Булатовичу в переводах с греческого, можно судить по следующему примеру: вот его перевод 5-го определения против Варлаама: "Также тем, кои думают и говорят, вопреки Божественным словам святых по образу мысли Церкви, что только об одном существе Божием говорится имя Бог, и не исповедуют того, что отнюдь не меньшим почитается Божественное действие, как тому поучают нас Божественные тайноводители, почитающие во всех отношениях одинаковыми, как существо Отца и Сына и Святого Духа, так и действие Их, — анафема, анафема, анафема"! — А вот точный перевод г. Троицкого: "Еще же мудрствующим и говорящим, что имя Божества говорится об одном только существе Божественном, и не исповедующим, согласно богодуховенным богословствованиям святых и благочестивому мудрованию Церкви, что оно прилагается не менее и к Божественному действию (энергии), и наоборот, таким образом всячески настаивающим только на одной Божественности Отца, Сына и Святого Духа, говорит ли кто, как Божественные тайноводцы, об их сущности или же действии, и учащим нас этому — анафема!"}.

И это смешение двух слов Бог и Божество, Божественность, у него проходит чрез всю книгу. Множество выписок он не привел бы вовсе, как к делу не относящихся, если бы различал эти два понятия. Ведь, никто из православных не дерзнет и подумать, что святейшее имя Господа нашего, что все имена Божии, все словеса Божии — не святы и не Божественны, как Богу Единому принадлежащие. Божественность и обожение — два понятия различные. Бог есть всесовершеннейшая Личность, Божественность же — принадлежит Богу, качественность предмета, и, конечно, все действия Божий — Божественны, как проявления Божией жизнедеятельности и свойств Его, но назвать их Богом значило бы обоготворить их, признать их

несовершенною Личностью, что уже противоречит всякой логике, всякому здравому понятию о Боге и свойствах Его. Вот почему и упомянутое определение собора не употребляет ни разу слова “Бог” в отношении к действиям Божиим, а ставит слово “Божественность”. Только в неправильном переводе на русский слово “Феотис” передано словом “Бог”.

Божественные действия непостижимы и постигаются только верою. Верою мы восприемлем учение о благодати Христовой, присущей, например, св. иконам, честному кресту Господню, св. воде, св. миру и другим священным предметам. Значит ли это, что Бог присущ сим предметам всем Существом Своим — так, что сии предметы сами по себе — Бог? Но тако мыслящих св. Церковь предает анафеме, повелевая воздавать св. иконам поклонение “относительно, а не боголепно”.

Понятия: Бог в Существе Своем и благодать Его — не тождественны. Мы чада Божий по благодати, а Господь наш Иисус Христос — Единородный Сын Бога Отца по Существу. Благодатию Своею, сею непостижимою силою сим даром Его благости Он пребывает с нами, чадами Его благодати, присно, незримо; по вездесущию — Своему, всемогуществу и благости соприсутствует Он и всей твари, но если в этом смысле понимать Божие соприсутствие именам Божиим, то таковое будет неотличимо от соприсутствия всей твари. Надо при сем помнить, что вся тварь есть реальное бытие, а имена суть лишь символы, знаки отвлеченных умопредставлений, существующих только субъективно в нашем сознании как необходимый элемент нашего мышления. Они, конечно, имеют содержание, но не пространственное, а идейное и вне тесных рамок нашего телесного бытия, как условные звуки и слова, не нужны. По крайней мере, язык небожителей — не наш человеческий, а каков он, — мы узнаем тогда, когда сами будем небожителями, если сего удостоимся. Следовательно, придавать силу и значение именам, как таковым, веровать в имена, как в нечто безусловное, как личные существа (а слово “Бог” непременно предполагает Личность) — нельзя, а если так, то и называть их “Богом” значит низводить Существо Божие в область не только сотворенных, ограниченных тварей, но и в область реально — ни духовно, ни материально не существующих, а лишь отвлеченно мыслимых понятий. Это будет уже какой-то идейный пантеизм, на который указывает и доклад богословов Халкидонской школы вселенскому патриарху Герману.

II

Но ужели имена Божий суть только наши умопредставления о свойствах и состояниях Божиих, хотя бы и ведомые нам из Божественного откровения? Ужели они не имеют никакого практического отношения к нашей духовной жизни, к той духовной сфере, которая окружает нас?

Всеконечно — имеют; но чтобы выяснить это отношение, надобно из области догматики перейти в область психологии, в область жизни нашей души, нашего внутреннего человека. Если таинственная невеста Песни песней говорит своему жениху: мироизлиянное имя твое (1, 2), если имя матери, отца, брата, друга мы не можем произносит равнодушно: если царь и пророк Давид при одном воспоминании о Боге веселился сердцем: то возможно ли, чтобы душа, любящая Господа, ищущая Его, стремящаяся к Нему, не ощущала благоухания сего духовного мира — сладчайшего имени Господня? Не напрасно же св. Церковь устами своих богодухновенных песнопений именует имя Господне сладчайшим, всечестным, великолепным, достопоклоняемым: ведь оно, это святейшее имя, говорит сердцу нашему о пресладком всещедром Иисусе, а следовательно и о всем том, в чем наше вечное блаженство, вечное спасение. Душа наша так устроена, что при каждом имени, какое она слышит, ей как бы представляется уже и духовный образ того, чью имя произнесено, а может ли она не встрепенуться благоговением при имени Божием, если она верует искренно в Бога? Но и

независимо от этого столь естественного чувства благоговения, мы веруем, что и Господь, призываемый в имени Его, близок к призывающим Его во истине Своею благодатию. Чтобы яснее была наша мысль о сем, обратимся к аналогии, уже принятой Церковию в ее священном предании.

Матерь Божия сказала некогда о своей иконе: с сим образом буди благодать Моя и сила. И несомненно, и Церковию принято, что есть иконы чудотворные. Но никто не называет их Материю Божией. Благодатная сила Матери Божией, или, что то же, сила Божия, Ей данная от Сына Ее и Бога, конечно, неотлучно, пребывает в Ней Самой, и чудеса, совершаемые пред такою иконою, суть, несомненно, проявление силы Божией, присущей сим иконам. Не доска, не краски чудодействуют, а сия сила Божия по особому благоволению Божию и по вере молящихся пред иконами. Мало сего: главотяжи и убрусцы Павловы, тень Петрова исцеляли больных по вере соприкасающихся с ними. Очевидно, не тени, не мертвым вещам верующие приписывали силу исцелений, а молитвам св. апостолов. Тем больше оснований сказать, что и имя Божие, понимаемое не как простой звук, но как некое отображение Существа Божия, или, лучше сказать — свойств Его, есть некий, конечно, несовершенный, мысленный образ Божий, и ему, как бы чудотворной иконе, присуща некая сила Божия, как проявление того или другого свойства Божия: в одних случаях — например в таинствах — благодатная, благодеющая нам по вере нашей, в других, например, при заклинаниях над демонами — правосудно карающая и попаляющая, и в тех и в других — всемогущая. Как в одежде Христовой, к коей прикоснулась кровоточивая жена, была некая “сила”, исцелившая ее, так и в мысленном прикосновении нашем ко Христу Спасителю прознесением Его всесвятого имени может проявляться Его сила, Его изволением. Но не все, прикасавшиеся Христу, получали исцеления, а только касавшиеся с верою, так и не все, призывающие Его имя, получают просимое, как Он Сам говорит: не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие небесное, но творяй волю Отца Моего (Мф. 7, 21). Во всяком случае, сила Божия, именуемая благодатию, будучи, конечно, проявлением Божией “энергии”, — а энергия несотворенна, а наоборот — сама обладает творческою силою, — тем не менее, никак не может быть совершенно отожествленна с Существом Божиим. Ведь и наши действия не суть еще наше существо, а лишь наша жизнедеятельность, лишь проявление наших свойств и состояний. И как человекообразные выражения о Боге: “лице Божие, сердце, ум, десница”, и под. не суть Сам Бог, а лишь отражение в нашем ограниченном уме свойств Божиих, притом в образах, по существу Богу несовершенно приличествующих, так и в именах Божиих отражаются, отображаются в нашем сознании, умопредставлении те или другие, но не все вместе, свойства Божий, как солнце в зеркале: оно, это отображение солнца, и сияет и греет, заимствуя свою теплоту и свет от солнца, но не есть само солнце: так и имена не суть Бог Сам по Сущности Своей, ибо они, имена, даже не суть и существа, т.е., как сказано выше, ни материально, ни духовно не существуют, будучи в нашем умопредставлении необходимыми элементами нашего мышления. Сила Божия является в чудесах от святых икон, но когда? Когда восхощет и признает потребным для нас Господь и когда есть вера у молящегося. Аще можеши веровати — вся возможна верующему. По неверствию вашему не могли вы изгнать беса, говорит Господь Своим апостолам. Не следует забывать, что и при постоянном упражнении в молитве Иисусовой, если это делается самочинно, без должного руководства и отсечения своего смышления и своей воли, бывают искушения от духа прелести, и подвижники гибнут. Следовательно, необходимо еще и глубочайшее смирение.

Защитники нового учения в совершении таинств все приписывают имени Божию: нельзя, говорят они, быть уверенным, совершилось ли таинство, если все приписывать вере совершителя или восприемлющего таинство. Так; но они забывают веру самой Церкви, как живого организма любви, как Единого Тела Христова. Я верую в силу Божией благодати в таинствах потому, что так верует вся Церковь, и я спасаюсь только в Церкви, как ее живой член,

как некая, выражаясь научным языком, микроскопическая, но живая клеточка этого великого, Духом Божиим оживляемого организма. Вот почему всякое священнодействие, совершаемое служителем Церкви, законно рукоположенным, для меня действенно и вера моя в его силу непогрешительна. Церковь жива и не может умереть. Если я живу в ней, — я живу ее жизнию. Ее вера — моя вера не только по внутреннему содержанию, по предмету веры, но и по принадлежности этой веры мне. Члены Церкви все живи суть. И на небе все та же Церковь — моя Мать, невеста Христова. Вера той, небесной Церкви, для ее членов стала отчасти уже знанием, многое из того, что для нас здесь еще непостижимо, то для них стало уже очевидно; многое, чего я еще не понимаю своим ограниченным умом, — для них стало аксиомой. Правда, и они ограничены в видении, яко существа сотворенные, но мы, плотию облеченные, многого не можем познать из того, что ясно для бесплотных. и я, как живой член единой во Христе Церкви, моею немощною верою становлюсь причастником этой веры — знания членов Церкви, на небесах сущей. И я верую во все то, во что верует моя Мать — Церковь, что она выразила в своих вероопределениях и символах, то приняла и хранит в предании священном, засвидетельствованном у святых отцов. А какой-либо “догмат”, Церковию ясно не выраженный, всею полнотою (плиромою, исполнением) Церкви не воспринятый, не формулированный, я боюсь принимать, пока Церковь сама не выяснит своего к нему отношения.

Думать, что таинства совершаются только именем Божиим, его произнесением, значит мыслить по-латински: латины верят в так называемое opus operatum; раз произнесена известная формула — таинство уже совершено, — так сказать, механически. Латинский патер, не желая утомлять себя постом до совершения литургии, пред ее совершением берет хлеб и вино, произносит над ними слова Спасителя и употребляет их, уверенный, что он поста не нарушил, ибо он уже причастился св. Тайн (а по уставу их церкви он может совершать хоть две-три литургии в день). По нашему же это — кощунство.

Вспомните чудную молитву св. Златоуста пред причащением св. Тайн: “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго... Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое и сия есть самая честная Кровь Твоя”... Не говорит великий Святитель: “еще верую, яко сие — предлежащее мне — есть Сам Бог Всесовершенный, Богочеловек”, а говорит: “сие есть Тело Твое, Кровь Твоя” и только... Но ведь Сам Господь сказал: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем... ядый Мя той жив будет во веки... Значит, в Теле и Крови Спасителя, в сем животворящем — по виду хлебе и вине — Сам Он — Бог всесовершенный? Вывод несомненный, и по логике защитников нового “догмата” следовало бы сказать прямо, что св. Тайны — Сам Бог. И мы действительно воздаем им боголепное поклонение. Однако же, Церковь, веруя так, нигде прямо сей веры не выражает в словесной формуле, как бы всякое слово человеческое почитая недостаточно благоговейным для выражения величайшей тайны любви Божией к нам, грешным, и щадя немощь нашего разумения... Вспомните несчастного безбожника графа Толстого....

Беру еще аналогию или пример.

Что есть крестное знамение? — Это — действие человека рукою в воздухе, изображающее крест Господень. Это — не реальный предмет, ни физический, ни духовный. Это — внешнее изображение действием идеи, мысли, учения о нашем спасении страданиями Нашего Господа. Это — то же в области действия, что звук, слово в области речи. И вот наше, Церковию усвоенное отношение к сему св. знаку, точнее — знамению: мы веруем, что Господь силою честнаго и животворящего креста Своего, то есть, чрез его посредство, творит чудеса и совершает таинство, как не чудо Божие? Чем же является Господень крест и знак, знамение крестное? Конечно, — не Богом, а лишь посредством, чрез которое благодать Божия проявляет Свою Силу. Господь не нуждается в сем посредстве, а нам, нашей немощи, оно необходимо, ибо мы живем в условиях пространства и времени. И видит враг Бога и людей знамение крестное, и

вспоминает победу над ним Распятого на кресте, и трепещет, и трясется, по выражению песни церковной, бежит пред лицом креста, пред одним напоминанием о кресте. Бежит аки пес, видя жезл, коим его били. Тут Господь дал нам крест, яко оружие на диавола. Не движение руки нашей страшит его, а палит его сила Божия, присущая, волею Господа сопровождающая самое напоминание о Распятом на кресте. Так хощет Бог, так и бывает при условии нашей веры. Для верующих несомненно присутствие благодати Божией при совершении с верою крестного знамения. Но можно ли сказать, что крестное знамение есть Сам Бог, в нем действующий? Конечно, где проявляется сила Божия, там и Господь, но одно — вера в присутствие всемогущей силы Божией, другое — обожествление самого действия, движения рукою для крестного знамения. Говорю: движения, ибо без сего движения не будет и крестного знамения. А между тем, новые учители утверждают, что самое действие Божие есть Бог. Скажу больше: Церковь даже обращается молитвенно к сей Божией силе: “непостижимая и божественная сила честнаго и животворящего креста, не остави нас, грешных”. — Что есть сия “непостижимая сила”? Есть ли это особый ангел Божий, ангел креста Христова, как есть ангелы храма, ангелы града, или же непосредственное действие Божия всемогущества, привлекаемое смирением веры верующих, — в том и другом случае обращение нашего верующего сердца восходит к Распятому на кресте Господу Иисусу. И, тем не менее, мы не отождествляем Его Личности с Его действием, движением, так сказать, Его всемогущества, сего Его неотъемлемого свойства, с Ним Самим. Такое различение Личности от свойств ее необходимо для нашего правильного мышления. Бог есть всесовершенная Личность, обладающая всеми, как ведомыми нам, так и неведомыми свойствами и совершенствами, и только в сем смысле мы можем назвать Его Богом; каждое из Его свойств и совершенств в отдельности в нашем мышлении не есть еще, так сказать, полная Личность, а лишь то или другое свойство этой Личности, хотя по природе своей и не отделимое от Нее, но в нашем мышлении, как неспособном в один момент созерцать все совершенства Божий во всей их совокупности, по необходимости мыслимое особо. Вот почему, во избежание смешения понятий о Боге, как Личности, с понятием о каждом Его свойстве в отдельности, Церковь не приняла для сих свойств названия “Бог”, в то же время называя их “божественными”, даже “божескими”, т.е. свойственными только Богу Единому, но не “Богом”. Такое отношение к свойствам Божиим, такое строгое различение в нашем сознании Личности Божией от ее свойств предостережет нас от многих заблуждений в богословствовании. Зная, что благодать Божия, действующая в таинствах, проявляющаяся в благодатных состояниях верующих, являющаяся в чудесах при св. иконах, св. мощах, в разных обстоятельствах нашей жизни, есть воздействие Божие на нас, мы однако же не называем самого сего воздействия “Богом”, а именно — только Божиим воздействием, т.е. не самым Существом Божиим, Личностью Бога, а проявлением свойств Божиих: преимущественно — премудрости, благости и всемогущества Его. Да и нет никакой необходимости называть Божие действие Богом, ибо довольно для верующего сказать, что “так Бог действует”, чтобы он понял, Кто виновник действия и что само действие и есть только Его действие, проявление Его свойств, Сам же Он есть и действуяй вся во всех. Само собою разумеется, что всякое “действие Божие” не есть нечто само по себе тварное, действие твари, а напротив, само обладает силою творчества, как проявление Божия всемогущества. Не отделяя “действия” Божия от Бога, мы и не отождествляем его с Богом, как Личностью, когда говорим о нем.

Я подробно остановился на понятии о благодатной силе Божией в отношении крестного знамения потому, что это понятие ближе других подходит к понятию об имени Божием. Дал еси знамение боящимся Тебе, Господи, крест Твой честный, поет Церковь, дал еси оружие на диавола. То же можно сказать и об имени Божием: дал еси знамение — имя Твое, Господи, ибо призываемое в молитве, не как нечто отвлеченное, но как Тебе Единому принадлежащее, как необходимый для нашего мышления знак, “знамение”, оно так же, как и крестное знамение,

страшно врагам Твоим и нашим. Трепещет бо и трясется враг — не звуков сего имени, но Того, Кто именуется им, Кого мы разумеем, произнося сие имя. И все, что выше сказано о крестном знамении, можно относить и к имени Божию. Как крестное знамение мы не называем Богом, дабы свойств Божиих, в нем проявляемых, не смешивать с Личностью и Существом Божиим, так и имя Божие не называем Богом, дабы не подать повода простецам к неправильным толкованиям и неправославному мудрованию.

На это дает нам право св. Василий Великий, когда говорит в своем письме к Амфилохию: “Мы утверждаем, что знаем Божие величие, Божию силу, премудрость, благость и промысл, с каким печется о нас Бог, и правосудие Его, но не самую Сущность. Кто утверждает, что не знает Сущности, тот еще не признается, что не знает Бога, потому что понятие о Боге составляется у нас из многого, нами исчисленного. Но говорят, — продолжает вселенский учитель, — “Бог прост, и все, что исчислил ты в Нем, как познаваемое, принадлежит к Сущности”. Но это — лжеумствование, в котором тысяча несообразностей, — возражает Святитель. Перечислено нами многое: ужели все это имена одной Сущности?.. Действования многоразличны, но Сущность проста. Мы же утверждаем, что познаем Бога нашего по действиям, но не даем обещания приблизиться к самой Сущности, ибо хотя действования Его и до нас нисходит, однако же, Сущность остается неприступною”.

Из сего видно, что если св. Василий Великий находит возможным познавать только свойства Божий по Его действиям, а не самую Сущность Божию, то тем паче не подобает смешивать в одном имени “Бог” свойств Его и самой Сущности, Личности Божией. Тем менее оснований говорить, что имя Божие и есть Сам Бог, ибо Бог только и именуется по Своим свойствам, будучи неименуем по Своей Сущности.

III

Но каким путем защитники нового догмата могли дойти До своих убеждений? Как могло образоваться в их сознании такое странное смешение отвлеченного умопредставления о Боге с Самою Личностью Бога, обладающею всеми совершенствами ?

Попытаюсь это объяснить, насколько сие представляется мне возможным.

Прежде всего, думаю, виною такого смешения понятий является простота людей, не знающих законов логики и не умеющих разобраться в отвлеченных понятиях, а потому и смешивающих сии понятия с конкретно существующими предметами, например, идею, мысль о Боге — с Самим Богом, понятие о благодати — с Самым Существом Божиим и под. А ближайшим поводом к такому смешению явилось полное незнание еврейского миросознания, а отсюда, конечно, и словоупотребления.

От веков древних принято, в знак особого почтения к высокопоставленным людям обращаться к ним в изысканных выражениях или в третьем лице, или во множественном числе, или же указанием на их высокое положение, нравственные качества и под. Отсюда: “вы” вместо “ты”, “ваша светлость”, “ваше сиятельство”, “величество” и под. Так принято и у нас доселе. У евреев для этого употреблялось слово “имя”: “имя твое” вместо “ты”. Дело в том, что слово (шем) имеет разные значения в Библии: например, в книге Бытия 11, 4 говорится: “сделаем себе имя”. Это говорят строители вавилонской башни. Значит, тут речь о символе гордыни — о башне до небес. Во 2 книге Царств 8, 13 о Давиде говорится, что он, возвращаясь из похода, “сделал себе имя”, т.е., увековечил о себе память. Выражение, “ради имени”, например, в псалме 79, 9, находит себе пояснение в том же стихе “ради славы имени”. В 3 книге Царств 3, 2 говорится: “не был построен дом имени Господа”, т.е., не было построено дома, как обиталища Господа, так как ясно, что скиния и храм Соломона были сооружены не для обитания “имени”. Нередко в Библии слово “имя” употребляется как метонимия, как часть вместо целого. И это

словоупотребление перешло даже в Новый Завет, например, в книге Деяний, глава 1, 16: “бе же имен народа вкупе сто двадесять” — слово “имен” стоит вместо слово “человек”, как и переведено в русском тексте “Из всех этих значений чаще всего слово “имя” употребляется в отношении к Богу в смысле “слава”, да и самое слово “шем” можно рассматривать, по мнению гебраистов, как производное слово от глагола “шамаг”, что значит “быть высоким”, “служить знаменем или знаком”. Следовательно, когда еврей говорил в молитве Богу: “имя Твое”, то сие было равносильно выражению: “слава Твоя”. Таким образом “имя” идейно для еврея было то же, что для нас “икона”, и честь, воздаваемая “имени”, восходила на Того, Чье имя было произносимо.

Если мы глубже вдумаемся в психологию верующего еврея времен библейских, то нам станет еще понятнее такое словоупотребление.

У всех народов были свои боги, носившие, как и люди, свои имена. Еврей знал из Божественного откровения, что все эти боги — ничто, что только он, еврей, знает единого истинного Бога, Бога, умом непостижимого, а посему в смысле человеческом и не именуемого, обладающего в бесконечной мере всеми совершенствами, как теми, какие приписывали своим лжебогам язычники, так и теми, о коих язычники и понятия не имели, да и теми, которые и ему, еврею, Бог не благоволил открыть, и они сокровенны в Боге, — знал, что сей Бог непостижимый, неведомый, по Своей бесконечной благости открывающий Себя людям в меру их ограниченности, не может и наименован быть на языке человеческом одним каким-либо словом (если о делах Божиих Церковь исповедует: ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих, то что сказать может язык смертных о Самой Сущности Божией?), а потому, в глубоком благоговении к сему всесовершеннейшему Существу, еврей называл своего Бога словом “Бог” во множественном числе: “Боги”, “Элогим”, означая сим как бы необъятность для мысли человеческой всех Его совершенств, или же вовсе не произносил святейшего слова “Бог”, заменяя это слово местоимением третьего лица “Он”. А когда Бог открыл Моисею святейшее Свое имя “Иегова”, то евреи, начертывая только четыре согласные буквы сего слова, гласные сохраняли в тайне, передавая устным преданием гласные звуки от одного первосвященника к другому. Когда же в письме появились гласные (коих прежде не было вовсе), то подставляли под слово Иегова гласные знаки от другого имени Божия Адонай. Вследствие сего, с течением времени, в народе утратилось самое произношение имени Иегова: одни читали сие имя “Иегова”, другие — “Ягве”, иные — иначе. Затем, в книгах ветхозаветных писателей, где встречалась нужда ставить имя Божие, нередко вместо собственного имени ставилось просто нарицательное слово “имя” с притяжательным к нему — “Божие”, “Господне”. Нечто подобное сему, хотя уже не по тем чистым побуждениям благоговения к имени Божию, а по ликующему мудрованию, избегая употребления имени Божия, евреи употребляли в своих клятвах слова: “небо”, “земля”, “алтарь” и под., в чем обличал их Господь Наш. В их софистически настроенном мышлении казалось, что они не нарушали такими клятвами 3-й заповеди Божией, воспрещающей употребление имени Божия всуе.

Вот объяснение, почему чрез Ветхий Завет, а затем, поелику апостолы почти все были евреи, то и в Новом проходит эта особенность словоупотребления, несвойственная другим народам и языкам, эти постоянные метонимии, эти описательные выражения: “имя Господне”, “имя Божие”, вместо “Господь, Бог” и под. Вместо того, чтобы сказать: “Хвалите Господа” — говорится: “хвалите имя Господне”, вместо: “буди, Господи, благословен” — “буди имя Господне благословенно” и так далее — во множестве. Множество текстов, приводимых в “Апологии” иеромонаха Антония Булатовича, представляют примеры таких метонимий, которым он совершенно напрасно пользуется для доказательства, якобы, правильности своего нового догмата, что “имя Божие есть Бог”. Во всех таких цитатах стоит только прочитать слова Писания с опущением метонимии, как убеждаешься в этом, особенно, если принять

разнообразное значение слова “имя” в еврейском тексте Библии. Само собою понятно, что в таких местах везде выражение “имя Божие” стоит вместо слова “Бог”, но отнюдь не следует, что самое имя должно почитать “Богом”.

Новое учение последователей о. Илариона и о. Антония Булатовича не поняло и не приняло во внимание этой особенности еврейского словоупотребления вообще и в отношении к имени Божию в особенности. Это учение склонно придавать самым словам, означающим имена Божий, какое-то мистическое значение, как реальным сущностям. Если сам о. Булатович еще не сливает понятий “Существо Божие” и “имя Божие”, то его последователи-простецы, готовые душу положить “за имя Христово”, уже не далеки от сего. А такое отождествление в одном понятии Сущности Божией и Имени Божия, такое смешение слов и понятий в простых умах может повести к суеверию. Известно, что у индийских йогов есть таинственное слово: “омани-падме-хум”, у египтян было такое же слово: “тодтт” — слова магические, произнесение коих, по их верованиям, должно иметь магическое действие: раз произнесено слово — действие должно-де следовать независимо уже от того, кто произнес его. Ко временам Иисуса Христа, вследствие упадка благочестия под влиянием лицемерия фарисейского и развращенности саддукейской, исказилось и истинное понимание учения о Боге и сложилось суеверное понимание имени Божия, как это видно из их пасквиля на св. Евангелие Маасе “Иешу га-Нацри” (История Иисусе Назарянина) или “Тольдот Иешу” (Родословие Иисуса) {Сохранился в рукописях XV века, но известен был еще писателям II-го века. Здесь говорится, что Иисус был незаконный Сын Марии. “Мать отдала его в школу, где Он обнаружил необычайные успехи и поражал Своих учителей. Когда ему было 30 лет, открылась нечистота Его рождения, за что Он присужден был к истреблению. Но Он ушел в Иерусалим, проник в Святая святых храма и узнал здесь тайное имя Божие и получил силу творить чудеса посредством этого имени. Это имя было начертано на камне основания (бен-шетия), находившемся в храме во Святая святых, на месте ковчега в Соломоновом храме. Так как сила имени была такова, что посредством него можно было разрушить мир, то мудрецы, желая предохранить похищение имени, у двух железных столбов пред храмом на цепях приставили двух собак, которые своим ужасающим видом и лаем производили то, что выходивший из храма от испуга забывал прочитанное имя. Но Иисус, написав имя на листке пергамента, скрыл листок в разрезе Своей голени. Таким образом, собаки не воспрепятствовали Ему снова узнать позабытое имя.

...Мудрецы, однако, нашли преданного им человека, по имени Иуда Искариот, который таким же образом, как Иисус, узнает имя Божие и получает силу творить чудеса. Однажды, когда для доказательства Своей Божественности Иисус стал летать, Искариот тоже стал летать. Иуда осквернил Иисуса своей уриною, после чего оба, как осквернившие имя Божие, лишились его и упали. Лишенный чудотворной силы Иисус был взят. Ему закрывали голову одеждою и били гранатовою палкою, но Иисус не мог узнать, кто Его бил. Из этого мудрецы узнали, что имя отошло от Него.

...Его казнили в пятницу, накануне Пасхи и субботы. Когда же хотели повесить Его на дереве, дерево сокрушилось: Иисус знал, что Его умертвят и повесят на дереве, а потому, когда еще владел именем, Он заклял все дерева”... Евреи понимали имя Божие именно как некое таинственное слово, как талисман, которым можно механически творить чудеса. Нечто подобное сему, особенно при дальнейшем развитии учения об обожествлении имени Божия, усматривается и у Булатовича. Несмотря на его протест против обвинения его в том, что он обособляет, как бы отделяет имя Божие от Самого Бога, когда утверждает, что имя Божие есть Бог, обвинение это остается в силе, ибо говоря так, он мыслит имя Божие как нечто реальное, а не умопредставляемое только. Он не отличает Существа Божия, действия Божия, от проявления свойств Божиих в Божией деятельности, наконец — от Божией благодати. Что есть благодать? Конечно, непостижимая и божественная сила, Божия, Божие волеизволение в действии

всемогущества и благости Его, но это еще не есть Самое Существо Божие, как это говорит св. Василий Великий. Мы склоняемся и пред волею земного Царя, когда слышим ее, но самого волеизъявления не отождествляем с лицом Государя-законодателя. Мы повинуемся, когда представитель власти объявляет нам именем закона то и то, но повинуемся не имени, не букве, не слову, а воле законодателя. Мы сердцем восприемлем воздействия на нас, признавая проявлением силы Божией, не отождествляем с Существом Божиим. Мы не обращаемся с молитвою к Божией благодати: "благодать Божия, посети нас!" Но молимся: "посети нас, Боже, Твоею благодатию!" Если же в поэтических настроениях мы иногда как бы обращаемся молитвенно к кресту Господню или ко Гробу Его, то делаем сие, не олицетворяя сих предметов, а вознося свой ум к Освятившему их прикосновением пречистого тела Своего. Иначе понимать такие обращения значило бы мыслить по латинскому мудрованию. У латин как бы отделяют "сердце" Иисусово, "Тело Иисусово" и устрояют им особые праздники. Там Лойола сочинил особую молитву с такими делениями:

"Душа Иисуса, освяти меня,
Тело Иисуса, спаси меня,
Кровь Иисуса, упои меня,
Вода от ребр Иисуса, очисти меня,
Страсти Иисуса, укрепите меня,
О, благий Иисус, услышь меня!"

Еще можно мыслить, хотя и без особого в данном случае смысла, отдельно: тело, душу, кровь, воду, как реальные предметы, но мыслить таковым "имя" невозможно, если не соединять с таковым мудрованием некоего мистического, даже магического значения, что будет уже делом грешным, ибо тогда имя Божие будет употребляться как магическое — боюсь сказать — волшебное слово...

Когда Господь говорил иудеям о таинстве причащения, о питании телом и кровию Его, иудеи поняли это в грубом смысле и сказали: како может Сей нам дати плоть Свою ясти? Жестоко слово сие... И те, которые учат, что в Самом имени Божием пребывает Бог, что самое имя Божие есть уже Сам Бог, — проводят не духовное учение, а грубо чувственное, ибо для них, незаметно для них самих, имя Божие становится Богом, как бы отделяясь от Самого Бога. Между тем, в Евангелии и книге Деяний Апостольских мы читаем вот что: евангелист повествует, что некто именем Иисусовым изгонял бесов и Апостолы запретили ему, но Господь не одобрил такого запрещения. А в Деяниях: сыновья некоего Скевы первосвященника делали, по-видимому, то же, что и упоминаемый в евангелии человек, но бесы не только не слушались его, но и дерзко на него нападали. Откуда эта разница? — В первом случае, видимо, действовал человек близкий к вере в Иисуса Христа и Господь незримо помогал ему, а во втором — какие-то спекулянты, хотевшие действовать именем Господа как магическим средством, как талисманом, и Сердцевидец не попустил им сего. Так же объясняется и обращение язычника, который, следуя примеру мученика, стал в виде опыта, но с доброю целию, призывать имя Божие и уверовал во Христа. Господь, трости сокрушенной не преломляющий, с любовию отнесся к сему младенцу веры и обратил его к Себе чудесным прикосновением Своей благодати к его сердцу, как обратил и волхва Киприана, призвавшего имя "Бога Иустины" и оградившего себя крестом. Итак, кроме произнесения устами или умом имени Господа нужно еще смиренная вера, хотя бы в ее "зерне горушне", как это было у упомянутых язычников, чтобы призывание имени воздействовало.

Так именно учит и о. Иоанн Кронштадтский, на которого любят ссылаться защитники нового учения. Вот его слова: "Везде Всемогущий творческий Дух Господа нашего Иисуса Христа, и везде Он может даже не сущая нарицати яко сущая (Матф. 28, 20). А чтобы маловерное сердце не помыслило, что крест или имя Христово действуют сами по себе, эти же

крест и имя Христово не производят чуда, когда я не увижу сердечными очами или верою Христа Господа и не поверю от сердца во все то, что Он совершил нашего ради спасения".

Я рад бы был не утверждать, но очень боюсь, что в новом учении о том, что имя Божие есть Бог, сокровенно для самих, исповедующих сие учение, в зачатках уже таится желание найти путь спасения возможно легкий... В самом деле, что может быть легче: повторяй имя Божие хотя бы на первый раз механически, без участия сердца, и оно, как Бог само в себе, разогреет твое сердце и просветить его, очистит и преобразует, и ты спасешься. По крайней мере, некоторый намек на такое учение есть в книге о. Илариона. Но правильно ли оно? Правда, у святых отцов указывается на благодатное действие молитвы Иисусовой, но, ведь, везде и всюду подразумевается и настойчиво предписывается подвиг самопонуждения к молитве, борьба с самим собою, глубочайшее смирение и самоосуждение. К молитве механической, без участия сердца, без томления его, святые отцы применяют слова Спасителя: что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю? И слова псалма: молитва его буди в грехе. Небрежная молитва, расчитанная только на число строк и поклонов, в сущности есть только самообман, нарушение 3-й заповеди Божией, как произнесение имени Божия всуе. Главное дело не в звуках или словах молитвы самих в себе, не в том или другом имени Божием, а в смиренно-покаянном расположении сердца, привлекающем благодать Божию. И Господь говорит: на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих?..

Из всего, что писано защитниками нового догмата, видно, что они:

1) под словом "Бог" разумеют не Личность, а нечто, в духовном, конечно, а не материальном смысле, пантеистическое, ибо, по их учению, всякое свойство Божие, всякое действие Божие, Слово Божие, заповедь Божия, все откровение Божие, всякое проявление благодатных дарований, мирное и чистое чувство в душе, Богом оправданной, все плоды Духа, самая молитва и имя Иисус — все сие есть "Бог", даже "исповедание имени Иисусова в Иисусовой молитве есть Сам Господь Иисус Христос". Вот их понятие о Боге. Но при таком понятии о Боге, где же личность, как существеннейший признак такого понятия? Слова Спасителя: глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот суть, они понимают по-своему и слова: дух и живот пишут с прописной буквы.
2) Посему всем именам, словесам и действиям Божиим они придают особый мистический смысл, в силу коего они все сие и почитают Богом.
3) Во всем этом усматривают некий сокровенный смысл, может быть, и им непостижимый, но в который они слепо веруют, и сию веру пытаются оправдать учением, что им открываются тайны, непостижимые ученым богословам, которые-де неопытны в духовной жизни и не в состоянии судить о ее сокровенных явлениях, как слепой не может судить о цветах. К таким ученым о. Булатович относит и великого подвижника последнего времени святителя Феофана-Затворника, о котором он говорит, что ему "по богатству ума не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Бог по имени Иисус".

Вопрошаю: можно ли со строго церковной точки зрения допустить такое как бы обособленное от общего учения Церкви учение?...

IV

В предшествующих №№ "Троицкого Слова", в своем дневнике, я поместил доклад мой С. Синоду по поводу нового лжеучения, появившегося на Афоне. В дополнение к сему докладу помещаю те листки, которые составлены и изданы мною уже на Афоне, с целию дать простым людям средство разобраться в ереси, вдумываясь в учение Церкви и св. Отцов.

КАК УЧИТ СВ. ЦЕРКОВЬ ОБ ИМЕНАХ БОЖИИХ

(Выписки из св. отцов и церковных вероопределений)

Имя и предмет, им обозначаемый, не одно и то же.. Иное — предмет, по своей природе подлежащий названию, и иное — название, обозначающее предмет. Бытие — не одно и то же с именованием. (Св. Григорий Нисский. Опровержение Евномия, кн. 12, ч. 6, стр. 373; 328)

Всякое имя есть некоторый признак или знак какой-либо сущности (стр. 325).

Наименования не из самого естества проистекают, но прилагаются к предметам нашею мыслию (стр. 315; 323).

Употребление слов и имен придумано после сотворения людей (стр. 329).

Бог есть Создатель вещей, а не имен, не имеющих существенности и составленных из звуков голоса и языка (стр. 373).

Имена означают только сущности, а сами не суть сущности. (Св. Василий Великий, Опровержение на защитительную речь нечест. Евномия. М. 1857 ч. 3, стр. 153)

У Бога нет ни голоса, ни вида, но Он выше образов и звуков. (Св. Иоанн Златоуст. Толкован. на Евангелие от Иоанна, т. 8, стр. 268.)

Выражение: рече (Бог) нисколько не указывает на голос и речь Божию, но на волю Божию. (Св. Григорий Нисский, ч. 6, стр. 356)

“Глаголы, яже глаголю вам, дух суть”, ...сказал: дух, вместо того, чтобы сказать — духовные. (Св. Иоанн Златоуст, 8, 310)

Слова Христовы, телесно произнесенные, не суть сущность Духа Святого. (Св. Григорий Палама. 2-е слово против латинян. У Игумена Модеста, стр. 42.)

Имена Божии явились после создания человека, нужны только нам, а не Богу, и сами по себе не Бог.

Не ради Бога, а ради нас измышлены имена для усвоения понятия о Сущем, т.е. о Боге. (Св. Григорий Нисский, 6, 331)

Усвоемые Богу имена недавны сравнительно с Самим Богом, ибо Бог не есть речение и не в голосе и звуке имеет бытие (стр. 324).

Всякий ум и слово бесконечно далеки от Бога, чтобы быть Ему подобными. (Св. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, стр. 9)

А если имя Его страшно, то не гораздо ли более самое существо Его? (Св. Иоанн Златоуст, в толк. на 110 псалом.)

Не Бог еще то, что мы представляем себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово. (Св. Григорий Богослов. Творения, Москва, 1844 ч. 3, стр. 21)

Мы не знаем имени, которое бы обнимало Божеское естество. А слово, посредством имени объясняющее Божественное существо, подобно тому, как собственною дланию думает обнять все море. (Св. Григорий Нисский 6, 91; 332)

Бог не есть имя. (Св. Иустин мученик, Апология 11, 6, М. 1864, стр. 120)

Бог не имя. (Св. Иоанн Дамаскин. О мучении Св. Вавилы)

Иисус есть имя Сына Божия по плоти, принятое Им по воплощении.

Иисусом назван для того, чтобы под именем Иисус скрыть от диавола Его Божество. (Св. Иоанн Златоуст, 7, 18)

Господь назван Иисусом Христом потому, что облекся в плоть. Иисус — имя Его по плоти. (2, 891)

Господь принял название Христа не до воплощения, как лжеумствуют некоторые... Слово тогда получило название Иисуса Христа, когда Оно стало плотию. (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение правосл. веры, М. 1855, кн. 4, гл. 6, стр. 228-230)

Иисус Христос — имя Сына Божия, а не всей Св. Троицы (Св. Димитрий Ростовский. Твор., изд. Сайкина. Спб. 1910г. стр. 78.)

Имена Божий должно почитать наравне с св. крестом и иконами, а не как Самого Бога.

Что имя Иисуса Христа Распятого, с верою произнесенное движением уст, то же самое есть и знамение креста, с верою сделанное движением руки или другим каким образом представленное. (Пространный христианский катихизис. О крещении. М. 1840 г. стр. 82)

Имя Божие называется святым, конечно, не потому, что в самых словах имеет некую освящающую силу, но потому, что свято и чисто великое свойство Божие. (Св. Василий Великий, в толковании на псалом 32)

Иконное изображение указуется евангельскими повествованиями, евангельское повествование указуется иконными изображениями. Чествовати их не истинным богопочтением, еже подобает Единому Божескому Естеству, но... честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу. (Определение VII-го Вселенского Собора.)

Вечная память верующим, возвещающим... что одинаковую приносит пользу, как посредством слова возвещение, так и посредством икон истины утверждение. Как очи зрящих освящаются честными иконами, так и уста освящаются словами. (Определение Константинопольского собора 842 года, читавшееся в неделю православия. Одесса 1893 г. стр. 6-7)

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО “ВЕРОВАТЬ” ?

Есть слова, к которым мы так привыкли, что не задумываемся над их смыслом: так ли мы их понимаем, как должно. Таково слово: “веровать”. Из споров об имени Божием выяснилось, что простые люди понимают это слово так: веровать значит признавать за Бога. Веровать во имя Божие, говорят они, значит: самое имя почитать за Бога. Берут Евангелие, вычитывают все места, где Спаситель или св. Евангелист употребляют это выражение, и с полным убеждением, что они правы, показывают эти места тому, кто не разделяет их убеждений, паче же рещи — заблуждений.

Между тем, ни в одном месте Св. Писания, ни в Евангелии, ни в посланиях Апостольских, нет такого учения, будто имя Божие есть Бог и веровать в Него следует как в Бога. Это уж неправильное толкование самих имепоклонников.

Как же следует понимать это выражение, эти два слова, чтомые в Св. Евангелии: веровать во имя Его, то есть, во имя Господа?

Надобно прежде всего вникнуть в точный смысл одного слова: верую. А смысл этого слова становится совершенно ясен, когда прочитаем весь Символ Православной веры, от начала до конца. В этом великом исповедании веры, составленном святыми отцами Первого и Второго Вселенских Соборов, на все века, для верующих всех веков и народов, со строгим заветом последующих Вселенских Соборов: отнюдь не изменят в этом Символе Веры ни единого слова, — в этом, говорю, Символе Веры, во-первых: нет выражения: “верую во имя Божие”, во-вторых: стоит во главе всего одно слово: верую и затем перечисляются те истины, которые восприемлются сердцем верующего православного христианина и чрез веру усвояются его умом. Первая святейшая истина — учение о трех Лицах Пресвятой Живоначальной Троицы: верую, во Единого Бога Отца, и во Единого Господа Иисуса Христа (а не во имя Его), Сына

Божия Единородного, и в Духа Святого Господа Животворящего. В сих членах веры излагается учение Церкви о свойствах Божиих, об искуплении рода человеческого крестною смертию воплотившегося Сына Божия, вообще, о всем домостроительстве или промышлении Божием о спасении людей, о последнем суде Сына Божия, о третьем Лице Святой Троицы — Духе Святом. Достойно внимания, что святые отцы не сочли нужным вносить особого учения о вере в имя Божие в Символе Веры, хотя вопрос об этом был поднят еще в те времена лжеучителем Евномием, которого обличали такие великие отцы Церкви, как Василий Великий и особенно Григорий Нисский, и осудил 2-й Вселенский Собор.

Учение о Лицах Святой Троицы занимает в Символе Веры восемь членов. Далее святой Символ говорит: во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Тут, конечно, подразумевается то же слово: верую. Верую в Церковь... Что же это значит? Ведь, если слово верую надо понимать так, как его понимают имеславцы, то выходит, что Церковь есть Бог. Они, ведь, думают, что слово: верую везде значит: признаю за Бога. Верую в Церковь, по их разумению, и надо бы понимать: признаю за Бога Церковь. Но никто из них этой ереси не говорит. Никто Церковь Богом не признает. Что же значит тут слово: верую? Очевидно — не то, что разумеют имеславцы. И действительно, оно не только тут, но и везде значит: приемлю сердцем и умом, за послушание Церкви-матери, то, что она предлагает мне в своем исповедании как о себе самой (верую в Церковь), так и о всех истинах, ею возвещаемых в ее Символах, вероопределениях Святых Соборов Вселенских и поместных, в согласном, единомысленном учении св. отцов, — приемлю, ничтоже вопреки глаголя, хотя и не все сие умом моим постигаю, приемлю сердцем за святую истину и устами исповедую сию истину.

Вот что значит слово: верую. В этом смысле св. Церковь верует в силу честнаго и животворящего креста, верует в силу спасительных таинств, совершаемых благодатию Духа Божия, верует и в спасительную силу молитвенного призывания Господа Бога посредством имени Его, страшного для демонов. И не одно только имя Господа “Иисус” Церковь разумеет под словом “имя Божие”, а всякое слово, каким Церковь обыкла призывать Господа в своих молитвах. И мы веруем в силу благодати Божией, призываемой чрез благоговейное произнесение в молитве имени Божия с верою, но самого “имени”, ни звуков, ни букв, ни даже умопредставления нашего — Богом не почитаем, следуя точному учению православной Церкви об имени Божием, изложенному в Пространном Христианском Катихизисе, где говорится: “Что имя Иисуса Христа распятого, с верою произнесенное движением уст, то же самое есть и знамение креста, с верою сделанное движением руки или другим каким образом представленное”.

Здесь имя Божие приравнивается к крестному знамению, а крестное знамение никто Богом не почитает. И заметьте: это — не частное мнение какого-либо учителя Церкви, это — учение самой Церкви, изложенное в учебной книге для всех верующих, в Катихизисе, который представляет собою точное исповедание веры, неизменное, непреложное, неподлежащее никакой критике частных людей, какие бы это ни были ученые богословы. Вот что значит Катихизис; вот как учит он об имени Божием.

МОИ ВИНЫ ПРЕД КАГАЛОМ

“Колокол” почти целиком перепечатал из Одесской “Русской Речи” статейку под заглавием: “Почему Европейская печать, особенно одесская, нападает на архиепископа Никона”. Так как статейка довольно верно воспроизводит один факт из моей поездки по Рузскому уезду в печальной памяти 1905 году, то не лишним считаю занести эту статейку в свой

дневник, тем более, что автор ее опустил некоторые мелочи, очень для того времени характерные, а потому я и пополню их. Вот эта статейка:

“На грязной улице еврейской печати опять праздник. Афонская смута, умело раздутая бежавшими из России революционерами, дает ей повод для нападений на Церковь. То, что сущность волнующаго Афон лжеучения состоит в дикой мысли, будто именования Бога суть сам Бог, об этом левая печать стыдливо умалчивает, а старается облить своею грязью тех, кто тушил возгоревшийся пожар. Особенно точат зубы на водворившего внешний порядок на Афоне архиепископа Никона, с ним у левых партий свои счета”.

Надо оговорить, что внешний порядок водворен не мною, а представителями государственной власти, которая — честь ей и глубокая благодарность, — решила разорить самое гнездо смуты, изъяв из Пантелеимонова монастыря, а затем и Андреевского скита главарей смуты, сумевших загипнотизировать темную толпу невежественных монахов, и спрятавшихся за эту толпу. Без такого изъятия восстановить внешний порядок было невозможно.

Послушаем дальше, что говорит автор:

“Это было 13 июля 1905 года. Преосвященный Никон, тогда викарий московский, по поручению митрополита Владимира, обозревал церкви Рузского уезда. Переночевав в имении профессора Зографа, он направился в село Волынщину, имение князя Д. Н. Долгорукова, где в то время находился сын его, знаменитый впоследствии член Гос. Думы Павел Долгоруков, за свою “освободительную” деятельность потом освобожденный от придворного звания. В день 13 июля Церковь празднует св. Архангелу Гавриилу и прочим небесным силам. Зачало из Евангелия читается: притча о семени и плевелах. Владыка положил эту притцу в основание своего поучения к народу, указав, как и ныне являются враги Церкви и отечества, сеющие плевелы на русской земле, — это разные религиозные и политические лжеучители. Охарактеризовав этих пропагандистов, он предостерегал от них простой народ.

После службы старец-князь, отец Павла Долгорукова, пригласил владыку к себе в дом и встретил его у дверей с хлебом и солью, приветствуя горячею речью, в которой просил передать глубокую благодарность митрополиту за то, что в такое смутное время он послал своего викария, чтобы поднять дух народа. Старец так был растроган, что буквально плакал, когда говорил эту речь.

Во время чая ко владыке подошли два мужичка и просили его отслужить панихиду у памятника Императора Александра II”.

Замечу, что этот “памятник” — небольшой бюст на колонне — поставлен у входа в усадьбу князя Долгорукова. Наши крестьяне не особенно чтут подобные памятники; по их мнению эти “идолы” покойникам не нужны, а потому можно думать, что самая мысль о такой панихиде, по всей вероятности, принадлежит князю Павлу Долгорукову, который потом мог использовать служение панихиды архиереем о Царе-Освободителе в своих “освободительных” целях.

Автор продолжает:

“Владыка выразил сожаление, что сделать этого сам не может, ибо с ним нет облачений, и распорядился, чтобы вынесли к памятнику иконы, а местный священник отслужил литию: “помолюсь и я с вами”, сказал преосвященный.

Шел проливной дождь. Народу собралось множество. Совершена краткая лития. Пропели “со святыми упокой” и вечную память. Князь Павел Долгоруков крикнул: “лошадей”, но преосвященный остановил его: “минутку, князь”. И обратился к народу с краткою речью:

— Православные! Сейчас мы молились об упокоении души Царя Александра II. Почему вы так усердно молитесь именно за этого Императора? Все Цари наши — великие благодетели народа. И Царь — Миротворец Александр III много добра оказал своему народу. Но вот, вы особенно помните, особенно молитесь за Александра II. Почему? Да потому, братие, что он именно вам, крестьянам, оказал великое благодеяние. Кто такие были вы до 19 февраля 1861 года? Почти скоты. Он сделал вас полноправными людьми, дал вам свободу, дал землю, дал право учиться: учись, трудись, достигай хоть должности министра: это ли не величайшее благодеяние?

Но думали ли вы о том, почему нашему батюшке Царю Александру II-му Бог помог так мирно, спокойно, без по трясении, без всякой смуты совершить такое великое дело? В других государствах освобождение крестьян стоило больших кровопролитий. Да потому, православные, что наши Цари Самодержавные: Бог по образу Своего вседержительства дал нам Царя Самодержавного, и как Господь Вседержитель — "рече и быша, повеле и создашася", так и Цари наши Самодержавные скажут слово: "быть по сему" — и бывает так, и никто, решительно никто не может противиться Царскому повелению. Вот и сказал Царь Александр II, Самодержец Всероссийский: быть крестьянам свободными, и стали они свободные люди.

Вот, братие мои, что значит Самодержавие. Стойте за него крепко, храните его, как заветную святыню. Жизни своей не щадите, чтоб отстоять его. А если появится какой-нибудь нехороший человек, который будет вам толковать, что надо уничтожить самодержавие, что надо устроить так, чтобы ограничить Царскую власть, то гоните его от себя прочь, как смутьяна, как врага родной земли и Царя-Батюшки. Царь есть Помазанник Божий, на Нем почивает благодать Божия, ниспосланная на него в таинстве миропомазания. Стойте же грудью за Царя Самодержца, молитесь за Него и будьте готовы душу свою за Него положить",

В ответ на эту речь слушатели грянули:

— "Мы готовы, умереть за Царя-Батюшку, Самодержца Всероссийского... Дай Бог Ему многие лета"...

Преосвященный сказал:

— И Бог вас благословит, православные...

Надо было видеть покрасневшую физиономию князя Павла Долгорукова, надо было видеть, какою злобою сверкали его выкатившиеся глаза...

А старец князь, несчастный отец его, несмотря на грязь, упал на колени пред владыкою, со слезами благодаря его за такое слово...

Так вот за что ненавидят иудеи Никона, вот почему обливают его при всяком случае грязью... Они не могут забыть ему и его проповедь, читанную 16-го октября того же года во всех церквах древлепрестольной столицы, проповедь против забастовок, после которой на другой день рабочие стали служить молебны, и стали становиться на работы...

Простят ли такие "вины" перед ними иудеи и иудейские прислужники?"

Так кончает автор свою статейку. А "Колокол" прибавляет: "кроме этих у архиепископа Никона вин против кагала немало".

Да, немало. Известно, как юрки иудейские корреспонденты. Надо иметь большой запас терпения, чтобы не выгнать вон иного интервьюшку, который сумеет поймать вас там и тогда, где и когда вы не подозреваете его присутствия. Вот вам примеры.... Мимо Афона проезжал блаженнейший патриарх Антиохийский Григорий, возвращаясь из России. Пароход "Царь" стоял около часа против Пантелеймонова монастыря, высаживая присланную с "Кагула" роту

солдат. Я счел долгом воспользоваться этим, чтобы посетить блаженнейшего путешественника. Только что я взошел на палубу “Царя”, как предо мною вырос корреспондент иудейской газеты “Утро России” и стал было предлагать вопросы о положении нашего дела. Я решительно отказался отвечать: время было дорого, чтобы побеседовать с патриархом. Мне помогли пройти в общую столовую, где и встретил меня его блаженство, но лишь только началась беседа, как прислуга подает мне карточку того же корреспондента и от его имени просит разрешения... чего бы вы думали? — присутствовать при моей беседе с патриархом! Эта, с позволения сказать, наглость меня возмутила. Я решительно ответил, что такого разрешения дано не будет... И вот в “Утре России” является корреспонденция, совершенно искажающая мои увещательные беседы с афонитами, а эту корреспонденцию перепечатали вероятно все иудейские газеты... Значит: иудейский интервьюшка отомстил...

В Киеве мне докладывают, что просит позволения видеться “студент духовной академии”. Предполагая встретить юношу, я вижу пожилого брюнета, который сразу начал: “общество интересуется событиями на Афоне”... но я прервал его: “с кем имею честь говорить? Мне доложили о студенте духовной академии...” — “Да, я учился... я кончил академию”... Вижу, что он лжет, и говорю: “и какое дело мирянам судить о том, что им вовсе непонятно, да и едва ли интересует? .. Я не считаю полезным терять время на беседы с корреспондентами, особенно такими, какой приставал ко мне на “Царе”. И я, в поучение брюнету, кратко сообщил о неудаче его коллеги. Тут мне подали карточку инспектора типографии в Киеве, и я отпустил непрошенного гостя.

Посетивший меня затем миссионер из Вологды рассказывал, что сей брюнет потом около часа беседовал с изгнанными с Афона монахами, часть коих уже прибыла в Киев, и думаю, в одной из иудейских киевских газет появилась уже на другой же день какая-нибудь красненькая корреспонденция о свидании со мною... в “освободительном” духе, и, конечно, еретичествующие противники Церкви представлены мучениками, а я — их гонителем.

Похвалитися не пользует ми, но надо сознаться, что никогда я не входил в сделку с совестью, когда шла речь об “освободительном движении”; всегда я называл и буду называть это движение революционным, преступным, изменническим, гибельным для родного народа и родной земли. И пусть иудеи и их приспешники, разные кадеты и даже октябристы, издеваются надо мною, в своих карикатурах, сколько им угодно, обливают меня грязью, клевещут, поносят, присылают мне не только ругательные пасквили, но и — это не раз было — смертные приговоры: я верую, что если Господь не попустит — известное животное не съест меня, а если будет воля Божия потерпеть что от врагов Церкви Христовой, моей бесценной матери, буди Его святая воля: Он же и поможет перенести, а я пока жив, не перестану исполнять мой долг пред Церковию, Царем Самодержавным и родной Русью многострадальной...

МОЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ПРОПОВЕДЬ И ПАМЯТЬ О НЕЙ В ЖИДОВСТВУЮЩЕЙ ПЕЧАТИ

Прав был автор статьи в “Русской Речи”, которую я привел в прошлом моем дневнике, что иудеи не забудут и не простят Никону его проповедь 16-го октября 1905 года. Только что я сдал прошлый дневник в типографию, как мне кто-то прислал в бандероли “Утро России”, в котором какой-то самозванец-”бакалавр” делает строгий выговор Святейшему Синоду за то, что он послал меня на Афон — меня, “человека крайне узкого, одностороннего, неуживчивого, придирчивого, капризного, не стесняющегося в приемах борьбы с почему-либо неугодными ему лицами, который за все эти качества да еще за крайне неудачное авторство пресловутой погромной проповеди от 16 октября 1905 года, был удален из Москвы по единодушному

желанию ее духовенства, поддержанному бывшим синодальным обер-прокурором кн. А. Д. Оболенским". Так пишется иудеями история. "Научнее такого легата, говорит "бакалавр" из синагоги, трудно было что-либо и придумать: он и мирных-то обитателей способен раздражить и довести чуть ли не до бунта, а его послали вразумлять и примирять уже и без того достаточно ожесточенных людей". Так аттестует меня пред своими читателями жидовско-раскольничья газета. К сожалению, она настолько невежественная в моем послужном списке, или же настолько нечестна пред своими читателями, что — или не знает, или знает да умалчивает, что речь идет не об епископе, а об архиепископе, не о заштатном епископе, а о постоянном члене С. Синода, не о каком-то неуче, а удостоенном высокого звания почетного члена Московской Императорской Духовной Академии, хотя он в сей Академии и не учился, и получившего за свои труды две Макарьевские премии. Прошу прощения у читателей, что вынуждаюсь немного вразумить относительно своей особы "бакалавра" из синагоги. Ну, да что с такими "бакалаврами" толковать: им, ведь, закон честности не писан, хотя все же следовало побольше уважать своих читателей и не обманывать их: а что как да они все умолчанное газетою знают? Ведь тогда и аттестации газеты не поверят, а обзовут ее лгуньей...

Но не затем я заговорил об этом уличном листке, который православные презирают, а вот уже впервые снова идет в газетах речь о моей "пресловутой погромной проповеди 16-го октября", и многие читатели мои просят меня ознакомить с нею, чтобы самим судить, а не со слов жидовской прессы о достоинствах и недостатках сей проповеди. Разыскал я ее в "Московских Ведомостях" от того самого числа, когда она произнесена, и помещаю в этом дневнике: может быть и моим врагам полезно ее перечитать.

Что нам делать в эти тревожные наши дни?

"Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!...— вот молитвенный вопль, с каким, триста лет назад, обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междуцарствия, обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле со слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: "Заступнице усердная, Мати Господа Вышнего, всех нас заступи!.."

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников, начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот, дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже; несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько тысяч грудных младенцев, сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне — завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это — так называемое "социал-демократы", это — революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святыми. Главное гнездо их

за границей: они мечтают весь мир поработить себе: в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтоб им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинскою хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления, якобы ради общего блага, и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христово: так, заповедь Христова говорит: все — общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копейкой, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарева Кесареви, Бога бойтеся, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно царь — тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обретешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем неповинных, убивать их только за то, что они несогласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от эти льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазнов, — говорит Спаситель, — но еще больше горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя — целое море слез от этих соблазнителей-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лесть их и обман, прочь коварное диавольское наваждение! Оградим себя крестным знамением, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь, еще немного и — люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божий, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители.. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? — что делать? — вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? — Очнуться, проснуться надо. Осознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет, Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего — надо принести Богу искреннее, слезное всенародное покаяние. Оно, это покаяние очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой, или давно нами забытой духовной жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братии своих, если это будет Богом суждено. Это — в самих себе. А затем — около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, да вразумит их Господь ими же весть путями, — словами любви и братского увещания к ним попытаемся, приложим все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это — святое христианское дело.

Обративый грешника от заблуждения пути его, говорит Слово Божие, спасет душу от смерти и покрыет множество грехов, — и его, и своих. — А затем — каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдалицы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми — нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой любящий брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: что, люби, береги свою мать, защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! — Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть, брат стал издеваться, как Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? — Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню — Веру Православную, в грязь топчут впрочем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, Русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли он от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданическую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни как предки твои бестрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, по-нынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту Родной Земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Димитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, в куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и матерь твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал — рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое Осанна. Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь, она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костьми нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия, по молитвам предков наших, спасла землю Русскую в тяжкую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву, Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев — сегодня прольем пред Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смутою увлеченных на погибельный путь...

Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаем от множества прегрешений! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...

Вот моя проповедь 16-го октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней погромного? Что — такого, чтобы применять ко мне слова Спасителя, сказанные сынам громовым: не вести, коего духа ести вы? А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая

мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествующих. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских, устав св. Горы не допускает пребывания на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на св. Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествующих. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками и сожалеет, что зараза "не локализована" на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно иудеям не по душе такое вмешательство гражданской власти в это дело, ибо оно разрушило их планы — создать гнездо смуты на св. Горе под видом, как выражается г. "бакалавр", "вещей самых невинных". Придется искать другого места для такого "почтенного" дела, как разрушение Церкви и Русского государства...

ЯД ГОРДЫНИ

Тяжелую годину переживает наша святая матерь — Церковь Божия — в наши дни. С одной стороны, все силы ада ополчились на нее, как будто на наших глазах сбывается пророческое слово Апокалипсиса, что "сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли" (Ап. 20, 7): отец лжи сеет ложь полною рукою и отравляет ею все человечество, и никому из тех, кто Богом поставлен изгонять сего сеятеля с нивы Божией, будто и дела нет, и бессильно раздается слабый голос стражей дома Божия — пастырей Церкви, взывающих ко власть имущим: помогите, сдержите слуг сатаны, гибнут души, гибнет народ, государство, плачет Церковь Божия, лишаемая чад своих, яко Рахиль, и несть ей утешающего!..

С другой стороны, как будто просыпается дремлющая совесть человеческая, как будто она предчувствует грядущую, может быть, всемирную беду, и мечется грешная душа, истомленная гладом духовным, измученная рабством страстям, искалеченная современными масонскими софизмами...

И плачет Церковь, невеста Христова, взывая к Жениху своему небесному о помощи...

Видят это и враги Церкви, видят, притворяются скорбящими о положении Церкви, а на деле злорадствуют, отмечая, что Св. Синоду "в редком заседании не приходится обсуждать вопросы о ересях, старых и вновь возникающих, о распространении сектантства, о каких-то загадочных, часто невежественных проповедниках, привлекающих к себе тысячи православных", видимо с особенным удовольствием заносят на столбцы своих газет, что "в неизведанных глубинах народной души народилось неизбывное (!?) стремление к правде, (что тут разумеется? Народ стремится к спасению души, хотя и попадает на ложные пути), неудовлетворенное правдою синодской". Как не радоваться врагам Церкви, когда открывается возможность половить рыбку в мутной воде?..

Над нами, не только пастырями, но и пасомыми, сбывается слово притчи Христовой: спящим же человеком, прииде враг, всея плевелы посреде пшеницы и отъиде (Мф. 13, 24).

Господь вверил нам, пастырям, ниву сердец человеческих, плохо мы охраняли эту ниву, и заросла она всяким былием и плевелами грехолюбия нашего, и не узнаешь в иной душе ни образа, ни подобия Божия...

Грех бо вами да не обладает, предостерегает св. Апостол Павел. А теперь именно грех, грех во всех его видах, возобладал над людьми; и из всех его видов ныне царит самый опасный, самый гибельный — гордыня.

Известно, что Апостол любви, св. Иоанн Богослов, перечисляет три главных вида греха, произрастающих из одного корня — самости или, говоря по ученому, эгоизма: похоть плоти, похоть очес и гордость житейская. И всеми тремя видами сего горького древа отравляет нас исконный человекоубийца: ведь и праматерь нашу он тем же искушал: и виде жена, яко добро древо в снеде — вот похоть плоти; и яко угодно очима видети — вот похоть очес; и красно есть, еже разу мети — вот и гордость житейская (Быт. 3,6). Но в истории человечества замечается некоторая постепенность в этих искушениях: сатана как будто не хочет пускать в ход весь арсенал своих искушений сразу.

Первый мир погиб от похоти плоти: не имать Дух Мой пребывати в человецех сих в век, зане суть плоть, — так засвидетельствовал Сам Бог, Судия Правосудный, о допотопном мире (Быт. 6, 3). И смыто с лица земли водами всемирного потопа скотоподобное человечество.

Второй мир — человечество пред явлением в мир Искупителя мира — едва не погиб от той же скотской похоти плоти, но уже в союзе с другою — похотью очес: весь мир захватил в свои цепкие руки железный Рим, и погрузились люди в служение сим похотям безоглядно, и озверели, и искали лишь “хлеба и зрелищ”, и лилась на этих зрелищах неповинная кровь человеческая для удовлетворения зверским инстинктам озверевшей, пресыщенной удовольствиями толпы.

Явился Христос и — мир преобразился. Он положил закваску, и закваска эта сделала свое дело. Люди стали неузнаваемы. Не все, конечно, но те, кто сердцем воспринял эту закваску, кто духом смирился, сердцем прильнул к источнику приснотекущему благодатной жизни, те обновились: и пустыни Египта, Сирии, Палестины заблагоухали ароматом равноангельной жизни...

Прошли века над землею. Зорко следил сатана за ростом Церкви Христовой. Он видел успех ее возрастания среди народов земных. Он изобретал все средства к ее разрушению. Гонения от иудеев и язычников, ереси и расколы — все пустил в ход, чтоб разрушить дело Божие на земле. Но Церковь и посреде терний процветала яко благоухающий крин: слово Христово — врата адова не одолеют ея — сбывалось над нею во всей силе..

Но в лаборатории сатаны был в запасе еще один яд, сильнейший из всех, тончайший из всех, им изобретенных, притом испытанный им на самом себе.

И похоть плоти, и похоть очес — детская игрушка в сравнении с сим ядом; ни тем, ни другим он не услаждал своего злобного существа. Правда, слабые существа, облеченные плотью, охотно шли на эти приманки; но когда эти игрушки так или иначе ускользали из их рук, они становились способны к покаянию, обращались к Богу и обновлялись духом.

Другое дело — третий плод от древа самости, третья и притом главная ветвь сего древа, или паче рещи — самый корень его — гордыня. О, сатана знает силу яда, извлекаемого из сего корня; на себе ее изведал; сам пропитан сим ядом; весь соткан из свойств составляющих элементы этого яда...

От веков древних, от первозданных праотцов наших он применял и очень успешно это гибельнейшее средство в своей богоборной деятельности в жизни человечества, а теперь сосредоточил на нем все свои надежды. Он усовершенствовал способы сего применения; он нашел средства золотить и подслащивать свои пилюли; он искусно надевает на себя личину врача, чтобы скрыть под нею отвратительный облик врага. Он не теряет надежды загубить этим средством все современное человечество, ослепленное успехами своей культуры, загубить христианский мир, разрушить Христову Церковь на земле...

И вот, он работает... Сначала, как до потопа, он расшатывает все устои нравственной жизни: личной, семейной, общественной, государственной. Для этого он пускает в ход старые средства: разжигает похоть плоти, похоть очес. Нравственность разрушается, семейная жизнь

падает, государства шатаются в своих основаниях, люди паки уподобляются скотам несмысленным, самое христианство остается, большею частью, только на бумаге.

Но в людях еще жива душа, по природе своей христианка, в воздействие христианского учения на всю историческую культуру человечества на протяжении почти двух тысяч лет не прошло бесследным: его основные идеи, хотя в искаженном иногда виде, всасываются уже с молоком матери и душа не может мириться с этой разрухой, не может подавить в себе идей правды и добра...

Тогда опытный в своем деле восьмитысячелетний старец решает:

— Надо зло в понятиях людей превратить в добро! Но как?...

Тихо, незаметно подкрадывается он к мыслящей, живущей преимущественно умом, части человечества, к людям, именующим себя интеллигентными, и влагает им каплю — только одну капельку своего яда в виде самомнения, своего смышления: “отчего, в самом деле, не позволить себе то и то?.. Почему это грех?.. Что за грех, если отведаю от этого яблочка? Пустое!”

Точь-в-точь, как дело было и с прародительницей Евой. Начинается вот с этих “пустяков”, с этого пренебрежительного отношения к Божией заповеди: мелочи!..

А принцип уже нарушен. Шаг влево сделан. Равновесие духовной жизни потеряно. Воля склонилась в сторону лжи...

У человека есть прирожденная любовь к себе самому, потому и заповеди о любви к себе не дано: не нужна! И без заповеди никто же когда плоть свою возненавидит, тем паче душу.

Вот сюда-то и вливает каплю своего яда враг Бога и людей. Знает он, что уже ранее первородным грехом зараженное сердце человеческое не останется равнодушно, если бы кто затронул его самость: стоит только поджечь страсть самолюбия. И враг поджигает: ведь назвав “мелочью, пустяками” дозволенный себе грех, человек в сущности солгал, обманул себя же. Опомниться бы надо, покаяться, сознаться в этом. Но расслабленная воля современного человека, отуманенного притом самоценом, не в силах побороть себя, а враг все поджигает самолюбие и заставляет ум подыскивать доводы в оправдание — точь-в-точь, как делал это и с нашими прародителями: смелее, смелее! Не умрете! Будете, яко бози!..

Вот и готово оправдание зла. Ложь растет на лжи: умствование выходит из умствования; создаются целые теории такого оправдания. Пока люди строят только теории, жизнь человечества как будто движется по старой, еще первыми веками христианства данной инерции по своим историческим путям: люди будто еще христиане; будто и в Бога веруют и, по крайней мере в видимом-то, стараются держаться хотя края заветов отеческих. Но вот, теории разработаны, написаны целые томы для их популяризации; слабые люди, давно отравленные делом греха, но доселе еще томившиеся сознанием греховности этого дела, вдруг как будто теряют почву под ногами и жадно хватаются за теории оправдания зла. Еще немного, — и они готовы поставить эти теории в основу своей не только частной, личной, семейной, но и общественной и государственной жизни... И объявляется -— разрешение на вся!..

Вот вам и революция!..

— А Бог-то как же? — вдруг хватает себя за голову человек. Он забыл Бога, он хотел обойтись без Него: благоуслужливая лженаука, вместе с безумцем древности, уверяет его, будто — несть Бог...

Умен падший ангел; опытен в погублении людей, но и тут делает ошибки. В душе, по природе христианке, глубоко таятся корни веры в Бога, и в минуты, когда благодать Божия подстережет случаи коснуться совести человека, в нем вспыхивает искра Божия, и он сначала бессознательно рванется к Богу, а потом начинает как бы ощупью искать Его...

— Нет, без Бога не могу жить! Так измучишься, дойдешь до полного отчаяния!..

И человек начинает искать забытого Бога.

А тот, кого так характерно назвал Господь человекоубийцею искони, уже подстерегает его на пути этих исканий. Казалось бы, чего проще: вернуться к потерянной Христовой вере, к Христовой Церкви, яко сокровищнице истины и спасающей благодати...

Но тут начинает действовать та капля яду, которая влагается в сердце человеческое сатаною, особенно в наше время: а как быть с самостью-то? с самомнением? Ведь, чтобы пойти в Церковь, для этого надо безусловно смириться, а можно ли до этого унизиться "образованному человеку"? Слишком было бы просто, "по-мужицки"... Наши интеллигенты, если и приходят в Церковь, то большею частию воображая, что они "Господу Богу честь делают" своим обращением.

Так там, на дне грешного сердца, хозяйничает враг, и несчастный наш интеллигент, не ведая того, ослепленный самомнением, отравленный ядом гордыни, бессознательно соглашается с этим непрошеным хозяином его души, стыдясь идти туда, где мужик находит полное удовлетворение своей духовной жажде, полный покой душе.

И начинается "богоискательство"...

Зорко следит за блужданиями смятенной души незримый ее враг и принимает все меры, чтобы она не попала как-нибудь случайно на верный путь — чрез Церковь — к Богу. Пусть она блуждает, сколько угодно по простору распутай мысли человеческой; он толкает ее и в буддизм, и в оккультизм, и в спиритизм, и в деизм, и во всевозможные "измы", он поймал ее уже на удицу самосмышления, — лишь бы не сорвалась с этой удицы — будет его верною добычею!

Типичнейшим представителем таких душ является несчастнейший граф Толстой, этот величайший ересиарх нашего времени. Не даром же сатана сделал его идолом для наших вероотступников. За ним, да и раньше его, и вокруг него — множество было и есть маленьких ересиархов, якобы "богоискателей". Быть может, это богоискание началось у них и искренно, но враг не дал им опомниться, опознать себя, вложил им тщеславную мысль, будто они не якоже прочий человецы — пролагают-де новые пути, и толкнул их в сторону — подальше от Церкви: ищите себе там этих путей на просторе!

И Толстой искал, усердно искал и — дошел до личной ненависти ко Христу Спасителю!

И другие "богоискатели" ищут более или менее усердно, придумывают "новые пути" к Богу, но, аще не смирятся пред Церковию — кончат ненавистью ко Христу, ибо ненависть к Церкви уже во многих из них заметна.

Почему Толстой так возненавидел Господа Иисуса Христа? На этот вопрос вот что мне отвечал бывший когда-то его друг, а потом покинувший его навсегда Вл. С. Соловьев: "может ли сей гордец простить какому-то "Назаретскому Плотнику", что Тот раньше его, Толстого, дал миру такое учение, которое преобразило мир, удовлетворяя всем запросам духа человеческого, а он, всемирно-известный Толстой, при всех своих усилиях, в сущности только все разрушал, а если что и создал, то все исчезнет с лица земли раньше, чем его кости сгниют в могиле?"

Таковы плоды гордыни. Таков исход самочинного богоискательства вне Церкви...

Но и в недрах Церкви, и в среде верующих враг ищет случая посеять плевелы гордыни, чтобы оторвать людей от Церкви. И тут он надевает личину добра, чтобы под нею укрыть яд гордыни. Откуда все эти секты: баптизм, штундизм, молоканство; все эти "братцы", "старцы", "сестрицы", бродяги-мнимоюроды? Откуда доверие к ним?

Если бы православные люди жили по духу своей матери Церкви, если бы в смирении и простоте сердца держались ее заветов, то несомненно ощущали бы в себе самих благодатную жизнь Церкви, сознавали бы себя не бумажными, а живыми членами тела Церкви, жили бы ее жизнию и дышали полнотою этой жизни. Их дух не томился бы жаждою какого-то богоискания:

эта жажда с избытком удовлетворялась бы от источника приснотекущей благодати в недрах самой Церкви. К несчастию, православные нашего времени в большинстве своем потеряли руководящее начало церковной жизни, которым жила и крепка была наша старая Русь: это — дух глубокого смирения грешной души пред Богом и небесною Церковью; это — сознание своего духовного бессилия жить без Божией благодати, текущей живым потоком в таинствах Церкви и в живом молитвенном общении с небесными членами Церкви — святыми Божиими. Последствием потери этого духа, этого сознания, и является искание самооправдания, минуя покаянный подвиг или удовлетворяясь в сем святом деле якобы смиренным, но в сущности холодным, рассудочным сознанием своей греховности вообще, уклонением от креста и сострадания Христу, необходимого для христианина, если только он желает быть живым членом тела Христова, то есть Церкви. Хочется сразу стать святым; забывается, что смиренный грешник-мытарь милее Богу лицемера-праведника фарисея. Забывается, что чем ближе мы к источнику света, тем ярче, отчетливее вырисовывается наша тень. Чем ближе кающийся грешник подходит к Богу, тем виднее ему самому его грехи, тем глубже он познает свое падение.

Не то — у сектантов, раскольников, еретиков. Называя себя грешниками, они не прочь повторить пред Богом молитву фарисея: благодарю Тя, яко несмь, яко же прочий человецы. А в душе, полусознательно, а может быть и сознательно, готовы прибавить: “или якоже сей православный”. И вот, когда православный увидит греховность своей жизни, когда вздохнет об этом, они готовы сказать ему: “иди к нам, смотри, как хорошо живут наши!” Вот и готово искушение для смущенной души православного, который потерял основное руководящее начало православной духовной жизни. Свою греховность он видит, а исход из этой греховности в покаянном чувстве и таинствах Церкви в его сознании как-то затуманился, и выходит как будто в его греховности виновата его православная вера! А враг — тут как тут: “если там живут святые, то стало быть они и к Богу ближе: иди к ним! Там легче спастись!”.. И эта мысль о легком спасении отравляет душу несчастного, и он мнит, что обрел верный путь ко спасению. И в душе своей он уже осуждает родное православие, как проповедь “бремен тяжких и неудобоносимых”. А это, конечно, есть уже плод гордыни, посеянной в этой бедной душе в то время, когда она имела неосторожность допустить к себе мысль возможности спасения вне Церкви. В сущности, эта мысль и есть хула на Духа Святого, живущего и действующего в таинствах Церкви. Вот почему грех ереси, грех мысли, судится судом Церкви, паче рещи — судом Божиим строже других грехов, грехов воли человеческой. Грех воли, как бы он ни был тяжек, хотя бы это был даже из числа так называемых смертных грехов, скорее сознается человеком и ближе к покаянию, чем ересь. Впавший в ересь не допускает и мысли о покаянии: ведь, он обрел якобы правый путь ко спасению, в чем ему каяться? Напротив, у него является склонность других совращать в свою секту и это он считает делом ревности о спасении ближнего, святым делом, исполнением своего долга. Всякий грех воли сопровождается укоризнами совести, по крайней мере на первое время, пока не огрубела душа во грехе. В грехе ереси напротив: яд духовный действует возбуждающим образом, неофиты бывают ревностнее, вернее сказать — ревнивее родившихся в ереси. В православии якорем спасения является догмат, его чистота и — смирение духа, плодами коего уже бывает приложение догмата к жизни в исполнении заповедей Божиих под руководством матери-Церкви. В этом существенное условие спасения. У сектантов на первое место выставляется как будто жизнь по заповедям, но лишенная духа смирения, отравленная ядом фарисейского самоцена, не оживотворяемая благодатию таинств; эта якобы добрая жизнь расцветает на почве, удобренной тщеславием, и гаснет, вянет, как скоро нет этого удобрения. Самый догмат, в угождение ветхому человеку, искажается до того, что является уже не основою, на которой зиждется добродетельная жизнь, а наоборот — подрывает эту жизнь. Пример — учение сектантов о спасении без добрых дел.

Так исконный человекоубийца скрадывает неопытные, неутвержденные в православии души, подменивая сокровище христоподражательного смирения духом тщеславия и превозношения, сокровище послушания матери Церкви — самочинием и самосмышлением, а потому и мир богопреданной души — отравою самоцена и ощущение благодатной жизни на лоне Церкви — самодовольством фарисея.

Вот почему из всех христианских исповеданий самое ненавистное, самое, выражаясь по-нынешнему — одиозное — для врага Божия — православное, как чистейшая истина, абсолютно противоположная лжи. Разрушить Церковь православную для него значит в сущности покончить с человечеством: сатана ведь, знает, что цель бытия мира земного есть спасение рода человеческого, а носительницею благодати сего спасения является Церковь Православная. Вот почему все силы ада и устремлены на нее. К союзу против нее ад привлекает и всех сектантов и инославцев: иудеи и язычники, магометане и буддисты, католики и лютеране, спириты и хлысты, безбожники и материалисты, лжемистики и всякого рода либералы от эсэров до кадеков обоего сорта — все пылают ненавистью против непорочной невесты Христовой — Церкви Православной с достойным удивления единодушием. К несчастью, враг находит себе союзников даже среди тех, кои якобы ревнуют о православии. Не говорю уже о представителях печатного слова либеральных лагерей, по мановению масонской десницы с пеною у рта бросающихся на нас, аще и недостойных служителей Церкви, даже наши политические единомышленники, именующие себя православными, часто работают в руку врага Божия, хотя от них-то надо бы ожидать побольше благоразумия в этом отношении... Да что говорить о мирянах? Даже среди иноков, посвятивших себя Богу, давших обеты всецелого отсечения своей воли и смышления пред Церковию, даже среди афонитов в последнее время явилась секта, восстающая на Церковь якобы за имя Божие!.. Это ли не великое искушение?.. Казалось бы: кому как не монахам, подавать верующим пример послушания Церкви? А вот, подите же!.. Дух гордыни проник и в ущелья святого Афона и обуял простецов и они вообразили себя умнее двух вселенских патриархов и всего нашего С. Синода и за свое упорство в ереси подпали суду церковному.

И снова, как во времена оны древние, повторилась старая история; инок некий, мало изучавший богословские науки, вовсе незнакомый с науками философскими, даже пренебрегавший ими, едва прочитавший несколько книг аскетического содержания и не усвоивший их смысла как следует, пустился в метафизику и придумал, или, как он сам говорит, “открыл новый догмат”, а в сущности додумался до философской, метафизической бессмыслицы, что “самое имя Божие есть уже Сам Бог”. Конечно, и сам мистик-монах, стараясь воплотить в словесную формулу свои переживания, не понимал, что говорил: он просто взял из заметок о. Иоанна Кронштадтского эту формулу, в которой покойный старец наскоро отметил свое мысленное и сердечное благодатное соприкосновение, в молитвенном состоянии, с Богом, со святыми, а наш невежественный в богословии и философии автор из этой формулы уже провозгласил новый догмат, не подумав о последствиях такого смешения понятий из области психологии и чувства с понятиями из области боговедения и точной богословской науки. Произошло нечто вроде подмены догматики поэзией, но с практическим применением к духовной жизни. Когда это применение обнаружило неправильность основного положения новоизмышленного догмата, то на него было обращено внимание церковной власти, внимание тех, кому Церковию вверено охранение чистоты веры. Лжедогмат был всесторонне рассмотрен, при свете учения св. отцов, сначала двумя вселенскими патриархами, а затем и С. Синодом нашей Церкви и объявлен ересью.

Казалось бы, дело кончено, вопрос выяснен, решен, указаны точные основания в учении св. отцов, показано даже с какою древнею ересью этот лжедогмат находится в тесной связи и

когда эта ересь обличена и анафематствована. Казалось бы: простецам ли пускаться в тонкости богословия и — даже философии, ими же, кстати сказать, по невежеству их, презираемой?

Но нашелся интеллигентный монах, вчерашний гусар, хотя никакого богословия не изучавший, но ум свой достаточно изощривший для того, чтобы подбирать слова по “Симфониям” из Библии и с невозможными натяжками толковать их по своему смышлению, чтобы тем сбивать с толку простецов. Пущена в ход вся схоластика прирожденного католика, вся логомахия, достойная не послушного сына Церкви, а искусного иезуита, и вот явилась “Апология веры во имя Божие”, способная, надо сказать правду, загипнотизировать и не простеца только. Ею увлеклись некоторые наши дилетанты богословия и из интеллигентов. Некоторое извинение сим интеллигентам дает только то, что “Апология” явилась раньше синодального послания о новой ереси. Но если даже люди развитые увлеклись, то мудрено ли, что простецы-афониты, лишенные всякого окормления в богословском мышлении, пошли за новым ересиархом, не сознавая гибельности такого учения? Стоило им только забыть мудрое правило святых отцов — не пускаться монаху-простецу в богословские исследования; стоило забыть основное правило монашества — святое послушание заповедям Церкви, отсечение своего смышления пред учением пастырей Церкви, смиренную, в простоте сердца, веру в Церковь, ее же Глава — Христос, и — отпадение от Церкви стало совершившимся фактом. Простецы вообще склонны верить, не рассуждая; так бы оно и должно быть, но кому верить — об этом и простец должен бы подумать: тому ли, кому Христос заповедал: слушаяй вас Мене слушает, или же первому встречному самозванцу учителю? Церкви ли или ее пастырям, свое учение предполагающим от имени св. Отцов, или же неучившемуся нигде в духовных школах монаху, вчерашнему гусару?.. Достойно внимания, что во всей этой истории ни один из отпадших не вспомнил, не задумался над вопросом: “а как учит Церковь? Не разойтись бы мне с нею? Ведь, вне Церкви нет и спасения”... Увы, дух гордыни так обуял несчастных, что они, ни мало не задумываясь, поставили себя судиями пастырей Церкви, стали составлять свои соборы (это — без епископов-то!), сочинять на этих самочинных сборищах свои безграмотные вероопределения и анафемы на инако, то есть, по-православному, мыслящих... В Андреевском скиту дерзнули даже в храме провозгласить анафему святейшему вселенскому патриарху и нашему Синоду и, конечно, перестали поминать их при богослужении.

Так посмеялся над несчастными монахами сатана, обуяв гордынею!

А что всего бедственнее: когда, по уставу св. горы, новые еретики были изгнаны с Афона, когда в обителях, заразившихся было ересью, восстановлено благочестие в духе православия, изгнанные не смирились, не познали своего заблуждения, а стали почитать себя как бы мучениками за веру во имя Божие! Как будто вера во имя Божие в том и состоит, чтобы самое имя почитать Богом! Очевидно, они даже самого слова “верую” не понимают, предполагая, будто оно значит: “признаю за Бога”.

И вот, гонимые совестью, они начинают метаться из стороны в сторону...

На указания, что без Церкви нет спасения, я слышал ответы: “мы сами — церковь!”

На возражение, что Церкви нет без епископа, отвечают, что они принадлежат к Церкви небесной.

На замечание, что к небесной Церкви принадлежат только святые Божии и отшедшие к Богу наши отцы и братия, говорят, что у Бога все живы, что все равно лишь бы была Церковь... Видимо путаются.

На слова, что без причащения св. Тайн нет общения со Христом, нет жизни вечной, если на них будет наложен полный “аргос” (отлучение), отмечают, что они будут причащаться в молитве именем Иисусовым.

Правда, пока это — только смелые мысли отдельных лиц, а не общее исповедание имеславцев, но смотрите, как еретическое мудрование постепенно нарастает, отдаляя от Церкви отколовшихся от нее сынов противления. Со стороны ясно видно, как исконный противник Божий ходит около несчастных и учит их своему искусству лжи, самооправдания, горделивого превозношения пред Церковию. Если ему удастся вовлечь в свои сети людей интеллигентных, то Церкви грозит от сей ереси еще большая смута. Пример — на виду: “Апология веры во имя Божие” издана почетным членом императорской московской духовной академии, удостоенным сего звания за его религиозно-философские издания. Хотелось бы верить, что это было с его стороны временным увлечением и что в следующих своих книжках “Религиозно-философской библиотеки” он даст нам опровержение сей вредоносной “Апологии”. Но мы живем в такое недобросовестное время, что в ересь охотно пойдут и неверы, лишь бы повредить, причинить боль ненавистной им Церкви. Пошел же изменник Церкви Михаил Семенов к раскольникам, хотя, конечно, ни единого верования их в догматическое значение старых обрядов не разделял; защищают же изгнанные из духовной академии профессора изуверов-хлыстов, хотя сами до того презирают их, что уж, конечно, не пойдут к ним на радение... Ведь, и сатана трудится в деле погибели людей в сущности бескорыстно, из ненависти к Богу: мудрено ли, что найдутся ему сотрудники, столь же бескорыстные (не говорю уже о “корыстных”: много продажных душ на свете!) и постараются поддержать ересь просто “из принципа” — из ненависти к Церкви...

Не забудем, что мы живем в такое время, когда жид (масон) работает с удвоенной энергией. Ему уже видится на горизонте грядущее царство того, о ком Господь сказал: ин приидет во имя свое, того приимите (Иоан. 5, 43). Есть из-за чего поработать! Не жаль, не только труда, но и денег, чтобы заплатить тому, кто поработает над разрушением Церкви Христовой. И работают. Сотни газет и журналов для того и издаются, чтобы отравлять православных неверием, поддерживать ереси, сеять смуту и сомнения в души простые. Немало и бессовестных ученых продают свое перо жидам... Бога в душе потеряли, а совесть сатана выкрал.

ДРУЗЬЯМ ЮНОСТИ МОЕЙ

Питомцам московской духовной семинарии, выпуска 1874 г.

Дорогие друзья, милые сердцу собратья!

В будущем 1914 году исполнится сорок лет, как мы покинули свое теплое гнездышко — родную семинарию, а и теперь, когда приходится проездом бросить взгляд на нее, так тепло становится на душе — будто видишь родительский дом, будто вот-вот встретишь тут доброго, ласкового нашего отца ректора протоиерея Н. В. Благоразумова, строгого, но глубокоуважаемого инспектора, А. И. Цветкова, почтенных наставников и всех, кто нас питал и грел тогда, кто о нас заботился, духовно нас воспитывал и словом и добрым примером своим... Четыредесятница лет многотрудного для многих и многоскорбного странствования по бурным волнам моря житейского — знаменательное, священное число! Оно невольно побуждает нас оглянуться на пройденный путь с чувством сердечной благодарности к Благодетелю Богу за Его несказанные, нам ведомые и неведомые милости, с молитвою к Богу за тех, кому мы обязаны добрым здесь воспитанием, с чувством братской любви к тем, кто уже покинул это поприще жизни и перешел в другой мир, оглянуться на все, что минуло невозвратно, и в виду надвигающейся старости, собраться, может быть для многих, в последний раз в жизни, чтобы горячо вместе помолиться Господу, прося Его благодатной помощи на остаток жизни, поделиться скорбями и радостями минувших лет; вспомянуть мечты юности, пожить хоть один денек этими дорогими воспоминаниями, освежить ими усталую душу...

Нас было 65 юношей, бодро, с розовыми мечтами, с светлыми надеждами покинувших семинарию. Где вы теперь, дорогие друзья? Много ли осталось нас в среде живых? Кто из нас уже пал под ношей крестной, кто еще работает в Христовом винограднике? Кто затерялся в море житейском, кто еще держится на своей утлой ладье?..

Откликнитесь, друзья!..

Не все крутиться в вихре сует: хоть на денек, хоть на часок, хоть сердцем и мыслью вернемся назад за 40 лет, и если уж нельзя обратиться в тех пылких юношей, какими вышли тогда из под крова родной семинарии, то постараемся пробудить в себе хотя бы те чувства, какими волновалось молодое сердце на пороге школы, спросить себя: а сбылась ли хоть одна заветная мечта юности, мечта чистая, добрая, Богу приятная? Осуществилось ли хоть одно доброе, твердое намерение — послужить Богу и ближнему, быть полезным, иметь счастие послужить Церкви Божией?..

Ныне в обычае праздновать разные юбилеи; сорок лет — не юбилей еще, а уже близко к тому... Также священное число. Московский первосвятитель, без сомнения, благословит нас собраться для молитвы и братского общения в храм родной семинарии, как его бессмертный, незабвенный предшественник святитель-миссионер митрополит Иннокентий благословил наше исшествие из стен этой семинарии...

Усердно прошу доставить и мне, вашему однокашнику, великое утешение своим откликом: на первый раз — кто хочет принять участие в этом празднике воспоминаний нашей юности? Когда и как нам удобнее устроить этот праздник? Чем отметить его в нашей памяти, чтобы нынешним духовным потомкам, извлечь для себя полезный жизненный урок?

Пишите мне в Петербург, в Невскую лавру.

ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ КРЕСТА НАД ЯЗЫЧЕСТВОМ

Перенесемся мыслью за 1600 лет назад. Поставим себя в самом средоточии тогдашнего мира — в Риме, в том Риме, который был в то время владыкою мира, покорившим себе почти все народы земные.

Что мы видим тогда?

Церковь Божия зело страждет. Уже тринадцать гонений пережила она на протяжении 280 лет после своего основания — после того, как вознесся во славе ее Божественный Создатель. Кровь святых мучеников лилась рекою. Если бы, говорит один писатель, собрать все потоки ее, пролитые во времена лютых гонений, то образовалось бы новое “море чермное”, не меньше того, какое перешли израильтяне под водительством Моисея. Христиане укрывались в горах, пещерах и пропастях земных, а в окрестностях Рима больше всего их было в “катакомбах”, в этих подземных галереях, которые тянутся на несколько сот верст, в несколько ярусов... Тут собирались они на молитву, совершали общественное богослужение, тут и погребали своих страдальцев-героев веры, святых мучеников. До 300,000 почивает их тут!..

Да, тяжелые времена переживала тогда святая Церковь Христова. Тяжелые, но зато и воистину поучительные на все последующие времена! Поучительные особенно для нашего дряблого, погруженного в земную суету, в земные, скорогибнущие интересы, времени! Небо, то небо, где Ангелы Божий славославят Господа немолчными песнями, где святые Божии, предстоя престолу Вседержителя, благоговейно созерцая совершенства Его, склоняются пред величеством славы Его, — это небо было так близко к земле, что верующие были в постоянном благодатном общении с ним. И в темницах святых мучеников озарял свет небесный: и под мечом палача они видели небо сие для них уже отверстым; и на кострах их уже освежала роса

райского блаженства. В самой смерти своей они торжествовали уже победу над смертью, славя Господа среди ужасных мучений и радостно переходя в горний мир...

Но вот, судьбами Божиими, в 313 году от Рождества Христова, в Медиолане, нынешнем Милане, властно раздается царственный голос, как пасхальный благовест: “отныне каждый, решившийся соблюдать богослужение христианское, пусть соблюдает его свободно и неуклонно, без всякого затруднения!”

То был голос молодого императора Константина, которого потом история наименовала Великим, а Церковь возвеличила титулом Равноапостольного. Так гласил его эдикт, по нашему — высочайший указ, повеление всем начальникам областей великой Римской империи, указ, обнародованный всюду и всем, закон, незнанием которого никто уже не имел права отказываться.

Как это случилось? Откуда такая милость?..

Это — милость Царя царствующих и Господа господствующих; это веление судеб Божиих, сия измена Десницы Вышнего!..

Константин, тогда еще язычник, непросвещенный св. крещением, воевал с захватившим римский престол Максентием; войска у Константина было немного и вот, он обратился с крепкою молитвою к Богу, небом и землею обладающему, к Богу, Которого почитают христиане, и с верою просил Его даровать ему победу над Максентием. И услышал его молитву Господь и во время самой молитвы, когда он поднял свой взор к небу, он увидел там дивное зрелище: на небе сиял лучезарными звездами изображенный крест Господень, а над ним надпись: “сим побеждай”!

Крест у язычников был в презрении и почитался недобрым предзнаменованием, но Господь явился Константину Сам в сонном видении, снова показал ему знамение креста и сказал: “устрой такое изображение и прикажи носить пред войсками: тогда не только Максентия, но и всех врагов твоих победишь”.

Император Константин исполнил волю Господню, и Максентий не только был побежден, но и погиб: когда он бежал от Константина, то под ним обрушился мост чрез реку Тибр, им же построенный, и он потонул в волнах этой реки...

Нужно ли говорить, как ликовали тогдашние христиане, когда этим знаменательным указом царя Константина раз и навсегда был положен конец страшным гонениям и дана свобода не только открыто исповедывать, но и проповедывать язычникам веру Христову?

Шестнадцать столетий протекло с тех пор. Христова Церковь, это — царство не от мира сего, стало царством превыше всего мира. Нет уголка на земле, где не слышно было бы проповеди о Христе Спасителе. На наших глазах сбывается пророчество Господне: “и проповедано будет сие Евангелие царствия по всей вселенной” (Мф. 24, 14). И другое Его слово: “когда Я вознесен буду, то всех привлеку к Себе (Иоан. 12, 32)”. Крест Христов и ныне влечет к себе души, алчущие и жаждущие правды Божией. У его подножия находят себе упокоение все труждающиеся и обремененные.

Но не дремлет и тот, бывший князь мира, которого изгнал из мира Христос. (Иоан. 12, 31) И особенно в наши дни, он яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (Петр. 5,8). Не хочет он признать себя побежденным. Он снова и снова пытается овладеть миром, из которого изгнан. Он ищет и — увы — находит себе союзников и сотрудников даже в среде именующих себя христианами. И эти лжехристиане помогают ему усердно...

Но и это провидел Всеведущий и предсказал, и предостерегает нас — и в том наше утешение... Слышите Его отеческий предостерегающий голос во св. Евангелии: “берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я —

Христос, и многих прельстят... И многие лжепророки восстанут и многих прельстят. И по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь” (Матф. 24, 4. 5. 11. 12).

Как будто все это сказано именно о наших временах! Все чаще появляются у нас и лжепророки, и лжехристы, и многие идут за ними, за всеми этими “братцами” и лжеучителями, и покидают матерь — Церковь Христову... И множится, без конца множится всякое беззаконие, и иссякает, высыхает в наших сердцах христианская любовь...

Во дни, когда история минувших судеб Церкви Божией напоминает нам о древних христианах, о той свободе служить Христу Богу нашему открыто, жить по-христиански и молиться по православному, свободе, данной Царем Константином — в эти дни — оглянемся на себя, спросим себя: а что, если бы вдруг восстали бы из гробов своих все эти мученики, во дни гонений за Христа кровь свою пролиявшие, все эти преподобные, свободу свою Христу во всецелом послушании отдавшие, — что, если бы они посмотрели в наше сердце: чем оно занято? Как мы пользуемся тою свободою, которую и наш Государь дал нам, следуя примеру Великого Константина?.. Узнали ли в нас истинных христиан, своих духовных потомков?.. О, как многие из них вместо того, чтобы уподобляться святым Божиим — уподобились скотам несмысленным! Как многие бегут от чистых источников учения церковного к кладенцам сокрушенным разных самозванных учителей и пьют там отраву вместо пития жизни благодатной!.. И все ссылаются на свободу... Но когда человек свободный сам бежит в расставленные ему врагом его сети; когда он под видом свободы попадает в рабство хотя бы своим же собственным страстям; когда, пользуясь свободою, один поработил себя низким страстям: пьянству, сладострастию, любостяжанию; другой — более тонким: тщеславию, гордости, властолюбию; третий — блуждает по распутиям своего убогого смышления — что это как не рабство, не плен, самый жалкий плен под видом свободы?..

Только истина, хранимая в сокровищнице Церкви, делает нас, по слову Господню, свободными (Иоан. 8, 32). К такой свободе и призваны все мы, братия (Гал. 5, 13). В такой свободе, которую даровал нам Христос, и стойте (ст. 1). Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти (ст. 13). Так учит Апостол Павел. Да и другой первоверховный Апостол Христов — Петр заповедует: не употребляйте свободу для прикрытия зла! (1 Петр. 2, 16).

МОЯ ПОЕЗДКА НА СТАРЫЙ АФОН И ПЛОДЫ “ВЕЛИКОГО ИСКУШЕНИЯ”

Я обещал моим читателям поделиться своими впечатлениями при путешествии на св. Гору, но замедлил это сделать, занятый срочными работами и отчетом о поездке моей туда. Между тем, как видно между прочим и из летучих заметок в отделе “Блестки и изгарь”, жидовская печать и все, кому ненавистны Церковь Православная и ее иерархия, пронесли яко зло имя мое, извратив все, что творилось за эти три месяца на св. Горе, представили меня каким-то инквизитором, а еретичествующих, отпадших от Церкви монахов и послушников — какими-то мучениками. Простой читатель, привыкнув верить всякой печатной строке, верит и этим сказкам и блазнится, и, может быть, осуждает или попрекает меня же за то, что я до сих пор молчал, не выходил на газетную улицу, чтоб опровергать все, что враги Церкви писали обо мне. Но судите сами: прилично ли, не говоря уже о прочем, исполнив поручение высшей власти, докладывать о подробностях порученного мне дела прохожим на улице прежде, чем дело доложено самой власти?..

Теперь тот долг исполнен: доклад С. Синоду сделан. С разрешения С. Синода я и печатаю почти сполна этот отчет, в “Церковных Ведомостях”, а для моих читателей и еще пополняю его своими впечатлениями, к афонскому делу не относящимися, но полагаю, для моих читателей, не безынтересными, и в своих дневниках уже помещаю его как путевые мои впечатления.

Из Петербурга я выехал 23-го мая; 24-го посетил Троицкую Сергиеву лавру, чтобы испросить себе и моим спутникам благословения и молитвенной помощи у преподобного Сергия, отца северного иночества. 26-го я поклонился святым первопрестольникам всероссийским в Московском Кремле, а 27-го посетил киевские пещеры, чтобы и там поклониться великим подвижникам — носителям заветов древне-афонских и первоначальникам русского иночества. Высокопреосвященнейший митрополит Флавиан принял меня с обычною ему любовию и напутствовал молитвенным пожеланием доброго успеха.

В Киеве присоединился ко мне командированный от Министерства Иностранных Дел драгоман Эрзерумского консульства В. С. Щербина, как знакомый с положением дел на Афоне по прежней своей службе в Солунском консульстве, не раз бывший на Афоне, а в Одессе настиг меня и посланный Святейшим Синодом преподаватель духовного училища С. В. Троицкий, задержанный в Киеве магистерским диспутом.

В Одессу мы прибыли 28-го мая и остановились в покоях архиепископа Назария. В Одессе три афонских подворья: Пантелеимонова монастыря и скитов Андреевского и Ильинского. Живущие здесь братия Пантелеимоновского монастыря в довольно значительном числе заражены ересью. Я посетил все эти подворья 29-го мая и беседовал с братией оных в их церквах. В церкви Пантелеимоновского подворья со мною вступили в спор “имеславцы” монахи Дометий, Варсонофий и Серафим. Я потом пригласил их в покои архиепископа Назария и часа три беседовал с ними, но безуспешно. Здесь, в саду, во время беседы монах Дометий позволил себе в высшей степени оскорбительную выходку против Его Святейшества, в Бозе почившего патриарха вселенского Иоакима: он снял с себя афонскую шапку и поднося мне, сказал: “вот за такую шапку золота, патриарх, осудил исповедников имени Божия!” Я резко оборвал безумца, и он должен был замолчать...

Следует заметить, что все выступления монахов в защиту лжеучения и потом на Афоне носили один и тот же характер: горячие заявления, что они за имя Божие готовы душу свою положить, пострадать, умереть (как будто мы какие мучители — игемоны), а когда им говорили, что никто от них этого и не требует, а только разъясняют им, что и мы все имя Божие благоговейно почитаем, признаем, но что оно само по себе не есть еще Сам Бог, — то они начинали беспорядочно волноваться, кричать, повторяя все одну и ту же фразу: “Сам Бог, Сам Бог!” Сколько раз я им ни повторял в свою очередь, что я верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, что речь идет не о Его Личности, а только о словах-именах Его, что одно — Сам Господь, а другое — Его имя, — ничто не помогало: они уже обвиняли меня, что я не называю Иисуса Христа Богом, что я — еретик. Между прочим, указывали, что послание Святейшего Синода не имеет подписей, напечатано в “газете”, а потому ему не следует-де верить.

В виду сего немедленно из Одессы же по телеграфу сделано было сношение с Обер-Прокурором Святейшего Синода о разрешении напечатать послание брошюрой уже с подписями; это разрешение получено и послание напечатано Одесским Андреевским подворьем в количестве нескольких тысяч экземпляров и потом доставлено на Афон. Мера эта имела добрые последствия: после сего уже не ссылались на отсутствие подписей, как на доказательство неподлинности послания. Кстати скажу, что я взял с собою на Афон и распространил там 1000 экземпляров своего отзыва Святейшему Синоду, напечатанного в “Церковных Ведомостях”, под заглавием: “Великое искушение около святейшего имени Божия”.

30-го мая, на пароходе “Афон” мы ушли в Царьград, а 31-го, около 4 часов пополудни, мы были уже там. Здесь, еще на пароходе меня встретили представители подворий афонских, а от лица его святейшества, вселенского патриарха, меня приветствовал его протосингел и личный секретарь, а от посольства — генеральный консул, в сопровождении секретаря посольства и каваса. Помещение мне было приготовлено в покоях самого императорского посла.

В субботу, накануне праздника Святой Троицы, меня принял его святейшество, вселенский патриарх Герман V-й. Около 11-ти часов утра я прибыл в патриархию. Меня сопровождали: секретарь посольства В. С. Серафимов, драгоман Эрзерумского консульства В. С. Щербина и С. В. Троицкий. Переводил личный секретарь его святейшества г. Папа-Иоанну.

Патриарх принял нас в малом кабинете. Подходя к его святейшеству, я приблизительно сказал: “имею счастие приветствовать ваше всесвятейшество от лица Всероссийского Святейшего Синода и представить его рекомендательную грамоту. Лично же почитаю долгом испросить ваших святых молитв, яко предстоятеля Церкви-матери”.

Патриарх ответил, что очень рад видеть представителя Русского Святейшего Синода и получить братский от Синода привет. Мы трижды облобызались. Мои спутники приняли от первосвятителя благословение. Патриарх пригласил нас сесть и, приказав подать угощение, стал расспрашивать о нашем Синоде, его составе, устройстве и под. Когда я заговорил об афонской смуте и раскрыл на это печальное явление в церковной жизни взгляд Святейшего Синода, я указал и на опасность в этом деле со стороны подпольных, незаметных со стороны явлений и вмешательства врагов Церкви и государства. Следы этих влияний я указал в некоторых периодических изданиях, вносящих уже и теперь ложь и клевету и обман читателей. Я просил патриарха теперь же наложить запрещение в священное лужении на игумена Арсения, позволившего себе в своем письме на имя архиепископа Назария назвать послание патриарха “еретическим” и сеющего по всему Афону предубеждение против меня в русских иноках. При этом я передал патриарху, в силу указа Святейшего Синода, и самое письмо игумена Арсения на имя архиепископа Назария. Патриарх ответил, что полный “аргос” на Арсения уже наложен. Затем я предложил на рассуждение патриарха вопрос: можно ли благословлять упорствующих, если будут просить благословения из простого приличия? Святитель сказал, что Божие благословение преслушникам Церкви не подобает преподавать. Далее я вопросил его: следует ли тем, которые изъявят раскаяние, предлагать подписку в том, что они глубоко раскаиваются в заблуждении и всецело, безусловно приемлют учение Церкви? Патриарх сказал: “малиста!” В отношении упорствующих я высказал мысль, что список тех, которые окажутся нетерпимыми на Афоне и будут удалены или же сами удалятся в Россию, было бы желательно и полезно иметь Святейшему Синоду для предупреждения настоятелей русских монастырей от заразы еретических мудровании. Патриарх одобрил и это. При прощании старец был особенно ласков, трижды облобызал меня и молитвенно пожелал, чтобы небесная Домостроительница Св. Горы помогла мне в исполнении порученного мне дела. После он прислал мне свою грамоту на имя Кинота Св. Горы о том, чтобы священный кинот не препятствовал мне в священнослужении и оказывал всякие услуги во время моего пребывания на Святой Горе.

В субботу же, после завтрака у посла, ездил в Балукли, к живоносному источнику, и в святую Софию. В Балукли настоятель храма, митрополит, любезно показал мне храм, могилы патриархов (почивают не в храме, а на кладбище около самого храма) и угостил неизбежным в таких случаях “глико” и кофе.

Посещение св. Софии произвело на меня глубоко грустное впечатление. У входа встретил нас старый турок и при помощи какой-то нищей девочки открыл тяжелую чарду, закрывающую вместо дверей вход во храм. Мы очутились в просторном притворе, на пороге коего нам предложили надеть туфли. Обычай этот напоминает нечто библейское: “сними обувь твою с ног

твоих, ибо место, на котором ты стоишь, земля святая”. Обычай добрый: не следует в храм Божий вносить уличной грязи...

Еще завеса — чарда, и мы в храме. Чудный, необъятный, светлый купол его поражает своею красотою и легкостью. Справа и слева бегут в высь стройные колонны. Простор, приятный резонанс, — чувствуется как реяние теней давно минувшего... Ведь здесь, в этом храме, когда-то воистину небеси подобном по красоте украшений своих, около 930 лет назад, стояли и восторгались службою божественной наши предки-язычники: ведь, вот тут, под этим величественным сводом, в их сердцах решался великий вопрос: быть или не быть нашей Руси православною... Благословен день и час, когда совершалось это! Благословенна память и тех греков, которые благоговейным служением и чудным пением тронули их сердца, пленили простые души в послушание веры; так что не знали они, по их же свидетельству, где они находились тогда: на небе или на земле? Благословенна память и тех мудрых в простоте своей предков наших, которые открыли свои сердца для прикосновения благодати Божией предворяющей, дабы потом она стала и спасающей... Они, язычники, принесли в своих добрых сердцах своему славнодержавному князю Владимиру, яко купцу ищущему доброго бисера — дорогую жемчужину Православия...

А теперь... стоит в тоскующей совести уже другой вопрос — уже о самой Софии: быть ей в былой славе храма православного, или же оставаться в поругании, унижении, обслуживая для поклонников лжепророка место их мечети?.. Оставлена, покинута, поругана, осквернена великая святыня христианства! И около пяти веков протекло над нею и стоят около нее будто часовые около пленника, минареты, и теперь кажется — будто еще витают в ее притворах плачущие тени древних царей и патриархов византийских: смолкли хоры певцов христианских, и раздается дикий вопль муллы, в котором слышится и торжество победы лжепророка над Христом, и уже предчувствуется близость победы Христа над обманщиком... Чу! Где-то на хорах раздался мелодичный речитатив другого муллы... Он вычитывает стихи из корана...

Бедная София! Сердце сжимается при мысли о том, что же ждет тебя наконец? Придет ли час твоего освобождения? Или фиал гнева Божия за грехи людские еще не до дна излиян? Но, ведь, уж столько веков на юго-восточной колонне отпечаток окровавленной руки султана Магомета свидетельствует о жестокостях корана, наполнившего до узд конских этот храм трупами хотя и грешных, но все же христиан...

Страшны суды Божий и непостижимы пути Его!..

При всем величии храм производит тем более печальное впечатление. Стены покрыты пылью, мозаики и фрески замазаны известью, только полы покрыты циновками, а по местам и коврами. Но, ведь, на Востоке пол есть вместе с тем и сиденье: вот почему, может быть, и заботятся о его чистоте, предлагая входящим надевать туфли.

Обходя этот храм-первообраз, я невольно переносился мыслию в наши русские храмы — Софии: в Киев, в Новгород, в свою, ставшую мне родною Вологду и наконец — в Кронштадт. Величественны сии храмы; прекрасны в своем роде; располагают душу к молитве; но ни один из них не возносит так душу к небесам, как этот, столь печальный ныне храм, покинутый благодатию Божией... Разве только Кронштадтская София может дать душе утешение в ее печали по Софии Цареградской. Это точная, лишь на 1/4 уменьшенная копия Константинопольской Софии (диаметр купола в Царьграде 16, а в Кронштадте 12 сажен). Но какая красота отделки, архитектурных линий, какое обилие света! {Нельзя от души не пожалеть об одном: изображения святых носят крайне странный, чтобы не сказать больше, характер: лики зеленые, будто писаны с мертвецов.} В нижней галерее, впрочем, — под колоннами, есть и полумрак, которого иногда просит сама молящаяся душа. Вместо паникадил — громадные хоросы, как бы необъятные кольца, на коих расположены иконы и лампады. Разница с хоросами

на Востоке лишь та, что там они тихо описывают круги во время богослужения, как бы изображая движущиеся светила небесные, а у нас — неподвижны...

Был и в патриаршей церкви: здесь почивают св. мощи царицы Феофании и св. великомученицы Евфимии всехвальные. Бог привел мне поклониться сей мученице, в самый праздник ее памяти. Она почивает в сребропозлащенной раке, устроенной, как мне говорили, усердием в Бозе почившего митрополита Антония и других благочестивых жертвователей из Петербурга. Нигде не видел я так открытых св. мощей, как здесь. Лицо св. мученицы совсем открыто, как будто она недавно почила, сохранились прекрасные черты ее девственного лика, только немного потемневшего от времени. Глава увенчана сребропозлащенным венцом наподобие венчального. На внутренней стороне крышки приятно было прочитать славянскими буквами слова: “Святая мученица Евфимие, моли Бога о нас!”

Но обращаюсь к своему путешествию.

В праздник Святой Троицы я совершил Божественную литургию в посольской церкви, в сослужении настоятеля больничной церкви о. Н. Остроумова и иеромонахов с афонских подворий. После завтрака у посла я посетил эти подворья — Пантелеимоновское и Ильинское, где в церквах беседовал с братией, убеждая не поддаваться искушению новой ереси, раскрывал кратко ее суть, обличая подлоги в переводах с греческого и умолчания в выдержках из сочинений о. Иоанна Кронштадтского. А затем посетил наши военные суда “Кагул” и “Ростислав”, где беседовал с офицерами и матросами.

День Святого Духа я встретил в подворье Андреевского скита. Слушал литургию, после которой обратился к братии с словом предостережения, положив в основание слова Апостола: блюдите, како опасно ходите, и слова Господа: блюдите, да не презрите единого от малых сих. Раскрыв учение о Церкви, я особенно подчеркнул необходимость послушания ей, заключив словами Господа: аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь.

Здесь же посетил меня представитель при патриархе афонского кинота, старец, по-видимому, умный и доброжелательный. Он сообщил мне неутешительные вести о положении дел на Св. Горе. Эти сведения подтвердила и телеграмма Солунского консула г. Беляева на имя посла о том, что число еретичествующих возросло до 3/4 всего братства в Пантелеимоновском монастыре, и что там грозит опасность кассе монастырской. {Уже после удаления имебожников с Афона найдены в Пантелеимоновом монастыре списки братии, из коих видно, что из 1700 слишком человек крепких стоятелей за православное учение, не поддавшихся террору, ко дню нашего прибытия в Афоне оставалось только сто человек... А. Н.}

4 июня на стационере “Донец” мы пошли в море, к Св. Горе.

С детства привыкли мы, православные русские люди, произносить слово “Афон” с особенною любовию, почти с благоговением. Не только религиозное, но и что-то родное, поэтическое всегда слышалось русской душе в этом имени. И тянуло туда наше сердце, и это имя занимало место в нашем внутреннем мире наряду с другими, дорогими нашему сердцу именами: Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иордан...

С таким представлением об Афоне и хотелось мне увидеть его. Ужели, думалось, в самом деле потемне злато, изменися сребро доброе? (Пл. Иер. 4, 1). Нет, не стану верить этому; то тревожное, что послужило причиной моего туда путешествия, что сжимало сердце заботою, та смута, которая, по сведениям, свила там себе гнездо — все это, думалось мне, есть великое недоразумение, временно налетевшее темное облако, которое рассеется от теплых лучей церковной истины, и снова Святая Гора в тишине духа будет хвалить Господа и свою небесную Экономиссу — мира Заступницу усердную...

За сотню верст виднеется вершина Св. Горы. Чем ближе подходит к ней пароход, тем величавее выступают ее очертания. Все яснее и отчетливее вырисовываются ее многочисленные

обители: монастыри, скиты, кельи и убогие каливы. На память приходят слова Спасителя: в дому Отца Моего обители многи суть... Да, и тут уголок неба, уделенный Материю Божией грешной земле. Да, и обители Афона должны быть ревнителями равноангельной жизни... Но — увы! И здесь борют страсти человеческие, и сюда проникают духи тщеславия, корыстолюбия, властолюбия и гордости, прикрываясь самыми святыми целями...

Пароход обошел Св. Гору с юга и повернул в залив между самым Афоном и соседним полуостровом. Постепенно открываются монастыри: Ксиропотам, Симоно-Петр, Русский Пантелеймонов... Миновали Дафну, древнюю пристань, где, по преданию, Матерь Божия вступила на берег Афона. Еще немного, — и наш "Донец" остановился у бочки против самого Пантелеимонова монастыря.

Один русский архиерей, посетивший Афон лет 15 назад, говорил мне: "когда будете сходить на берег, вся гора почернеет от множества монахов: здесь так редко бывают русские архиереи, что монахи с радостию встретят вас, как родного святителя".

И конечно — встретили... Только с радостью ли?

Не гора, — гора за монастырем, по ту его сторону, а балконы и террасы, подвешенные к монашеским пяти-шестиэтажным корпусам, действительно, "почернели" от монахов — увы, не с радостью, а с праздным любопытством вышедших посмотреть на архиерея, знали, которого давно, по его сочинениям, знали, которого когда-то уважали, а теперь... видели в нем "еретика"...

Внизу, на пристани и близ порты (ворот) собралось сотни полторы-две православных монахов с своим игуменом

— архимандритом Мисаилом во главе. Прочие — или стояли вдали, не желая принимать от меня благословения, или же, не сходя с террас, являлись простыми зрителями этой встречи, которая, признаюсь, показалась мне далеко не "торжественною". Когда я в сопровождении игумена поднимался к порте, я заметил по адресу иеромонаха Кирика, бывшего в Константинополе, по поручению игумена, и возвратившегося с нами на "Донце", из толпы "имеславцев" угрожающий жест — мелочь, но очень характерная для обрисовки настроения "имеславцев".

Облекшись в мантию, я приложился к Св. Кресту, окропил себя св. водою и, взяв посох, стал подниматься в монастырь. На пути о. игумен сообщил мне, что известный игумен Арсений, когда-то миссионер, а ныне ставший ересиархом, поражен параличом и лежит в Андреевском скиту без движения и без языка. Признаюсь, это известие показалось мне как бы знаменательным, и я невольно вздохнул, вручая судьбу несчастного Божию изволению...

Вот и храм великомученика и целителя Пантелеймона. Совершена обычная лития. Я приложился к честной главе великомученика. Став на амвон с посохом в руках, я обратился к братии с громким приветом:

— Христос посреде нас, отцы и братия!

В ответ откуда-то послышалось довольно слабое:

— И есть, и будет!

Окинув взглядом храм, я заметил, что он хотя и не обширен, но все же далеко не полон: очевидно, "имеславцы" не пожелали слушать архиерея-еретика, и в церковь пришли из них немногие.

Я начал беседу с воспоминаний своего далекого детства. Взволнованным голосом я говорил инокам о том, с каким восторгом когда-то я читал поэтические письма Святогорца, с какою любовию списывал сказания и даже срисовывал изображения чудотворных икон из книги

“Вышний Покров над Афоном”, с каким благоговейным чувством и открытым сердцем слушал простые рассказы о. Св. Горе своего земляка, старца о. Полихрония.

Мне хотелось пробудить в сердцах иноков воспоминания об их великих почивших старцах, об их заветах, и я перешел к воспоминанию о том, как я вошел в сношение с их обителью, как, благодаря добрым ко мне отношениям сих старцев, я стал считать ее как бы родною себе, как всю жизнь мечтал побывать на Св. Горе, и вот, наконец, когда я уже и мечтать о том перестал, эта мечта сбывается, но — увы, как сбывается! при каких печальных обстоятельствах! На мне сбывается слово, сказанное некогда апостолу Петру: егда же состареешься, ин тя пояшет и ведет, аможе не хощеши...

Напоминание о старцах, как я заметил, произвело на многих доброе впечатление.

Далее я раскрыл сущность великого искушения, столь неожиданно для всего православного мира появившегося около святейшего имени Божия. Не входя в подробности этого вопроса, ибо и время было уже позднее, я просил слушателей обратить особенное внимание на то, что этот вопрос подробно и обстоятельно уже рассмотрен церковною властию, что не дело монахов-простецов пускаться в догматические исследования, которые притом же и не по силам их неподготовленного наукою уму. Да и святые отцы инокам сие воспрещают. А что важнее всего — помнить заповедь Спасителя о послушании Церкви и Богом поставленным пастырям, дабы не подвергнуться за непослушание ее суду и даже от нее отлучению. В заключение я просил откровенно обращаться ко мне со всеми сомнениями, для чего мои двери будут всегда для них открыты, и на послушных и верных чад Церкви призвал Божие благословение.

Безмолвно слушали меня иноки; что они думали — Бог ведает...

Из церкви меня провели на греческий архондарик. Здесь, за обычным афонским “глико” и кофе, я снова стал говорить в присутствии всех так называемых старцев; тема была та же, при чем я обратил внимание слушателей на благодать хиротонии, которая не только дает право пастырю Церкви учить, но и помогает ему, по мере его веры, в исполнении заповеди Христовой: шедше, научите. Апостол говорит, что пастыри даны Богом Церкви для созидания тела Церкви Христовой, а это созидание и есть, главным образом, научение верующих истинам веры. Более часа здесь шла моя беседа. Все, по-видимому, слушали внимательно и никто не возражал. На ночлег я вернулся на “Донец”.

Я предполагал вести свои беседы сначала с отдельными лицами, более зараженными, или же с небольшими группами их. К сожалению, пользуясь своею сплоченностью, они не допустили осуществить этот план. Я пригласил было к себе на другой же день указанных мне вождей смуты, в числе пяти человек, но явилось сразу двенадцать. Вести беседу правильно оказалось уже невозможным. Они перебивали меня, перебивали друг друга, бросались от одной мысли к другой, и я вынужден был заявить, что прекращаю беседу, но г. консул, присутствовавший тут же, потребовал, чтоб неприглашенные удалились. Поднялись было все, но я упросил приглашенных остаться. Беседа пошла несколько спокойнее, но по недостатку логичности в суждениях простецов и их страстному увлечению основным положением ереси: “имя Иисус есть Бог” — нельзя было до чего-либо договориться. Они отвергали самую возможность судить об этом их основном положении, считая это кощунством. Во время беседы монах Ириней, между прочим, предложил мне странный вопрос: как родился Христос: так ли, как все люди, или же иначе? Я не понял этого вопроса и не придал ему особого значения, дав обычный ответ согласно катихизису. Но оказалось, что среди здешних монахов распространена еще новая ересь, будто Господь наш, зачатый наитием Святого Духа, родился не обычным естественным путем, а из “бока” Богоматери. Оказывается, что известный экс-миссионер Арсений, еще в 1905 году, написал брошюрку: “Объяснение великой тайны воплощения”,

пропущенную тогда же к печати цензором, иеромонахом, а ныне архимандритом, Александром. В этой брошюрке и проповедуется упомянутая ересь, усвоенная “имеславцами”.

После трехчасовой беседы пришлось монахов отпустить, при чем они обещали “рассмотреть” синодальное послание, которое, по их словам, не основано на Св. Писании и св. отцах, слишком длинно и не имеет подписей, а потому и неподлинно. После я узнал, что они поступили буквально так, как это делают все “Никиты-пустосвяты”: своим собратиям хвалились, что они одержали победу над еретиком-архиереем. Они настойчиво требовали, чтобы я вел с ними беседу непременно в церкви, в присутствии всей братии, на что я отвечал, что если с десятком их трудно было установить порядок, то что будет в церкви? А, ведь, за нарушение порядка в храме Божием, как за оскорбление святыни, надо строже отвечать и перед Богом и перед людьми. Сначала сговоримся здесь, частным образом, а потом и во храме побеседуем.

После обеда в тот же день явился еще один, очень типичный старец, иеромонах Иорам из “имеславцев”. Он долго отрицал всякое свое участие в смуте, ссылаясь на свою простоту: он-де верный сын Церкви, в тонкости богословия не может входить, верует, как веровал. Наконец я сказал ему решительно: почто ты лукавишь, старче, отрицаешь свое участие в смуте? Ужели думаешь, что я явился сюда ничего незнающим младенцем? Да о твоей деятельности я слышал еще в Петербурге, а затем и в Москве, и в Одессе, и в Царьграде. К чему же это запирательство? Если бы ничего не знал, то я тебя не позвал бы к себе в числе первых. — Только тогда он полусознался в заблуждении и подписал отречение от него.

7-го июня консул сделал попытку воздействовать на еретичествующих от лица гражданской власти: собрал старцев на архондарик и стал им говорить о необходимости подчиниться патриарху и Синоду. Имелось в виду, чтобы под влиянием мысли о последствиях противления спокойнее слушали мои беседы и вдумчивее относились к тому, что я буду говорить. Но фанатик-главарь монах Ириней выступил с такими дерзостями, что Б. С. Серафимов “официально заявил” консулу об оскорблении, и консул приказал Иринею отправиться на “Донец”, но тот бросился в Покровский храм, приказав ударить в набат. Консул потребовал команду на случай каких-либо насилий против него. Бунтующие, по набатному звону, побежали вслед за Иринеем в тот же храм. Ириней схватил крест, вскочил на амвон и, хотя ему никакой опасности не угрожало, махая крестом, стал кричать, что его “хотят бить”, и призывал толпу умирать за имя Божие. Консул счел более благоразумным возвратиться на “Донец”, а бунтующие хотели уже служить благодарственный молебен о победе над ним, зажгли уже свечи, но кто-то сказал, что рано еще, и разошлись.

В тот же день консул телеграфировал послу, что при сплоченности еретичествующих, готовых на все, при тех насилиях, какие они позволяют себе над православными, и терроре, коим они действуют на мирную братию, нет возможности изъять главарей, а без сего невозможны никакие увещания, никакое умиротворение монастыря. К вечеру является наместник монастыря и привозит консулу ключ от кассы: есть сведение, что готовится ограбление кассы и даже поджог монастыря. Два другие ключа остались в руках “имеславцев”.

Я предложил о. игумену немедленно возвратить всех изгнанных “имеславцами” из обители. В числе их был и духовник обители, иеромонах Агафодор.

Когда в монастыре стало известно послание Святейшего Синода, то главный смутьян монах Ириней явился к игумену и потребовал, чтобы его не читали в церкви, угрожая в противном случае бунтом. Посему я распорядился в первое же воскресенье, в неделю всех святых, прочитать послание в церкви, в собрании всей братии. Только присутствие консула дало возможность игумену прочитать его. Во время чтения раздавались протестующие возгласы, а по окончании Ириней спросил читавшего игумена: “имя Иисус — Бог?” Игумен ответил: “конечно,

самое имя — не Бог". Этого только и добивались вожди смуты: потом они всех простецов уверили, будто игумен сказал, что "Иисус — не Бог".

11 июня, полагая, что возбуждение еретичествующих несколько успокоилось, я решил провести беседу в Покровском храме. После обедни ударили в колокол, и храм наполнился монахами. Надев мантию, я вышел на амвон. Тесным кольцом окружили меня "имеславцы". Консул впрочем взял предосторожность и впереди поставил матросов. Были слухи, что "имеславцы" грозили: "попадется Никон им в руки, и тогда узнает, что значит хулить имя Божие".

Обличая лжеучение, я обратился к их здравому смыслу, указывая на то, что их учитель Булатович все слово Божие считает Богом, но, ведь, в слове Божием, в Священном писании, много слов и человеческих, например, приводятся слова безумца: несть Бог; говорится о творениях Божиих, например, о червячке: что же, и это все — бог? Так и все имена Божий, как слова, только обозначают Бога, указывают на Него, но сами по себе еще не Бог: имя "Иисус" — не Бог, имя "Христос" — не Бог.

При этих словах, по команде Иринея, послышались крики: "еретик! Учит, что Христос — не Бог!"

Я продолжал речь, а так как вожди смуты продолжали шуметь, то С. В. Троицкий обратился к близ стоявшим: "владыка говорит, что только имя Христос — не Бог, а Сам Христос есть истинный Бог наш".

Я говорил, что и слова Писания, и слова святых отцов надо понимать в связи со всем учением Церкви, а не брать отрывками: иначе можно впасть в ересь. Как например, я указал на слова Спасителя: Отец Мой болий Мене есть, слова, которые Арий приводил в пользу своей ереси. При этом, конечно, я указал и на другие слова Господа: Аз и Отец едино есма. Особенно больно, говорил я, православному сердцу, что лжеучение явилось именно здесь, на Афоне, не где-нибудь в иных, неправославных странах, в какой-нибудь Франции или Англии, а .вот тут, на Афоне, сердце православия. Вы не раз выражали желание знать, как учат святые отцы об именах Божиих: итак, слушайте, что они говорят... И я просил С. В. Троицкого читать те выписки, которые потом напечатаны отдельным листком в монастырской типографии, — он читал, а я повторял читаемое, подчеркивая и раскрывая смысл слов отеческих. Меня прерывали, по знаку главарей, шумом и криками, но все же я кончил чтение и объяснения. Ириней стал требовать, чтобы я разобрал какую-то их распрю с игуменом и духовником, на что я ответил, что это — не мое дело: у них есть протат и патриарх. Он заявил, что тогда они подпишут, что угодно. Я сказал, что дешево же они ценят свои "догматы", если готовы ими поступиться за смену игумена. Тогда он гордо сказал, что никакие мои увещания не будут иметь успеха, а шум его единомышленников на деле подтвердил его слова. Мне кричали: "еретик, крокодил из моря, седмиглавый змей, волк в овечьей шкуре!" В заключение мне все же удалось сказать: "будьте добросовестны, выслушайте меня: все прочитанные из святых отцов места вы сами можете прочитать в вашей библиотеке: приходите, мы их там покажем вам! Кто знает по-гречески — тому найдем и в греческих подлинниках".

После этого я ушел из церкви чрез алтарь.

К вечеру 11-го пришел пароход "Царь", на котором было доставлено 118 человек солдат при 5 офицерах, в распоряжение консула. На этом же пароходе возвращался из России Антиохийский патриарх Григорий. Я воспользовался часовой стоянкой парохода на рейде, чтобы приветствовать высокого путешественника. Он был рад видеть меня, а я просил его благословить игумена Мисаила и его сотрудников на святое дело защиты православия в обители. Сначала патриарх смутился: он не понял, что речь идет о нравственной поддержке, и сказал, что не считает возможным вмешиваться в дела вселенского патриарха; но потом, когда я

объяснил ему, что тут важно его мнение: есть ли учение, осужденное вселенскими патриархами и нашим Святейшим Синодом, ересь, или только частное мнение, — он ответил: конечно — ересь, ибо если бы одно имя Христово было Бог, то не было бы нужды Христу страдать и умирать: одно имя Его и спасало бы. — Патриарх милостиво принял икону великомученика Пантелеймона от игумена и молитвенно пожелал ему успеха в умиротворении обители.

В это время едва не ворвался в столовую, где мы беседовали, корреспондент "Утра России", настойчиво требовавший от меня разрешения присутствовать при моей беседе с его блаженством. Я решительно отклонил этого непрошенного свидетеля нашей беседы; упоминаю об этом потому, что сей иудей отомстил мне помещением в газете злостной корреспонденции, искажавшей факты и сообщавшей вымыслы о моих действиях на Афоне.

13-го июня посетили меня шесть антипросопов из протата, которые в беседе со мною решительно заявили, что еретики ни в каком случае оставаться на Афоне не могут, и если мы их не удалим, то это сделают сами греки, несмотря ни на какие протесты кого бы то ни было.

В тот же день, после обеда, вновь прибывшие солдаты были отправлены на берег. Монахи встревожились и ударили в набат. Вся братия собралась к воротам. Впереди стояли иеромонахи в облачениях с иконами и крестами. Капитан Городысский просил указаний от консула. Консул и командир "Донца" сами прибыли на место. Командир, З. А. Шипулинский, приложился к святым иконам и обратился к монахам с речью, в которой объяснил, что солдаты присланы для охраны порядка в монастыре, охраны его кассы и самого монастыря в виду угроз поджогом. В конце концов монахи мирно пропустили солдат, без всякого сопротивления: только один полупьяный иеродиакон как-то подвернулся под приклад и получил незначительную рану в голову.

В монастыре отведено солдатам помещение, и они заняли посты на всех более важных пунктах: у всех 6 ворот, у ризницы, кассы, храмов, библиотеки, водопровода и т. под.

Не гнушаясь ложью и клеветою всякого рода, "имеславцы" позволяли себе утверждать, будто и Киевский митрополит на их стороне, ибо он не подписал синодального послания, в его лавре издана книга Илариона: "На горах Кавказа", с его, будто бы, благословения духовник лавры, и. Алексий напечатал малограмотную брошюру в защиту имеславской ереси. В этой брошюрке проповедуется, что "Сын Божий обоготворяет имя Иисус, сраствори с существом Своего Божества точно так же, как и принятую Им "от человек" плоть, неслитно и нераздельно". Эта брошюрка оказалась довольно распространенною среди "имеславцев". Я счел своим долгом немедленно же, с первою почтой сообщить все сие его высокопреосвященству, митрополиту Флавиану, позволив себе высказать мнение, что профессора священника Глаголева следовало бы заставить написать опровержение сей брошюры и вообще ереси, на основании святых отцов, ибо он — человек науки и может, и по совести должен сие сделать. При личном моем свидании с митрополитом, на обратном пути, я от него услышал, что сие уже делается по его распоряжению, автор же запрещен в священнослужении до покаяния в ереси, а книжка его, в количестве 4.500 экземпляров, заарестована.

Прошла еще неделя в бесплодных или, лучше сказать, малоплодных попытках к увещанию. Чтобы не оскорблять святыню храма Божия неуместными выходками "имеславцев", я и С. В. Троицкий стали посещать библиотеку, приглашая всех, кто хочет убедиться в истине, смотреть подлинные места из святых отцов, главные положения коих были нами напечатаны в монастырской типографии отдельным листком. Напечатано было еще мое объяснение слова "верую" и мое "доброе слово" имеславцам. И то и другое "имеславцы" рвали в клочья, отнимая у православных и обзывая меня "масоном и еретиком". Придумано было имя и новое "исповедание", которое в рукописных листках они и распространяли: надо-де веровать "во имя Отца, Святого Духа и Иисуса Сына Божия".

Я увещевал их смириться пред Церковию. “Без Церкви нет спасения”, говорил я. Они отвечали: “мы принадлежим к Церкви небесной”. На мое замечание, что к небесной Церкви нельзя принадлежать, если не принадлежишь к земной, что нет Церкви без епископа, что невозможно спасение без Божественного причащения, — говорили, что они будут причащаться именем Божиим, что они сами — Церковь. Видно было, что для них нет никакого авторитета: и патриархи-де были еретики, и Синод еретик; нет у них и простого здравого рассуждения: не умом-де постигаются тайны Божий; такие великие толкователи жизни духовной, как святитель-затворник епископ Феофан, ими презираются, как “ученые” (и с особым презрением произносится это слово), как ничего не испытавшие на деле. Именование второго Лица Святой Троицы “Словом” в Евангелии Иоанна толкуется ими в свою пользу: под “Словом” они разумеют имя “Иисус”. В подкрепление своих лжемудрований они не стесняются прибегать к таким домыслам, которые способны вызвать улыбку сожаления к ним: например, чтобы отомстить Халкинской школе за ее доклад патриарху, обличающий их ересь, они перевели слово “Халки” на цифры: получилось 659; чтобы получить число имени антихриста — 666, они подменили последнюю букву и объявили православное учение антихристовым. Это — какое-то помешательство, когда человек верит только себе и слушает только себя самого. Игумен не раз с амвона громко заявлял, что он верует и исповедует, что Иисус Христос есть истинный Бог, — они кричат: “нет, ты не веруешь!” Духовник тоже не раз пытался заявлять о своей вере в Божество Иисуса Христа: они дерзко кричали ему прямо в глаза, в нашем присутствии, в церкви: “ты сам не веруешь и на духу тому же учишь”!..

Крайняя нетерпимость есть их отличительная черта. Подобно всем фанатикам, они преследуют всех несогласных с ними всякими досаждениями: называют их “масонами, богохульниками, иудами предателями, арианами” и именами других еретиков; отплевываются от них, как от нечистых, зараженных людей, не хотят с ними молиться, трапезовать, на их приветствия не отвечают и отворачиваются от них; завладев тою или другою хозяйственною частью, отказывают им в удовлетворении их нужд в отношении, например, пищи и одежды. Когда наш “Донец” прибыл к монастырю, то не хотели давать для меня рыбы, и только угроза реквизицией со стороны консула заставила их вразумиться. Отыскали у св. Златоуста слова: “Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутьи или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет, ударь его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом, и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди. И если судья пред судилищем потребует ответа, смело скажи, что он похулил Царя ангелов, ибо если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того Царя”. И повторяют эти слова, и переписывают на записочках, и распространяют их, и, конечно, готовы исполнять их на деле, если бы только не страх человеческий.

Служат отдельно, не поминая ни патриарха, ни нашего Синода, ни игумена; в церкви за богослужением, вместо святоотеческих писаний, читают книгу “На горах Кавказа” или “Апологию веры” Булатовича. Власть игумена сведена к нулю. Простой монах Ириней с важностью ходит по монастырю, как настоятель, его сторонники демонстративно, как бы издеваясь над православными, кланяются ему в ноги, целуют ему руки, а он благословляет их. Монастырское начальство, потеряв всякую власть, умоляло избавить обитель от этой банды забастовщиков. Хотя число православных в последнее время нашего там пребывания достигло до 700, но никто из них не смел рта открыть против главарей еретического движения: вожди эти были неотступно охраняемы своими фанатическими последователями, готовыми на все. 23-го июня я посетил скит Фиваиду; там насилие выражалось еще ярче: главари отдали приказ — если приедет архиерей — не ходить в церковь, не брать у него благословения, не слушать его речей, яко еретика и богохульника, и это исполнено в точности: вместо 200 слишком братии явилось не более 50-ти православных, которые слезно умоляли избавить их от насильников, выражая

намерение бежать “куда глаза глядят”, если дело останется в таком положении. В Пантелеимоновом монастыре тягота положения доходила до того, что некоторые монахи говорили нам: “Если вы ничего не можете сделать, то увезите нас в Россию или предоставьте свободу грекам: они скорее вас справятся с безобразниками”. “Имебожники” не раз пытались совратить и солдат в свою ересь: подходя к часовому, начинали ему делать увещание; пришлось напомнить закон, дающий право часовому действовать в некоторых случаях штыком. Отведенное для солдат помещение выходило на террасу: когда выходили в свободное время солдаты подышать воздухом, монахи и тут не давали им покоя своими увещаниями, и командир отдал приказ оцепить лестницу, ведущую к солдатам, веревкой и внизу поставить часового. Была безумная попытка пожечь монастырь, три раза обрезали телефон с Кареей, чтобы прервать сношение с протатом. Ночью бросали камнями в часовых и в патрули.

Простые послушники вступали со мной в спор с каким-то пренебрежением к архиерейскому сану: для них “свой брат” полуграмотный монах Ириней был авторитетнее и заслуживал большего уважения, чем я. Ко всякой науке у них было какое-то презрение, питаемое искаженным ими учением св. отцов об языческой философии, под которую они подводят и наше богословие и все дисциплины богословских наук. У них своеобразная гордость якобы духовной опытностью, о коей у них, конечно, и понятия нет, ибо глубочайший признак этой опытности есть смиренное сознание своего невежества. Для характеристики отношений ко мне “имеславцев”, приведу пример: во время моих бесед в библиотеке выступает некий монах Никон и с тонким лукавством, трудно им скрываемым, говорит: “Вот, владыко святый, у меня в руках книжка, под заглавием “Великое искушение”... писал ее какой-то епископ Никон. И вот, этот Никон, на странице такой-то, говорит, что Иисус Христос был незаконнорожденный Сын Девы Марии”... Надо было видеть злобное, мефистофелевское выражение лица этого монаха, когда он, говоря это, как бы торжествовал надо мною победу! Напрасно я пытался пристыдить его, обращаясь к его монашеской совести: его поддержали единомышленники и только строгий окрик С. В. Троицкого заставил безумцев несколько притихнуть...

Остановились все послушания, кроме приготовления пищи и чредого богослужения, причем “имеславцы” не хотели молиться вместе с православными. Православные, избегая насмешек, больше сидели по кельям. Все ждали развязки, у всех валилось обычное дело из рук.

Консул постоянно сообщал г. послу беспроволочным телеграфом о ходе дела. Когда он просил меня подтвердить его донесения, я с своей стороны делал это с спокойною совестью. Дело между тем затягивалось, а вожди смуты оттого становились с каждым днем наглее, видя свою полную безнаказанность. Изъятие главной массы “имеславцев” было необходимостью очевидной, но не было возможности отправить их в Россию: пароходы бывают на Афоне только раз в две недели и притом задерживать очередной пароход на целые сутки было невозможно, без особого на то распоряжения г. посла.

Удивительна была уверенность “имеславцев”, что, в случае удаления их с Афона, их ждут в России богатые милости, что им будет отдан Новый Афон, что капиталы Пантелеимонова монастыря будут разделены пропорционально братии и пр. По-видимому, при посредстве андреевцев, у них было сношение с Булатовичем, или иным их ходатаем в России, который подавал им самые несбыточные надежды. Впрочем, главари не стеснялись распространять ложь в самых невероятных видах: говорили, что получена от Царя “телеграмма золотыми буквами”, повелевающая не верить Никону, как самозванцу; говорили, что кинот получил от архимандрита Мисаила огромную сумму, я — 200 тысяч, консул — 90 тысяч (неровно — вероятно, для большего вероподобия), и всему этому темная масса верила: для нее непогрешимым авторитетом являлся Ириней с товарищами, коим масса верила безусловно, а на меня и моих сотрудников смотрела как на лжецов и обманщиков. Удивительно опытные в сплетении лжи главари ловили, например, каждое мое слово и тут же искажали его: едва я,

например, произносил: “верую и исповедую, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, но Его всесвятейшее имя не есть еще Сам Он — Бог”, как поднимался шум и крики: “слышите, слышите: архиерей не верует, что Иисус есть Бог!”

Особенно ересь укоренилась в нижней больнице: здесь монах Ваптос не столько, кажется, занимался лечением, сколько совращением больных в ересь и довел сих несчастных до того, что когда я, при моем посещении, подходил к постели больного, то он — или отворачивался к стене, или же углублялся в чтение Псалтири и Евангелия, не обращая на меня никакого внимания. Когда я обращался к больному со словами любви: “что же ты, брат, не принимаешь благословения от архиерея?” — он или молчал, как глухонемой, или же отвечал дерзким, задирающим тоном:” ты — еретик, ты не признаешь Иисуса Богом”, и отворачивался. Напрасны были мои уверения, что это — клевета, что я верую и исповедую, что Иисус Христос есть истинный Бог: он только мотал головой... Так крепко Ваптос вбил в голову больных мысль, что я, а также игумен и все мы, по их терминологии “имеборцы” — еретики и богохульники... Наши листки рвали, не читая, выманивали у православных и уничтожали мою книжку “Великое искушение” рвали в клочья и бросали на ветер, а мне присылали ругательные письма, конечно, без подписей. Когда “имеславцы” были отправлены на “Херсон”, то с ними пожелали добровольно отправиться и больные, чахоточные, полуживые и старики из больницы, и только по распоряжению консула были задержаны в монастыре.

Наконец, Ириней решительно воспретил своим последователям ходить в библиотеку на беседы, а кто заходил, того вытаскивали оттуда насильно. Чтобы отвлечь от бесед с С.В. Троицким, не гнушались и такими приемами: как только заметят, что слушатели стали склоняться к православию, кто-нибудь крикнет, что в монастыре бунт, солдаты бьют монахов и, конечно, все бросаются вон...

Отдельные, более искренние лица ко мне являлись и на них можно было наблюдать, как тяжело было им расставаться с заблуждением, которое успело уже как бы врости в их душу, отравить ее. Так иеромонах Флавий, духовник из пустыни Фиваиды, пять раз приходил ко мне, то каясь, то опять отрекаясь от православного учения. Наконец, я просил Сергея Викторовича Троицкого заняться им отдельно, и он часа два с ним беседовал. Но и после этой беседы, на которой обстоятельно было разобрано все лжеучение, Флавий только тогда окончательно отрекся от лжеучения, когда, положив несколько поклонов, решил взять жребий: верить или не верить Синоду? И, милостию Божией, дважды вынимал “верить”. Тогда он пришел ко мне и с видимым душевным волнением сказал: “теперь я верую так, как повелел Синод”. Спустя три дня он приходил еще раз, но уже не касался вопроса об именах Божиих.

По слухам, один из “имеславцев” грозил, что так как он еще в миру отправил на тот свет двоих городовых, то ему-де ничего не стоит отправить туда и игумена. Это дало мысль консулу проверить все виды, по коим живут в монастыре его насельники. Всего было таковых 1700 человек. При помощи сопутствовавших ему чиновников посольства и офицеров, он и выполнил это, попутно спрашивая каждого: какого исповедания он держится. “Имеславцы” с гордостью отвечали, что они — исповедники имени Божия. Православные же заявляли, что они к ереси не принадлежат. Таковых к 29 июня оказалось свыше 700 человек. Таким образом нравственный облик состава братии определился в количественном отношении. С утешением мы заметили, что на некоторых, более спокойных, беспристрастных братии наши беседы оказали влияние. Из принадлежащих Пантелеимонову монастырю скитов мы посетили два: Старый Руссик и Фиваиду. Там нашли и настроение братии и состав, в смысле смещенности, тот же, как и в монастыре. Я беседовал с братией в их храмах, причем в Руссике особенною дерзостью отличился повар, которого пришлось насильно вывести из храма. Потом он явился ко мне в монастырь уже с повинною, говоря, что был пьян.

Кстати замечу, что среди монашествующих мы встречали немало пьяных: хотя в трапезе ставится некрепкое виноградное вино, но ежедневно каждому по кувшинчику с полбутылки; это приучает к употреблению вина, а потом слабых волею — и ракички, которая крепостью доходит до 60°; при отсутствии всякой дисциплины, имея при том и ключи от погребов в своем распоряжении, немудрено, что "имеславцы" и пользовались вином по своему усмотрению.

Приходили ко мне монашествующие и из некоторых келлий и подписывали отречение, очевидно, боясь, чтобы греки потом не изгнали их, как еретиков. Насколько это было искренно — Бог ведает. По крайней мере, со старцем келлии Благовещения, известным и Святейшему Синоду Парфением, вышло искушение: он прислал ко мне своего наместника, чтобы тот от лица всей братии подписал отречение от ереси. Видимо, что его тревожило то, что Булатович жил у него некоторое время и сочинял листки, которые Парфений печатал. Я сказал наместнику, что за себя он может подписать, а за других — нет: пусть сами подпишут. Он подписался и взял с собою лист, чтобы предложить старцу и другим. А я воспользовался сим случаем, чтобы послать старцу увещание письменное. Прошло около недели; 6-го июля, уже после изъятия еретичествующих из монастыря, является ко мне тот же наместник и подает зараз три письма Парфения. Старец пишет, что он как научился веровать с пелен, так и будет веровать, причем повторяется почти весь символ веры, и просит меня оставить его умереть в покое, но ни слова — ни о синодальном послании, ни о грамотах патриархов, ни о вере во имя Божие. Тогда я написал ему решительно и кратко: почто он лукавит, почему ни в одном письме не отвечает на вопрос: как он верует об именах Божиих и не подписался под отречением? Я требую, чтобы он, как старец кельи, где живет больше 50-ти братии, ответил мне: или — да, или — нет. Если — да, то добре, если же — нет, то я о сем так и доложу и Св. Синоду, и патриарху, и — завтра же — киноту Св. Горы... Вечером в тот же день старик прислал мне формулу отречения с подписями — своей и старшей братии. При сем он приглашал меня посетить его келью на пути к Карею. Исполнить его желание мне не удалось, ибо время было потребно для Андреевского скита. На Св. Горе насчитывается до 200 келлий, населенных русскими монахами. По словам о. Феофана, бывшего инспектора Вологодской духовной семинарии, живущего на Афоне уже десять лет, ересь гнездится и по кельям, но тщательно укрывается старцами, боящимися греков. На Афоне русские кельи в последнее время стали объединяться для защиты своих интересов и образовали "братство русских келлий". 7-го июля было общее собрание этого братства, на котором присутствовал С. В. Троицкий. Благодаря его разъяснениям, старцы объединившихся в сем братстве келлий единодушно постановили составить заявление Святейшему Синоду о том, что их кельи пребудут верными учению православной Церкви об именах Божиих, а против еретиков будут принимать меры. Это заявление при докладе и представлено.

29-го июня я предполагаю служить. Но во время всенощного бдения приходит игумен и докладывает, что ключи от ризницы у иеромонаха Понтия, а он, как "имеславец", не желает, чтобы я служил, и ключей не дает. Я сообщил об этом консулу, как об открытом издевательстве над лицом, посланным по Высочайшему повелению. Консул распорядился, чтобы судовой механик немедленно отпер замок отмычками. Ризницу приготовили, но в два часа ночи меня разбудили: письмо от консула. В осторожных выражениях он сообщает, что лучше бы мне до обедни уйти из монастыря на "Донец", ибо в храме "имеславцы" готовят скандал. Пришлось послушать доброго совета, чтобы избежать оскорбления храма Божия забывшими и совесть, и долг свой монахами. Это я и сделал: сказавшись больным, отказался от служения.

30-го июня по предварительному сношению с кинотом Св. Горы, чрез игумена Мисаила, я обратился ко всем келлиотам с следующим кратким посланием:

"*Всем старцам русских келлий, во Святой Горе сущих, Божие благословение!*

Великое искушение, постигшее русских иноков появлением лжеучения об именах Божиих, осужденного двумя святейшими патриархами и Святейшим Всероссийским Синодом,

побуждает меня, посланного Святейшим Синодом на Святую Гору для обличения сего лжеучения, просить вас, отцы и братия, во имя любви и за святое послушание Церкви Божией, усугубить молитвы ваши приложением на литургиях прошений в ектениях и молитвою, а также предложить братии трехдневный пост, по мере усердия, на второе, третье и четвертое числа сего июля, а в пятый день, день памяти великих отцов монашества, Афанасия Афонского и Сергия Радонежского, прибыть во святую обитель великомученика и целителя Пантелеймона к бдению и литургии для общебратской, с крестным обхождением обители, молитвы о вразумлении заблудших и водворении церковного мира".

С любовию приняли добрые иноки мое предложение: к 5-му июля собралось много русских келлиотов, хотя это был день годового праздника в Афонской лавре св. Афанасия, куда отправились многие келлиоты еще ранее моего предложения.

"Имеславцы" и при этом добром деле постарались подчеркнуть свой раздор с нами: они не только не хранили поста в эти условленные дни, но нарочито ели, например, в понедельник сыр и яйца, чтобы не быть единомысленными с православными.

3-го июля состоялось наконец столь нашумевшее в иудейской печати изъятие из монастыря вождей и наиболее упорных сторонников смуты. Я, конечно, не принимал никакого участия в этом воздействии государственной власти: все средства увещания были истощены, и я оставался на "Донце". Прибыл пароход "Херсон", приготовленный для перевоза смутьянов, по распоряжению Императорского посла, в Россию. Часа в три пополудни консул, командир лодки и все наличные военные чины отправились в монастырь. "Имеславцы" собрались в том корпусе, где жил их главный вождь, монах Ириней. Все входы и выходы были заняты солдатами, оставлен лишь один выход — на лестницу, ведущую к порту и пристани. Почти три часа увещевали "имеславцев" добровольно идти на пароход: успеха не было. По-видимому, им хотелось вызвать кровопролитие, дабы приобрести славу мучеников: в то же время они, конечно, были уверены, что кровопролития допущено не будет ни в каком случае, и вот, чтобы поиздеваться над правительственной властью и оттянуть время, они упорно противились: пели, молились, клали поклоны. Вообще, кощунственное отношение к святыне и молитве проявлялось в целях демонстративных постоянно: иконами защищались, пением отвлекали внимание, с пением потом плыли на лодке на "Херсон". Наконец, рожок заиграл "стрелять". Это было сигналом для открытия кранов водопровода. Вместо выстрелов пущены в ход пожарные трубы. Понятно, при этом не обошлось без царапин у тех, кто старался защитить себя от сильной струи воды доскою или иконою. Только тогда упорствующие бросились бежать. Их направляли на "Херсон". "Раненых", т.е. оцарапанных, оказалось около 25 человек, которым раны были перевязаны нашим судовым врачом, а через два-три дня повязки были уже сняты. Вещи "имеславцам" были доставлены на другой же день.

Как ни печальна была такая развязка, но могло быть и хуже. Нельзя же было оставлять православноверующих под таким невыносимым террором лжеумствующих. Греки только и ждали того, чем кончится дело в Пантелеимоновом монастыре. В киноте мне потом сказали откровенно, что если бы консул не удалил еретиков, то сам кинот нашел бы средства их удалить: теперь здесь хозяева не турки, а греки, которые легко могли прислать хоть целый полк из Солуня. А под видом еретиков не трудно уже было очистить и вообще Св. Гору от русских.

5 июля, в день памяти преподобных отец наших Афанасия Афонского и Сергия Радонежского, я совершил Божественную литургию в Покровском храме, причем вознесены были упомянутые прошения и молитвы об обращении заблудших, из чина, совершаемого в неделю православия, и после литургии совершен крестный ход вокруг обители. За литургией я сказал слово, в котором сблизил обоих преподобных, как особых избранников Матери Божией, Которая обоим являлась наяву, причем, обрисовав их нравственный облик, указал, что они оба

оставили заветы кротости, смирения и послушания, столь благопотребных и ныне, особенно здешним инокам.

7 числа я просил собрать всю братию в Покровскую церковь, чтобы проститься с нею. Обратившиеся от ереси просили меня разрешить их совесть от греха непослушания Церкви. Я сказал им прощальное слово, совершил над всеми таинство покаяния и, прочитав разрешительную молитву, еще раз обратился со словом увещания пребывать верными учению Церкви, положив в основание слова Спасителя: не здрав был еси, к тому не согрешай.

С любовию прощались со мною афониты: в них можно снова узнать прежних любвеобильных иноков, готовых на всякую услугу, на всякое послушание. Видимо, с удалением смутьянов жизнь монастырская стала входить в свою колею. Несомненно, не все сторонники лжеучения удалены из монастыря, но с теми, которые остались, мог уже справиться сам игумен с вновь избранными старцами; по афонскому общему уставу, их было не трудно удалить из обители. Да и сами они, по крайней мере некоторые из них, уже тогда высказались, что они покинут *Афон* добровольно, что и исполнили те 212 человек, которые прибыли в Россию на пароходе “Чихачов”.

8 тот же день я отправился в Карею и посетил, наконец, кинот в его конаке. Несмотря на воскресный день, ради меня собрались почти все эпитропы и антипросопы. Они выразили мне свое удовольствие, что разрешился, наконец, столь тяжелый и для них вопрос об удалении с Афона еретичествующих. Еще раз они подтвердили, что еретики на Св. Горе не могут быть терпимыми.

Затем я проследовал чрез Котломуш в Иверский монастырь, где и заночевал, а утром отправился в Андреевский скит, откуда “имеславцы”, по предварительному их соглашению с пантелеимоновскими единомышленниками и по предложению консула, уже удалились на “Херсон” добровольно. А некоторые, как например ближайший сотрудник Булатовича — Григорович (из офицеров) ушли из скита неизвестно куда. Еще накануне несколько групп их попадались мне навстречу, когда я ехал в Карею. Ожесточенные лица их говорили о недобром их настроении: они отворачивались, чтоб избежать обычного на Св. Горе приветствия встречных, а большой обоз тяжело навьюченных мулов показывал, что они идут не с пустыми руками. После о. архимандрит Иероним, водворенный в обитель, говорил, что рухлядная палата в его отсутствие довольно опорожнена, а в Одессе у них отобрали особо чтимую икону Богоматери, пожертвованную обители ее основателем А. Н. Муравьевым.

В этот скит я несколько раз собирался поехать, но с одной стороны тревожные вести, что, после разрыва между Грецией и Болгарией, по Св. Горе стали бродить шайки разбойников, что отчасти подтвердилось тем, что к нам привезли старца-монаха с простреленной рукой {Раненный восьмидесятилетний старец всех нас удивил своим благодушием: показывая простреленную руку (пуля прошла под кожей только), он полушутя говорил: “вот, мой отец сражался с Наполеоном; два моих сынка проливали кровь в японскую кампанию; я думал, что уже теперь-то меня никакая пуля на Св. Горе не достанет, а вот — Бог попустил, и какая-то шальная пуля задела и меня”}, с другой — недобрые вести, доставленные оттуда изгнанным игуменом, архимандритом Иеронимом, замедлили мое туда путешествие. Андреевцы ставили мне совершенно неприемлемые условия: чтобы я явился к ним один, без чиновников и без солдат, чтобы изгнанный ими настоятель отнюдь со мною не показывался, да и в монастыре в то время в сущности не было никакой власти: архимандрит Давид являлся лишь покорным исполнителем приказаний руководителей смуты: предавал анафеме наш Синод, патриарха и “имеборцев”, и только... Лишь за несколько дней до окончания дела, когда стало ясно, что бунтарям приходит конец, С.В. Троицкому, по моему поручению, удалось провести там беседу и тем дать возможность более благоразумным и искренним отделиться от массы братства, терроризованной и нафанатизированной последователями Булатовича.

В скиту меня встретили с подобающею честию. Я говорил о минувшем искушении и предостерегал иноков на будущее время. И здесь просили некоторые совершить над ними таинство исповеди и разрешить от греха противления Церкви. Пред отъездом я посетил несчастного игумена Арсения. Пытался говорить с ним, но не заметил признаков, чтобы он ясно сознавал окружающее или узнал меня. “Имеславцы” хотели нести его на руках чрез всю гору — до Пантелеимоновской пристани, но консул, на основании заключения врача, запретил такую процессию: он мог умереть в пути. Я также советовал оставить его в скиту, а братиям напомнил притчу о милосердом самарянине. По последним известиям со Св. Горы, несчастный Арсений умер, не придя в сознание, и погребен как отлученный от Церкви еретик... Какой грозный урок всем противникам Церкви, дерзающим оскорблять ее непослушанием, поставляющим себя выше тех, кто Богом поставлен пасти Церковь Божию...

Много лет я знал этого неуравновешенного в духовном отношении человека. Можно было верить его искренности, но нельзя было мириться с его самоуверенностью, доходившею до фанатизма. {Помню: почившие афонские старцы признавали, что он рано выступил на миссионерское поприще, возгордился и стал на опасный путь... их опасения оправдались... А.Н.}

Из Андреевского скита я направился в Ильинский, куда давно стремился, чтобы отдохнуть душой в тишине этой мирной обители, но пришлось тут провести лишь три часа: показался на море наш “Донец”, и мы спустились в Пантократор, где, поклонившись святыням, простились со Св. Горой и на лодке пошли навстречу “Донцу”. Солнце уже скрылось за хребтом Св. горы, когда мы поднялись на палубу своего “Донца”.

Мечта посетить все обители Св. Горы не сбылась. Отчасти нездоровье, отчасти же голос совести, требовавший прежде всего исполнения долга, умиротворения обителей русских, — а в этом встречались непреодолимые препятствия, — все это не давало свободы для исполнения моей мечты. Впрочем, кроме двух скитов Пантелеимонова монастыря, о чем упоминал уже выше, (Старый Руссик и Фиваиду), мне Бог привел побывать в семи греческих и одном болгарском. Два из них — Ксеноф и Дохиар — расположены близ нашего Пантелеимонова, на том же берегу залива. Общее впечатление от греческих монастырей везде одно и то же; разница в большей или меньшей степени убранства храмов. То же заунывное пение, в котором один выговаривает слова, а другие только тянут ноту; та же встреча, угощение и пр. В Ксенофе я стоял литургию в день Всех святых; меня, как старейшего в храме по сану, попросили вместо игумена прочитать “Верую” и “Отче наш”, конечно по-славянски, а пред чтением из Апостола диакон прочитал мне на греческом языке приветственную речь.

Из церкви, по обычаю, водили меня на свой архондарик, угощали и пр. Много святынь, св. мощей и икон имеется в сих обителях, о чем каждый может прочитать в путеводителях и что подробно описано уже в записках других путешественников. Я скажу только о том, что остановило мое внимание.

Болгарский монастырь Зограф расположен в горах необычайно живописно. Дорога, часа два пути от арсаны (пристани), идет ущельем, по течению горного потока. Со всех сторон — лес; высоко поднимаются монастырские стены. Собор во имя св. великомученика Георгия очень благолепный. Три чудотворных иконы великомученика, который почитается покровителем обители. Игумен был очень рад встретить русского архиерея и старался угостить чем мог. Мы все снялись на фотографии с игуменом и братией. В то время в монастыре находилась полурота солдат-болгар во главе с офицером, питомцем петербургской духовной академии. Солдаты выстроились пред нами в две шеренги и приветствовали нас громким “ура”. Увы! Только что они проводили нас, как явился греческий капитан со своими вооруженными солдатами и потребовал, чтобы болгары сдались... Чрез день мы узнали, что болгары сдались и мимо нас их,

как пленных, провезли на остров Кипр... Тяжелое впечатление произвело на нас это торжество греков над бывшими союзниками, которые, конечно, не могли сопротивляться...

В Карейском соборе особенное внимание обратили на себя остатки неподражаемой иконописи византийского Рафаэля-Панселина. Зато самый собор поражает запущенностью...

На пути к Иверу, не доходя до монастыря версты три, у самой дороги поставлен каменный крест и устроено что-то наподобие цистерны. Рассказывают, что лет десять назад тут совершилось чудо: проходил из Ивера мальчик-болгарин. Просил он у ворот монастырских кусочек хлеба, но портарь ему отказал. Голодный мальчик пошел по пути к Карее, обливаясь слезами. На том месте, где теперь крест, его встречает Женщина и спрашивает, о чем он плачет? Тот поведал ей свое горе. И вот. Она подает ему золотую монету и говорит: “возвратись в монастырь и купи там себе хлеба”. Мальчик вернулся и стал просить того же портаря продать ему хлеба, подавая ему монету. Портарь был удивлен: откуда мальчик мог вдруг получить такую монету? А монета и по виду была необычная, старинная. Взяв монету, он понес ее игумену. Тот признал в ней одну из тех, которые привешены к иконе Богоматери...

Как известно, на Афоне не имеют права пребывать женщины. Мальчик, вероятно, по простоте своей не знал этого. Он рассказал то, что с ним случилось. Но иноки задумались... Осмотрели икону и действительно: там не оказалось одной монеты. Но монеты так прикреплены, что украсть их нельзя. Да и ребенок не давал повода думать, будто он лжет. Пришлось признать, что Сама Матерь Божия утешила бедного мальчика, в то же время вразумив иноков, которые отнеслись к нему вначале так холодно. Мальчика накормили и отправили, куда ему было нужно. А на указанном им месте поставили крест, дабы проходящие могли призвать на сем месте молитвенно имя преблагословенной Заступницы и сирых Питательницы — Матери Божией.

Сердце влекло и в лавру преподобного Афанасия, и в Ватопед, и в Хилендарь; хотелось бы пострaнствовать в качестве простого паломника, поближе познакомиться с жизнию тех, кто все покинул, все забыл ради спасения своей души, но Бог не привел: и крайнее утомление от духовного напряжения в продолжение пяти недель, и слухи о бродягах, и неудобство задерживать спутников, да и непривычная жара здешнего лета — все это побуждало меня ускорить отъезд.

10-го июля мы прибыли в Буюкдере, где принял нас г. посол очень внимательно и благодарил за понесенные труды. Я в свою очередь сказал, что если бы не его мудрое отношение к делу и доброе содействие в сношениях с Петербургом, то дело потерпело бы полное крушение, и Афон, русский Афон, остался бы в руках еретиков, коих не замедлили бы выгнать греки. 11-го утром я посетил Вселенского Патриарха. Он был ко мне внимателен так же, как и прежде, подробно расспрашивал о деле и сказал: “Пришлите мне списки удаленных с Афона лиц, принявших пострижение на Афоне, и я наложу на них аргос”. Я сказал, что имеется два списка: один наиболее виновных главарей — вождей смуты, другой — менее виновных, слепо повиновавшихся сим вождям и обманутых последними. Первые заслуживают более строгого наказания, а вторые заслуживают некоторого снисхождения. В тот же день я послал эти списки при письме на имя его святейшества...

В тот же день, 11-го июля, мы покинули Царьград, а 13-го вышли на родной берег в Одессе.

На протяжении многих веков русские афониты, находясь в постоянном духовном общении с родною Русью, в то же время были совершенно независимы от Русской церкви в церковно-административном отношении. Подчиненные канонически и иерархически, по месту своего пребывания, киноту Св. Горы и чрез него Вселенскому Патриарху, они и в отношении чистоты учения веры были подведомы той же церковной власти. Так оно и должно быть по канонам

церковным. К сожалению, разность языка и национальности именно в этом отношении ставили их почти вне надзора греческой церковной власти. Прибавьте к этому еще и то, что на Афоне много веков не было своего епископа, а патриарх поставлен слишком высоко и далеко, да притом ограничен в своих правах какою-то конституцией, не допускающей его непосредственно вмешиваться в дела Афона, если к тому не пригласит его протат. Значит, здешние монахи вообще, исторически, отвыкли от власти епископа, и это обратилось уже в традицию, ревниво охраняемую протатом. Между тем, число русских монахов на Св. Горе с каждым годом все увеличивалось и теперь достигает до 7000; среди них стали появляться люди, ищущие не столько духовного подвига, сколько удовлетворения своему личному тщеславию, своеобразному карьеризму, исканию некоего первенства среди других, я сказал бы — "диотрефизму". Типом таких монахов и является Булатович. Не имея в основе своего духовного воспитания настоящей церковности, такие люди легко могут поддаваться искушению уходить в сторону от учения Церкви, от духа ее преданий, а по обстоятельствам, о коих я только что сказал, они легко могут находить себе благоприятную почву для развития всяких ересей и неправославных воззрений среди русских афонитов. С другой стороны, не было никакого надзора и вообще за теми, кто шел спасаться на Афон, со стороны представителей нашей государственной власти. Если бы этот надзор был строже, то не было бы среди монахов беглых солдат и каторжников. Беседуя с имебожниками, С.В. Троицкий слышал от них речи и об отобрании земли у господ; не оказалось бы из 600 взятых на "Херсон", до 50-ти человек беспаспортных; не оказалось бы и таких молодцов, как Давымук, у коего в монастырском списке отмечено, что он присужден был к каторге за пропаганду бунта в войсках во время войны с Японией и бежал от наказания. Можно думать, что и теперь не один такой герой скрылся из монастыря куда-нибудь на келью, ибо с его стороны было бы глупо ждать, пока его возьмут на "Херсон". Трудно и придумать более благоприятную для врагов Церкви почву, чтобы сеять смуту в недрах самой Церкви для подрыва ее авторитета, а следовательно и послушания церковной власти, для разрушения всего строя церковного. А от власти церковной это перейдет и на всякую власть. Я уже слышал от имебожников, что Царь заразился ересью "имеборства": что настали Времена антихриста, начинается гонение на истинных христиан, исповедующих имя Божие. В этом смысле уже и ведется пропаганда листками и брошюрками, пока — гектографическими и рукописными; я уже говорил о толковании слова "Халки" переводом с букв на цифры. Распространяется листок с изображением двух взаимно пересекающихся треугольников — символом масонства, с цифрою 666 и толкованием имени антихриста. На академическом значке С.В. Троицкого заметили звездочку и стали уверять всех своих последователей, что он — "масон". Не понимая этого слова, они бросают его всем, кто не согласен с ними. Становится понятным, почему все враги церковной власти и вся левая, а по неразумию своему, — и некоторая правая печать так усердно поддерживают это еретическое движение, выставляя глупую еретическую бессмыслицу самым невинным заблуждением, а тех, кто борется против нее — какими-то инквизиторами. Да и самый образ действий вождей этого движения близко напоминал фабричных забастовщиков и устроителей митингов. Толпа "имеславцев" во время бесед постоянно выполняла роль какой-то шумящей марионетки в руках ловкого главаря — Иринея: даст он знак — толпа, громко шумевшая, мгновенно смолкает; возвысит он голос — и она снова кричит, и из задних рядов слышатся по моему и о. игумена адресу досадительные слова: "еретики, масоны, иуды-предатели!" Собрания у Иринея происходили почти каждый день, а запретить их игумен был не в состоянии: никто его не слушал. Ириней все время был окружен своими приверженцами, которые и спали в коридорах, охраняя его особу. Безусловное повиновение вожакам, широко поставленная пропаганда гектографированными и рукописными записочками, искусное распространение ложных слухов о царской телеграмме, "писанной золотыми буквами", запугивание, вплоть до угроз застрелить, утопить властей, сокрытие распоряжений власти, перехватывание не только писем (три мои

письма игумену за время с января пропало), но и официальных бумаг (грамота патриарха киноту так и не получена), подговор к захвату кассы, к поджогу (было покушение), троекратная порча телефона с кинотом, — все это не напоминает ли поразительно, до мельчайших подробностей, программы организованных опытными агитаторами забастовок? И действия этих преступных элементов облегчались полным непротивлением терроризованного большинства мирных братии, неподготовленных, по самому настроению своему неспособных к борьбе с таким проявлением зла, да и не видевших в этой борьбе своего прямого долга при параличе законной власти...

Вот почему еретическое движение так называемых “имеславцев”, а вернее было бы их назвать “имебожниками”. {В заседании Св. Синода 21 августа уже и постановлено называть их вместо слова “имеславцы”, как они сами себя величают, — “имебожниками”, ибо они обожают, почитают за Бога самое имя Божие.} Должно озабочивать не только церковь, но и государство...

НОВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. БУЛАТОВИЧА

Хорошо спорить с людьми искренними: они ищут истины без всякого предубеждения и готовы всегда познать свою ошибку. Тяжело иметь дело с людьми неискренними, которые не ищут истины, а занимаются лишь словопрением, всеми правдами и неправдами стараясь одержать верх над противником. На такую почву, кажется, стал мой оппонент-имебожник А. Булатович. Он напечатал в “Дыме Отечества” открытое ко мне письмо, в котором старается разобрать “Мое доброе слово имеславцам”, напечатанное отдельным листком в Пантелеимоновом монастыре, в бытность мою на Св. Горе. Прошло два месяца с появления этого письма Булатовича, и теперь меня спрашивают интересующиеся новою ересью: почему я не отвечаю на это письмо?

А вот почему. Письмо А. Булатовича появилось раньше моего отчета или доклада Св. Синоду о моей поездке на Афон, раньше синодального определения и разъяснения, и я ждал, что мой оппонент, как добросовестный монах, ознакомившись из моего доклада с обстоятельствами, о коих доселе знал только из газет да по рассказам своих последователей, многое возьмет назад из массы той лжи и клевет, какие имеются в его открытом письме, и таким образом исполнит долг монашеской совести: увы, у него недостало на это мужества! И его читатели и последователи по-прежнему считают Никона каким-то инквизитором, преисполненным ненависти к несчастным имебожникам... Хорошо ли это?

Дальше. В своем открытом письме он, ведь, только начал разбор “Моего доброго слова к имеславцам”, коснулся только одного святоотеческого выражения, мною приведенного, и притом именно только “коснулся”, а не разобрал его, так что я имел и имею право ждать продолжения этого разбора приводимых мною буквальных выдержек из писаний богомудрых отцов, в корне опровергающих имебожную ересь. Но до сих пор, очевидно, он не собрался с силами опровергнуть сии свидетельства святых отцов, а, кроме приведенных мною, есть и еще немало таких же. И опять: сознаться в таком бессилии — смирения недостает... Добре ли сие?

Итак, А. Булатович упорно молчит и тщательно замалчивает, скажу больше: очень бы хотел, чтоб его последователи совсем не читали и не знали святоотеческих текстов, мною приводимых и его ересь обличающих и всячески старается подставить очки своим ученикам и последователям, давая всюду понять, будто он полемизирует только со мною и Архиепископом Антонием Волынским, как лицами опасными для Церкви, от которых, по его выражению, “православие в России грозит померкнуть” (sic)!, как будто вовсе не было ни послания С. Синода, ни грамот двух святейших вселенских патриархов, торжественно заявлявших, что

учение имебожников — ересь! Паки вопрошаю: честно ли так относиться к столь важному делу? Не значит ли это обманывать доверяющих ему простецов?

И он еще говорит о своих “воплях о правосудии к архипастырям России!” Да, ведь, сии архипастыри, голосом С. Синод а, в его двух составах — зимней и летней сессий, уже давно ответили на ваши вопли, схимниче, и ни один из святитетелей Церкви Русской пока не протестовал против послания С. Синода о вашей ереси; всюду послание мирно принято и прочитано в обителях иноческих; два вселенские патриарха, в Бозе почивший и ныне здравствующий, с их Синодом из 12-ти митрополитов единогласно заявили, что проповедуемое вами, имебожниками, учение — ересь; столь же твердо и решительно, в беседе со мною, подтвердил сие и блаженнейший патриарх Антиохийский; дерзаю сказать, ибо тако верую, что и вся православная Церковь единым сердцем и едиными усты — не с вами, имебожниками, а с нами, архиепископами Антонием и Никоном: это — не наш одинокий голос, не наше частное мнение двух архиепископов, а голос всей Русской Церкви, Церкви Константинопольской, Церкви Антиохийской, — я дерзаю сказать — Церкви во всей вселенной сущей, ибо сей голос твердо основан на учении великих отцов и учителей Церкви, на учении 2-го вселенского собора, осудившего первоначальника вашей ереси — Евномия. Зачем же притворяться, будто не слышите голоса Церкви, будто только Антоний да Никон обличают вас, не соглашаются с вами? Вопросите всех святителей как русских, так и греческих, славянских, румынских, сирийских и других православных: уверен, что все они едиными усты рекут, что ваше учение — ересь, что имя Божие означает Бога, как иконы напоминают Того, Кого изображают, но — не больше, и само по себе не есть сам Бог, что оно, как говорит вселенский учитель и святитель Иоанн Златоуст, досточестно и достохвально, но Существо Божие — Сам Бог “кольми паче” превыше его, досточестнее и достохвальнее, следовательно имя Божие — не есть Сам Бог.

Иеросхимонах должен подавать пример послушания Церкви; вас, о. Антоний, давно зовет на суд свой святейший патриарх вселенский: он и лично в беседе со мною осведомлялся: явитесь ли вы к нему на сей канонический суд? Я ничего не мог ему ответить на этот вопрос. Так вот, вместо того, чтобы писать апологии своей ереси, вместо того, чтобы уводить за собою — вон из Церкви, непослушанием церковной власти, толпы слепо вам верящих монахов, не должны ли вы прежде всего исполнить свой долг пред первосвятителем Константинопольской Церкви, к коей вы, по канонам церковным, принадлежите, — пойти в Царьград и очистить себя, если считаете себя правым, на суде своей Церкви, а потом уже и вступать в полемику и обличать меня и единомышленных со мною святителей — наш С. Синод и всех, кто приемлет учение о имени Божием, изложенное в послании С. Синода. Пока вы заблуждались искренно, пока не слышно было голоса Церкви, дотоле можно было относиться снисходительно к вашему заблуждению, ибо можно было надеяться, что вы, услышав глас Церкви, вразумитесь, сознаете свою вину пред нею; но теперь, когда вы стоите на пороге Церкви, готовый покинуть ее, несмотря на ясно выраженный взгляд Церковной власти на ваше заблуждение; теперь, когда Церковь принимает совращенных вами уже как еретиков, по особому чину, не пора ли вам оставить полемику и поглубже вдуматься в свое положение? Ведь, вы уже вступили на путь осуждения самой Церкви, на путь сознательного ей противления! Ибо что это, как не сознательное противление Церкви — это упорное невнимание гласу ее, это замалчивание, мало того — отрицание ее авторитета?.. В “Моем добром” — все же добром слове, а не “злом”, как угодно было выразиться вам, судия помышлений чужих! — приведено до десятка выписок из святоотеческих писаний, опровергающих ваши мудрования; из них вы коснулись только одного, и думаете, что опровергли его странным, неуместным указанием, что “Балтийское море не есть Финский залив” и что “солнце не есть луч” солнца... Да, ведь, и в этих-то убогих сравнениях вы только сами себя побиваете! Балтийское море останется и без Финского залива Балтийским морем, и солнце останется солнцем, если и скроется луч его. Так и Бог от вечности пребывает в

существе Своем без имени, ибо для Себя Самого не имеет нужды в имени, а до сотворения мира тварных существ еще не было... “Усвояемые же Богу имена недавни сравнительно с Самим Богом, — не ради Бога, а ради нас измышлены имена для усвоения понятия о Сущем, т.е. о Боге”: все это, ведь, не мои слова, а богомудрого святителя Григория Нисского, — слова, которые вы, схимонаше Антоние, тщательно скрываете от своих последователей — несчастных простецов, вверивших вам свои души... Если сии и многие другие выражения св. отцов не суть истина, то почему же вы не опровергаете их? Дерзайте, если совесть ваша это позволит вам!

Можно думать, что ваша схимническая совесть позволит вам сделать попытку и на это. Позволила же она вам, в своем открытом ко мне письме, привести из славянского “Добротолюбия” выдержку: “ово бо есть свет, те же тьма, и ово есть Бог и Владыка, те же раби бесом”, — несмотря на то, что вам было указано, что в этом месте опечатка, что и в греческом тексте, и в русском переводе тут стоит не “ово”, не ***, не “сие”, а ***, “сей”, надо разуметь не “имя”, а Самого Господа Иисуса. Скажите по совести: почему вам на этот, только на этот, раз так полюбился именно славянский перевод с его ошибкой? Как объяснить ваше упорное нежелание признать эту ошибку перевода или даже простую опечатку, обличаемую греческим подлинником? Отвечайте!..

А вы еще берете на свою совесть предвосхищать суд Божий надо мною, — но, что я говорю: надо мною? — над Св. Синодом, над патриархами, над всеми, кто приемлет учение об именах Божиих, с вашим лжеучением несогласное, — дерзаю сказать: над всею Церковию православною! Вы грозите мне судом Божиим за “Мое доброе слово имеславцам”, вашим несчастным последователям! Бог видит мою искренность, с какою писал я это “доброе слово”. Вы уже предрешили, что только для меня, а не для вас будет страшен суд Божий! Пусть же Он, Судия праведный, рассудит нас, пусть будет милостивым Судиею и мне, и вам за ваши — не клеветы на меня — их да простит Он вам! — а за ваши писания, уводящие вас дальше последователей ваших от Церкви, заражающие их ядом вражды и ненависти против власти церковной, против носителей благодати — архипастырей Церкви.

Вы “ужасом велиим ужаснулись”, прочитав мое доброе слово вашим единомышленникам. Я со страхом прочитал ваше дерзновенное обращение к суду Божию. Мне было больно читать эти ваши строки — больно за вас же! Страшно впасти в руце Бога Живого!

Я не стану теперь разбирать всю ложь, все клеветы, каким вы, осыпаете меня со слов жидовских и лжепатриотических газет, враждебно настроенных против представителей Церкви Русской, а равно со слов ваших единомышленников, которые не стеснялись в храме Божием мне кричать в глаза: “еретик, масон”, и подобные лестные словеса; вы уверяете своих читателей, что “Мое доброе слово” изошло из “злого и враждебного” к вам сердца (о, судия сердца чужого! — повторяю слова блаженного Августина); будто я ненавижу имеславцев (я всякую ересь ненавижу, а еретиков жалею); вы пишете, будто я — о, ужас! — залил братской кровию всю дорогу от монастыря до пристани (какой же я разбойник!): будто я заставил томиться в темнице кого-то (еще новость для меня!); будто насилием отнял в Одессе книги у монахов на 10.000 рублей (?!) (и во сне не снилось мне!) и т.д., и т.д...

Повторяю: я все ждал, что вы, как добрый схимник, прочитав выдержки из моего доклада Св. Синоду, снимете по совести хоть часть некую из сих обвинений с меня; к сожалению, приходится думать, что у вас достает совести замолчать все это и оставить несчастных своих последователей в заблуждении...

Позвольте же мне оказать вам некую услугу, предостеречь вас, с кем вы имеете дело, кого избрали себе сотрудником...

В 1910 году Св. Синодом извержен из сана некий иеромонах Таврической епархии Павел Кусмарцев, за отречение от православной церкви, которую он именовал “формальною,

консисторскою, синодальною”: не тот ли это “инок Павел Кусмарцев”, который сотрудничает в составлении выпускаемых и распространяемых вами брошюр?.. Не он “собрал” присланную вами мне книжку “Учение отцов Церкви об именах Божиих”, в которой не только о. Иоанн Кронштадтский, но и я, грешный, и г. Троицкий, и многие другие современные писатели, из духовных и мирских, попали в число “отцов Церкви”?..

Знаменательное сотрудничество!..

Я вставил в машину бумагу, чтобы побеседовать только с моими читателями, ответить на их вопросы по поводу открытого письма ко мне А. Булатовича, но эта беседа как-то сама собою обратилась в письмо к самому Булатовичу. Ну что же? Пусть и он прочитает мои думы, пусть эта беседа будет отчасти ответом на его письмо...

Тяжело думать, до чего мы дожили! Всякий, кому вздумается, неизучавший богословских наук не только в духовных школах наших, но хотя бы и дома, под руководством добрых наставников, начитавшись, без разбора книг, хотя и духовных, и полезных, но без надлежащей подготовки, уже мнит себя “богословом”, полагает, будто он в праве излагать новые догматы, истолковывать учение православной веры, и впадает в ересь, воображая, что он-то и защищает истинную веру...

Не печальное ли это явление?

Давая волю своей мысли летать в области богословского мышления без всякого контроля, он не задумывается над вопросом: “да по той ли дороге я пошел? Есть люди, которые всю жизнь отдали богословским наукам: не обратиться ли мне к ним? Быть может, они мне укажут источники и пособия более авторитетные, чем мое собственное смышление. Ведь, во всяком случае, вопрос-то, поднятый книгою схимонаха Илариона, не из настолько простых, чтоб мог его решать своим умом я, новичок в богословии, новичок в монашестве, — да если бы даже я имел и полное богословское образование, — это вопрос, требующий специальных знаний не только по богословию, но и метафизике, и патрологии, и мало ли еще по каким наукам... Не напрасно же, ведь, святые отцы заповедуют нам, простым монахам, не пускаться в догматические исследования: это дело — выше нашего ума!..”

Ничего подобного, кажется, не приходило в голову вчерашнего гусара-иеросхимонаха: “сознайтесь, о. Антоний: (ведь — правда?) он, по военной привычке, захотел приступом взять имя нового богослова, произвести впечатление своею “Апологией”, и стал сочинять новый догмат... Так явилась ересь имебожников.

Что же лежит психологически в основе новой ереси? Самочиние мысли, не искавшей “окормления” от Церкви.

Чего недостает несчастному гусару, облекшемуся прежде времени в одежды схимника?

Смиренномудрия, отречения от себя самого, от своего смышления и разумения.

Но если человек, избалованный воспитанием, успехами по службе, более или менее, хотя и по-светски, образованный, мог, начитавшись духовных книг без руководства, залюбоваться на себя, вообразить себя ученым богословом, то как объяснить себе, что простецы-то, им увлеченные: забыли долг послушания Церкви и упорно идут за ним вопреки голосу Церкви, призывающему их к послушанию?

Увы, и простецы способны заразиться тем же самочинием, каким заражаются и мудрецы! Если мудреца ослепляет самомнение, то простеца ослепляет его невежество. А общая причина одна и у того, и у другого — недостаток церковности в воспитании. Ни тому, ни другому никто в свое время не внушал, и им в голову не приходило, что в деле веры и жизни во Христе у нас нет своей воли, своего смышления: надо все, решительно все, проверять разумом Церкви и принимать в свою душу, в свое сердце, проводить в свою жизнь только то, что отвечает духу

Церкви, учению ее, преданиям ее, заветам ее. В вопросах сомнительных лучше сознавать свое невежество, немощь своего ума, чем мудрствовать по своему смышлению. Церковно-воспитанный человек постоянно стоит на страже своего сердца, своего мышления: так ли я думаю? не погрешить бы, да посмотрю-ка я у святых отцов? А что говорят митрополит Филарет, епископ Феофан-затворник, что пишут старцы подвижники: Макарий Оптинский, Георгий-затворник и другие? Не говорю уже о научных трудах по православному богословию, во всех его отраслях в творениях авторитетных архипастырей и учителей Церкви... Сознавая или, по крайней мере, ощущая себя инстинктивно, живым членом Церкви, он будет всячески оберегать свое религиозное миросозерцание от самомалейшего уклонения от учения Церкви, он будет постоянно искать живого общения и с теми, кого Церковь поставила руководителями в вере и жизни для чад. Он будет таким образом впитывать в себя самый дух церковности...

Я боюсь, что не все поймут, что я говорю: так далеко современность увела христиан от настоящей церковности! На явлениях отрицательных это будет понятнее.

У преподобного Аввы Дорофея рассказывается об одном монахе, который, когда ему говорили доброе о ком-либо из братии, уничтожал каждого и говорил: “что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему”. Потом начал и сих осуждать и говорить: “нет никого достойного, кроме Макария”. Спустя немного, начал говорить: “что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория”. Но скоро начал осуждать и сих, говоря: “что такое Василий и что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла”... Преподобный Дорофей говорит ему: “поистине, брат, ты скоро станешь и их уничижать”. И действительно: чрез несколько времени он начал говорить: “что такое Петр и что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы”... Чем же кончилось? Он возгордился и против Самого Бога, и лишился ума...

Пусть простят меня имебожники, мнящие “страдать за имя Божие”, если напомню им недавнее прошлое. Год тому назад они просили, желали, чтобы на Афон был послан русский епископ, ибо на месте у них не было авторитетного лица, который разъяснил бы им их недоразумение. Казалось, не было нужды для таких разъяснений лично являться на Афон епископу из России: достаточно было вопросить кого-либо из нас, епископов, и положиться на то, что решение будет дано вполне согласное с учением Церкви. Никто из нас не решился бы от своего смышления отвечать на такой вопрос, не проверив себя, и подготовился бы к ответу... Но пусть так, пусть нужно личное присутствие русского архиерея. Известно, что скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. Пока С. Синод решил послать меня на Афон, тамошние самозванные богословы уже порешили, что не только архиепископ Антоний волынский, но и Синод, и Патриарх — еретики... “Что Антоний? Что Никон? Что даже Синод и Патриарх? Вот — собор соберите: тогда мы послушаем!” Но, ведь, послания двух вселенских патриархов, писанные по обсуждении дела 12-ю митрополитами — патриаршим Синодом, послание нашего Св. Синода, принятое без всякого возражения всеми иерархами Русской Церкви, определения Св. Синода, касающиеся новой ереси, — все это стоит если не вселенского, то, по крайней мере, поместного собора? Во всяком случае, не то, что какой-то самочинный соборик 302 полуграмотных монахов в Андреевском скиту или нескольких сот таких же простецов в Фиваиде, решавших и постановлявших свои определения, изгонявших из обителей православномыслящих иноков... Ведь, с канонической точки зрения, такие “соборы” надо бы считать бесчинными сборищами, если бы не считать их просто детскими затеями... А вот, подите же: для имебожников эти “соборы” важнее постановлений и решений нашей церковной власти, решений вселенского патриарха, хотя на сих сборищах полуграмотных самочинников не было ни единого епископа. Но им и этого мало: они уже кричат в глупых, враждебных церковной власти газетах: “подавайте нам вселенский собор быть компетентным решителем нашего спора!” Но не надо быть пророком, что если святая Церковь, как любящая мать,

снизойдет и в этом их желанию, если для них, для их успокоения и соберет собор, по своему значению почти вселенский, то они не подчинятся и сему собору, и раз отпадшие от Церкви главари их не подчинятся решению собора и останутся в ереси...

Такова психология всякой ереси, всякого заблуждения!

И опять скажу: пусть не посетуют на меня имебожники: чем дальше отходят от Церкви, в духе, в мысли, их вожди, тем все ощутительнее становится для истинных сынов Церкви их отделение, как в живом теле чувствуется отмирание, отпадение члена, зараженного гангреною... Больно, что вот православные русские люди, да еще иноки, обещавшие Богу жить иначе, чем простые смертные миряне, иноки, бросившие мир и вся яже в мире, ради спасения душ своих, нарушив завет святых отцов — не пускаться в догматические исследования, их уму простому недоступные, впали в грех ереси, заболели тяжким грехом гордыни и осуждения всего тела Церкви, начинают заражать этою болезнию других, здоровых членов тела Церковного и наконец — отпадают от Церкви прежде, нежели сама Церковь отсекла их формальным судом... Да, больно это чувствовать!..

И должен бы об этом подумать в уединении своей родовой усадьбы их вождь, пока еще не лишенный сана, хотя и запрещенный в священнослужении, иеросхимонах Антоний Булатович! И вместо того, чтобы строить там какой-то приют для противящихся Церкви своих единомышленников, — пойти к святейшему патриарху вселенскому, пасть к его стопам, смириться и раскаяться в своем лжемудрствовании! Ведь, его обращение возвратило бы в Церковь ту тысячу несчастных простецов-монахов, которых он увлек за собою, которые не хотят — и слава Богу, что не хотят уйти от Церкви, считая себя, — увы! — в заблуждении своем — православными! Меня тронул рассказ киевского первосвятителя, что когда один, мнящий себя истинным сыном православной Церкви, боярин предложил имебожникам, приютившимся в Киеве в ожидании своей участи, отвести им землю в своем имении и построить монастырь, с тем, чтобы они “легализировались”, то есть, записались особою сектою, и были независимы от Св. Синода — все они в один голос заявили, что они такой независимости не желают, что хотят пребывать в Церкви Православной, только не хотят подписывать отречения от ереси, ибо считают свое учение правым...

До боли жаль этих несчастных, в простоте своей непонимающих, что первым, непременным условием единения с Церковию есть восприятие ее учения, во всей его полноте и чистоте, и подчинение своего смышления учению пастырей, Богом поставленных. И какой страшный ответ даст Богу тот, кто является виновником этого упорства, кто захватил в свое влияние их незрелые умы, кто овладел их простыми сердцами, если они пребудут вне лона церковного, если умрут такою же смертью, будут погребены таким же погребением — без отпевания по чину церковному, как несчастный игумен Арсений!

Слышите ли вы это, Антоний Булатович?.. Или и эти мои строки назовете лицемерием и “ужаснетесь ужасом велиим”, как это было — если только было — при чтении моего “доброго слова к имеславцам”?..

Смею думать, что под сими моими строками подпишутся все святители православной Церкви, по крайней мере — самый смысл их, самую суть моих желаний, несомненно, разделят все до единого! Киевские простецы-имебожники сердцем чувствуют непреложную истину, что только в единении с Церковию возможно спасение; они не могут только разобраться в той путанице понятий, какую в их души внесли вожди еретического движения, и боятся, как бы не изменить мнимой истине. Во всяком случае, можно думать, что если вы, о. Антоний Булатович, строящий, как говорят, у себя в имении какой-то приют для своих единомышленников, предложите им поселиться в этом приюте с тем, чтобы “легализовать себя”, как особую секту, то они отвергнут и ваше предложение, как отвергли предложение именитого графа: в этом

отношении сии простецы стоят куда выше вас, хотя вы и мните себя просвещеннее их! И мы надеемся, что они скорее вас примирятся с материю — Церковию и отвергнут осужденное ею ваше лжеучение...

ЖИВЫ ЛИ МЫ?

(Мое доброе слово верующим интеллигентам)

Часто приходится слышать от людей верующих, да и самому повторять: тяжелое время! вера гаснет в сердцах, зло надвигается отовсюду, а отпора ему нет, жить тяжело!

Все это — бесспорная истина. Но, ведь, надо же поискать и причину этого тяжелого положения. В самом деле: ужели оно так безвыходно, что остается только в отчаянии сложить руки и ждать общей погибели?

На одну из многих причин, хотя, может быть, и не главную, мне и хотелось бы указать... Прошу только выслушать меня без всякого предубеждения: ведь, я буду говорить с людьми верующими, а кто в Бога не верует, тот и не читай этих строк.

После моего возвращения с Афона меня со всех сторон засыпали вопросами: что? как? почему?..

Отвечаю: подождите немного, не спешите: напечатаю свой доклад С. Синоду — узнаете, в чем дело; только, ради Бога, не верьте газетам: так много в них лжи, клеветы, извращения фактов и всего дела, что трудно вам разобраться.

Появился мой отчет. Кто прочитал его — успокоился, если только верил мне, не считал меня лжецом. Иной, правда, высказывал еще недоумения, но они касались не сущности дела, а отношения к нему нашей печати. Но это уже другой вопрос...

Но большинство интеллигенции (опять говорю только о верующих) доселе не знает о существовании моего доклада и продолжает, опираясь на старые газетные сплетни, допрашивать меня: что там вы делали? что делает наше посольство?..

— Да вы читали мой отчет?

— Где? какой отчет?

— Напечатана “Церк. Вед.”, “Моск. Вед.”, “Колоколе”, в моем “Троицком Слове” во всех 60-ти “Епархиальных Ведомостях”, в некоторых патриотических газетах, честно относящихся к вопросам церковной жизни.

— Признаться, не читал. А вот в “Речи”, в “Биржевке”, в “Русском Слове”... пишут то и то...

Что на это скажешь?

Ведь, всеконечно, иудейская и иудействующая газеты, да и наши лжепатриотические “Дымы”, “Гражданины” и им подобные органы, пропитанные какою-то непонятною ненавистью к правящей церковной власти, к ее представителям, не станут печатать моего отчета. Вот, вырвать из него несколько строк, исказить их, окрасить в желаемый цвет — это они, пожалуй, сделают еще, а проще всего — замолчать. Так откуда же вы, верующие интеллигенты, можете знать истину о том, что творится в церковной жизни, когда не хотите в руки брать наших органов, когда — стыдно сказать — не знаете об их существовании? Что нам делать с вами, как осведомлять вас о том, что как будто интересует вас?.. Уж не рассылать ли вам всем по адрес-календарю свои статьи, все то, что, по нашему мнению, должно бы вас интересовать из нашей церковной жизни? Кажется, готовы бы мы и это сделать, по мере сил и средств наших, да будете ли читать-то? Простите: плохо верится этому. В беседе личной вы, как будто, интересуетесь, а

когда скажешь вам: прочтите, ну, положим, в “Церк. Вед.” или хотя бы в моем “Тр. Слове”: там я подробно все изложил, — слышишь вопрос: “Троицкое Слово”? Что это за издание? Никогда не слышал! Вы бы напечатали свою статью хоть в “Новом Времени”: все бы прочитали... Но что вы поделаете с этим газетным барином, с “Новым Временем”, когда туда не всякого из нас, даже архиереев, пускают? Об органах, находящихся в руках жидов и их приспешников всякого рода — нечего и говорить: там готовы насмеяться над нами, наклеветать на нас, а напечатать наше слово — ни-ни, ни за что!

Ужели это вам не известно, верующие русские люди?

— А кто знает о ваших изданиях, — слышу я ответ: кто слыхал о каком-то “Троицком Слове”, кто читает скворцовский “Колокол”?

— Да, вот о “Троицком Слове” я говорю вам: всего стоит 1 рубль в год, за 50 №№, и есть у меня небольшая семья читателей, тысяч пять, которые не ленятся посылать этот рубль в редакцию, (говорю: не ленятся, ибо у кого же из “интеллигентов” рубля не найдется?), а что касается “скворцовского” “Колокола”, то — простите: это пренебрежительное прилагательное показывает только ваше предубеждение против газеты, основанное на постоянных клеветах на нее со стороны читаемых вами “Биржевок”, “Речей” и прочей иудейской челяди. Правда, кто без греха, особенно в ежедневной спешной газетной работе; может делать промахи и “Колокол”, но все же это орган, заслуживающий благодарности русских людей: в нем сотрудничает до 15-ти иерархов, почтенные профессора духовных академий, многие протоиереи и церковные деятели, ни мало не стыдясь, а за честь почитая подписывать в этой газете свои имена... А вот вы как будто стыдитесь в руки взять эту газету... Что ж? “Биржевка” или “Вечернее Время”, с их сотрудниками из расстриг или прогнанных со службы “профессоров”, в ваших газетах осведомленнее и авторитетнее “скворцовской” газеты?..

Но пусть “Колокол” — неважная газета: нас, православных русских людей на Руси наберется не один миллион: почему же не создадим мы своей хорошей православной газеты ежедневной? Не стыдно ли нам, что жиды сумели захватить в свои поганые руки сотни наших газет, а мы не можем поддержать — не говорю уже новую создать — а хотя бы поддержать одну уже существующую газетку?! Ведь, все и дело в том, что при ничтожных средствах трудно поставить газету так хорошо, как бы хотелось.

Впрочем, пожалуй, скажут, что я рекламирую “скворцовскую” газету. Ну, давайте же издавать свою церковную газету! Надо сознаться, что газета стала потребностью современного интеллигентного человека, как чашка утреннего чая или кофе, как... для курящих папироска. И вот, встает русский человек, садится за чай и берет... жидовскую газету... И ныне, и завтра, и так изо дня в день впитывает он в себя, незаметно для самого себя, яд отрицания, яд вражды ко всему родному, святому, церковному, невольно перевоспитывает себя, подменивает свое миросозерцание, свои понятия, воззрения, а затем и — свои сочувствия, склонности. Проходят годы; и если бы человек вздумал в добрую минуту оглянуться на самого себя, сравнить себя в настоящий момент с тем, чем он был десятки лет назад, в отношении к Церкви, к церковной власти, к народным идеалам, то себя не узнал бы... А, ведь, казалось бы, да и наше самосознание говорит, что душа — не то, что тело: она всегда должна быть одна и та же, все, что она скопляет в жизни: знание, опыты, наблюдения — все это “благоприобретенное” должно бы ею усвояться разумно, не изменяя ее самой, не подменивая нашего “я”... Наше “я” должно бы быть хозяином в том, что приходит к нему со вне, разбираться в том, что доставляет ему и наблюдение, и чтение, и опыт... Доброе усвоять, худое отбрасывать. Не позволять вторгающимся в душу недобрым впечатлениям хозяйничать, порабощать душу, а выпроваживать вон этих непрошенных гостей. А если можно, то и двери пред ними затворять поплотней, — т.е., вовсе в руки не брать этих пахучих газет, журналов и книг. Надо оберегать свою душу от этой нечисти.

Надо еще и то сказать: слишком не бережливы мы на время. Еще в старой грамматике Востокова мы учили: “время драгоценно; ничем его не замените; худо — не беречь его; употреблять его на зло — еще хуже”. Приходится ныне напоминать эти азбучные истины современному интеллигенту, особенно когда идет речь о чтении. Читают все, что подсунут изобретательные авторы и редакторы — из “текущей литературы”, читают как новинку, лишь бы читаемое щекотало чувство пытливости или — питало ту или другую страсть. А взять в руки хорошую, особенно духовно-нравственную книгу — все недосужно: так и вся жизнь пройдет — не соберутся прочитать! А жизнь течет и течет, дни за днями, годы за годами, смотришь — уже надвигается и старость... С каким багажом пойдем туда, откуда нет возврата? Добрых дел нет; покаяния не приносим; молитва молчит; а душа полна газетного мусора.... Страшная пустота, и отсюда — томление духа!

Я говорю с верующими, и потому напоминаю о грядущей развязке, о неизбежной катастрофе в личной жизни каждого. Но и в настоящей земной жизни потеря времени невознаградима. Англичане говорят: “время — деньги”. Нет, его не купишь ни за какие деньги. Вчерашнего дня не вернешь. А между тем пустое чтение газет страшно засоряет душу, приучает ум к верхоглядству, легкомыслию, непростительной самоуверенности, рассеянности, делает неспособным к серьезному труду, сосредоточенности и напряжению мысли, — кто из нас не знает сего по опыту? Знаем, и однако же — как только встанем с постели, сядем за чай — так подавай газету, да еще не одну...

А в наше время это вдвойне стало опасно: враги Церкви и государства отлично подметили эту нашу слабость и пользуются ею, чтобы отравлять нас тем ядом, о коем я говорил выше. И, ведь, вот что больно: они принимают все меры, чтобы мы не могли иметь под рукою противоядия. Нынешнее лето пришлось мне два раза пересечь Россию с севера на юг и обратно по разным железным дорогам, и что же? Нарочно на всех узловых станциях спрашивал газеты патриотического направления и нигде — ни одного N ни “Колокола”, ни “Моск. Вед.”, ни “Русского Знамени”: даже мальчишки-продавцы будто стыдятся этих названий! Зато “Речи”, “Рус. Слова”, разных “Утр” — таскают целые кипы. Замечательно, что когда я спрашивал “Моск. Вед.”, то на нескольких станциях мне подсовывали “Русские Вед.”. А на мое замечание, зачем меня обманывают — отвечали: “да ведь и эти в Москве издаются!” Это, конечно, не случайность: это — бойкот порядочных изданий, это — заговор против русского человека, это — намеренное отравление его ядом современных мудровании. И никому из нас дела до того нет! Никто не пожалуется на это кому следует: напротив, спокойно дают деньги продавцам и берут себе порцию яда, именуемого газетою, и читают, хотя иногда и отплевываются, как от плохой папироски. И это — все, не исключая самых добрых патриотов: “что же делать, если другой газеты не найдешь?”.. Вот и весь наш протест!

Иногда приходит на мысль: да живы ли мы? Не умерли ли? Не бродит ли вместо нас по Русской земле одна тень наша? В самом деле: если правда, что мы еще живые русские православные люди, люди, в Бога верующие и Русь свою любящие, то как объяснить это равнодушие наше ко всему, что творится вокруг нас, это непростительное непротивление злу, нас же отравляющему? Я не об одних газетах говорю: присмотритесь к жизни общественной; где вы, русские православные люди?! Киев посылает в Г. Думу лютеранина: не стыдно ли всей Руси из-за этого выбора? Не нашлось, видите ли, в колыбели русского православия, в матери городов русских, человека православного! Москва избирает себе в головы католика: этого еще недоставало для сердца православной России! Всюду почти верховодит инородец, инославец, а если и русский по имени, то хуже всякого инородца! О том, верует ли человек в Бога, ныне при разных выборах и не спрашивают! А уж о православии не смеют и вопроса ставить... Правду сказал мне недавно один мудрый святитель: “не обманываем ли мы, пастыри, сами себя, когда считаем паству свою миллионами? Посмотришь поближе, — язычество и неверие в

интеллигенции, язычество и суеверие в простом народе: где же христианство? много ли среди нас христиан?" Другой сказал: "меня больше всего страшит это, — сказал бы я — какое-то академическое отношение русских людей к тому, что переживает ныне Россия. "Истинно русские" люди немало говорят, читают умные лекции о задачах и идеалах "правых" сообществ и, в то же время ссорятся между собою на радость врагам, а дела, настоящего дела, не видно, как будто дело делать — не их забота... Мертвеем мы, умираем!"

Простительно было такое "академическое" отношение к положению дел на Руси тогда, когда темные силы не выходили наружу, не работали так открыто, так энергично для разрушения Церкви и отечества нашего. Теперь — совсем иное дело. На наших глазах ведется подкоп под все основные устои нашей Руси православной; мы не можем не видеть, как постепенно, но и настойчиво, постоянно, камушек за камушком, песчинку за песчинкой извлекают из-под основания Руси, как подменивают, перевоспитывают миросозерцание нашего народа, как отравляют ум и сердце его разлагающими учения социализма, атеизма, и прочих жидами изобретенных "измов"... Если мы живы, если еще не отпали, как мертвые члены, от живого народного тела, то ужели не чувствуем боли от всего этого? Да кто же, как не мы, мыслящая часть народа, должны и чувствовать, и сознавать, и целым сердцем искать выхода из такого положения, искать спасения для народа, и для себя, стоять во главе народа и руководить им? Не пастыри только, но всякий преданный Церкви, любящий родину-мать, должен болеть их болезнями, страдать сердцем их страданиями, а не ограничиваться академическими рассуждениями: такие рассуждения только обличали бы нас, что мы стоим где-то в сторонке и не живем одною жизнью с Русью, а смотрим на нее, как на нечто для нас внешнее, постороннее... И если мы ничего не придумываем, ничего не делаем для спасения народа, то что же может придумать сам народ, которого всячески сводят с исторических путей, уводят подальше от Церкви, сбивают с толку, отравляют сектами, недоверием к власти, пьянством, хулиганством (поблажая этим порокам безнаказанностью)? Было время, когда не тронуто было религиозное миросозерцание народа, и тогда среди народа росли и в минуту трудную выходили Минины, а ныне их что-то не видно...

Вот и думается: если бы мы были живы, то поменьше говорили бы, а побольше делали.

Если бы были живы, то понимали бы всю опасность переживаемого времени для нашего народа, для Церкви нашей, для отечества.

Если бы были живы, то теснее объединялись бы, прощали бы друг другу некоторое разномыслие, ценили бы друг в друге то, что дорого, исправляли бы друг друга не сарказмами, не бессердечной критикой (оставим эти средства нашим врагам!), а спокойным словом любви и взаимного братского вразумления.

Если бы были живы, то давно бы была у нас своя церковная хорошая ежедневная газета, которая освещала бы с православной точки зрения все явления современной жизни: церковной, общественной, государственной и отвечала бы на запросы этой жизни твердо, ясно и спокойно-авторитетно...

Если бы мы были живы, то не посмели бы продавцы отказывать нам в правой газете, не смели бы обманывать нас, предлагая либеральный листок вместо хорошей газеты только потому, что и этот листок издается в Москве...

Если бы мы были живы, то и в Государственной Думе, в Г. Совете, да и во всех государственных и общественных учреждениях, большинство состояло бы из русских православных людей, и вся жизнь государственная шла бы по намеченным нашею историей, нашими мудрыми предками путям.

Но что говорить о том, чего не видишь? Если действительность резко противоречит мечтам?

О, как бы я был рад убедиться, что я ошибаюсь, пиша эти строки, что мы, т.е., все те православные русские люди, которые называют себя “правыми”, еще способны дать дружный отпор нашим общим врагам, способны отбить у них захваченные ими позиции и помочь несчастному народу, сбиваемому с исторического, Богом ему указанного пути, вернуться на этот путь и пойти к своему великому назначению! Как бы мне хотелось громко крикнуть на всю Русь православную:

— Кто жив человек? — Отзовися!..

Только не словом: слов довольно, а делом, делом любви к Церкви православной, нашей матери благодатной, делом любви к родине многострадальной, делом любви к народу, смущаемому в своей совести, делом любви к Царю-Помазаннику Божию...

СМИРЕННОМУДРИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

I

В святоотеческих писаниях, как в мало разработанных алмазных копях, часто встречаются такие чудные бриллианты, что глядишь на них — не налюбуешься, вдумываешься в глубокий смысл этих, воистину, духоносных изречений и — не надивишься их чистоте, истинности и жизненности...

Вот одно из таких изречений, записанное тысячу триста лет назад, на Богошественном Синае, но имеющее особенную ценность для нашего времени, как будто великий авва Иоанн, автор дивной “Лествицы, возводящей на небо”, нарочно записал его для нас, отдаленных его духовных, потомков и учеников. Внимайте, православные люди!

“Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном или еретике. Исправление сие (то есть, качество, добродетель) принадлежит одним православным, благочестивым и уже очищенным” (“Лествица”, ел. XXV, гл. 33).

Дивное слово! Святая истина!

Само собою понятно, что святой Лествичник под словом “смиренномудрие” разумеет не смиреннолукавствие, какое свойственно неправославным, равно и под словом “православные” разумеет не тех, кто числится таковым только по метрикам. “Смирение, говорит он, есть безыменная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом”; это не есть особая добродетель; это — общее свойство всех добродетелей, совершаемых православным христианином; это — аромат, которым благоухает душа православного и все его деяния; это — постоянное настроение его, воспитываемое им в себе, по заповеди Господа: научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29); это — христоподражательное свойство христианской души, сообщаемое ей благодатию Христовою и привлекающее к ней сию благодать. А область воздействия благодати спасающей есть святая Церковь с ее богоустановленными таинствами, ее постоянным общением с Церковию небесною и с Самим Господом ее — Господом Иисусом Христом в святейшем таинстве Евхаристии. Посему наше святое православие носит в себе, как существенный нравственный признак своего божественного происхождения и чистоты — христоподражательное смиренномудрие.

Недавно вышла книга г. Ю. Колемина: “Римский духовный цезаризм”. С удовольствием прочитал я это произведение православного мирянина, вступившего в единоборство с ученым папистом Пальмиери. На всех пунктах православный самоучка-богослов разбивает своего противника православным понятием о Церкви, как о живом теле Христа, как об организме любви, объемлющем всех спасаемых во Христе, — везде отнимает у него почву из-под ног и

остается неуязвим ее стороны ученого паписта. Да, Церковь есть живой организм любви, вся покрывающей, вся оскудевающая в нас восполняющей, ибо Глава ее — сама воплощенная Любовь. Но в порядке нравственных понятий смиренномудрие есть матерь самой любви, ее основа, первая ступень к совершенству и к любви в лествице блаженств евангельских. Сама воплощенная Любовь глаголет: научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. Где нет смирения, там нет места для любви. Только смиренным дается благодать истинной любви. Рим все свое миросозерцание построил на началах права, и притом языческого, а холодное право не уживается с приснопламенеющею любовью. Где проявляет себя одно право, там открывается дверь гордыне, а где возносит голову гордыня, там нет и тени любви.

Орган любви есть сердце, а сама любовь есть смирение сердца. Кто не способен смириться, тот не способен и любить. Я скажу больше: тот не способен восприять в свое существо великую святыню — самый дух православия, как истинного христианства, ибо воистину, “исправление сие принадлежит только православным”, и притом “живущим благочестиво”, в своей жизни осуществляющим идеалы православия, и даже — “уже очищенным”, победившим в самих себе страсти, или же, по крайней мере, всеми силами стремящимся к такой победе. Позволю себе пополнить раскрытие понятия о православии, сделанное г. Колеминым, подчеркнув в нем именно этот существеннейший признак — смиренномудрие. Конечно, и латинские богословы могут сказать, что и у них смирение — на первом плане, ибо где безусловное, слепое послушание авторитету, там нельзя же отрицать и доли смирения. Но в том-то и разница, что там смирение мертвое, рабское, внешнее, подневольное, а в православии оно живое, деятельное, внутреннее, свободное, как атмосфера жизни, как дыхание всех объединяющей любви Христовой. Если нужен авторитет, то он имеется и у нас налицо: это — сама Церковь, Христом возглавляемая. Любя ее беззаветно, мы смиренно склоняемся пред ее авторитетом, ибо знаем, что она — наша любящая мать и непорочная невеста Христова, она нас не обманет. Мы потому и веруем в нее (верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь), что для нашего ограниченного разума в ней так много непостижимого, а ее глава — Сам Бог всесовершенный, ее одушевляет Сам Дух животворящий, Дух истины и жизни Податель. И в этой нашей вере в Церковь, в самом основании сей веры, лежит все тот же дух смирения, ибо вера и есть, по ее проявлению в нашей духовной жизнедеятельности, смирение нашего разума пред Божиим всеведением, причем сей разум рукою смирения восприемлет от Божия всеведения святые истины веры, и, не испытуя ему неведомого, слагает их в сокровищницу сердца, как драгоценные самоцветные камни среди камней, так сказать, искусственных, то есть, знаний, добываемых нами посредством наук или опытом жизни.

Я указал на авторитет Церкви. К сожалению, самое понятие о Церкви в среде именующих себя ее сынами не одинаково. Одни — простецы, при слове Церковь, прежде всего вспоминают храм Божий, а когда им пастырь говорит, что Церковь православная учит тому-то, начинают смутно — скорее чувствовать сердцем, чем догадываться умом, что это не просто стены храма, а что-то иное, высшее, их уму недоступное, но сердцу родное, и — именно младенчески веруют в Церковь. Другие, коих коснулась европейская Цивилизация, под влиянием западных неправославных взглядов, склонны разуметь под словом “Церковь” почти только иерархию, а иные, наоборот, безразлично и народ верующий и самую иерархию, не придавая последней особого значения. Первое понятие неясно, неопределенно, но его недостаточество покрывается смирением веры в Церковь, как Божественное учреждение. Остальные два, как истекающие из западного миросозерцания, не могут быть признаны православными. Г. Колемин, вслед за Хомяковым, определяет Церковь, как организм любви, как живое таинственное тело Господа Иисуса Христа. Это согласно с учением Апостола Павла о Церкви. Церковь, как живой организм, объединяет в себе всех спасаемых во Христе, от первозданного Адама до последнего

христианина, который примет св. крещение, быть может, в последний день мира, в день пришествия Христова. Они вообще объединяются верою, а в новом завете — иерархией, или священноначалием, и таинствами, наипаче же таинством Тела и Крови Господней: един Хлеб — едино Тело есмы мнози, говорит св. Апостол,— вси бо от единого хлеба причащаемся. И кто хочет не на словах, а на деле быть живым членом сего спасительного организма любви, тот прежде всего должен помнить 9-й член Символа веры: верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Слово: "верую" говорит больше, чем слова: знаю, убежден, понимаю и принимаю. Верую значит: безусловно приемлю, как истину, хотя и не вполне умом понимаю; доверяюсь всецело авторитету чистой истины, содержимой и возвещаемой Церковию. Верую в Церковь, потому что верую в невидимую очами телесными Главу ее — Господа Иисуса, потому что невидимые телесными очами все члены ее, уже к Богу отшедшие, в Церкви небесной пребывающие. Верую, что святая Церковь, в полноте своей, непогрешима, ибо ее Глава — Христос Спаситель греху непричастен и заблуждаться не может. Верую, что когда есть нужда раскрыть ту или другую сторону истины учения Христова для немоществующих чад Церкви, Христос не допустит Своей Церкви, в ее полноте, впасть в ересь. Среди тех, кому Он вверил по преемству от Апостолов хранить чистоту учения Своего, заповедав прочим повиноваться им: слушаяй вас Мене слушает, и отметаяйся вас Мене отметается, — среди пастырей и учителей Церкви, облеченных благодатию священства и руководимых сею благодатию, у Него всегда есть носители и провозвестители чистой истины Его учения, отсекающие свое смышление пред разумом Его Церкви, открывающие ум и сердце свое пред Ним, с готовностью исполнить святую волю Его, хотя бы для сего и душу свою положить подобало. "Выходит, говорит г. Колемин, что, по латинскому взгляду, в недрах Церкви якобы существует такая отдельная часть, такая корпорация, которая называется "Церковь учащая" и которая, имея, по социально-иерархическому положению юридическую монополию веры и благодати, осуществляет эту монополию суверенным учительством. И сие "учительство" выражается в законодательстве по вопросам веры, т.е. в суверенном объявлении догматов веры". — Это, конечно, учение латинское, где все сводится к "юридической" точке зрения, "к монополии", "суверенитету". "Ничего православного в этом нет", говорит г. Колемин. В такой юридической постановке, конечно, нет. Но как в живом теле есть "око", "ухо", "руки", "ноги", так и в теле Церкви Христовой, по слову Апостола Павла, есть различные "служения", и Господь поставляет в ней пастырей и учителей, и мы веруем, что благодать хиротонии не бывает в них тщетна. Апостол говорит, что Господь поставляет их именно в созидание тела, Церкви Своей, в назидание, в поучение, в руководительство чадам Церкви. Под их водительством должна "возрастать" Церковь Божия, как нива Христова, как здание Божие. Выясняя смысл слова: "Церковь Учащая", г. Колемин говорит: "мы признаем это слово, поскольку "Церковь учащая" относится к специальным обязанностям словесного учительства, помощи душевной для ищущих благого совета и христианского подвига. Этим высоким обязанностям посвящают себя пастыри". И тут же, в примечании, оговаривается, что тут речь идет "не о благодати рукоположения на совершение таинств, ни о законном управлении богопоставленными пастырями Церковью Христовой на земле". "Но если бы светское лицо хотело следовать этому примеру, и если бы оно хотело таким образом жертвовать собою на служение другим, то и для него этот путь открыт". Конечно, в семье родители должны учить своих детей вере и благочестию; конечно, то же должны делать и наставники в школах; конечно, каждый верующий, во имя любви должен, если может, помогать спасению ближнего добрым советом, научением, вразумлением. У нас даже есть целый класс мирян, поучающих вере и догматам веры: это — миряне-миссионеры. В этом смысле, конечно, "вся Церковь Христова есть Церковь учащая", как говорит г. Колемин. Но это положение требует оговорки. Все это "учительство" мирян, по идее церковности, должно проходить не иначе, как под руководством Богом поставленных пастырей Церкви, с их благословения, по их указаниям, хотя бы в уважение к благодати хиротонии, коей сила не

ограничивается только “совершением таинств и управлением”, но, несомненно, простирается и на их учительскую деятельность, яко преемников апостольского служения. А затем миряне учительствующие должны сие сделать и во имя христианского смирения пред авторитетом Церкви, служителями коей являются носители священного сана. Возможно, конечно, что иной мирянин понимает догматы веры глубже иного пастыря, благодатию священства облеченного; но, ведь в общем-то порядке, даже и помимо благодати хиротонии, пастыри Церкви ближе стоят к источникам вероучения, подготовляются в особых школах, всю жизнь свою посвящают святому делу учения веры — по идее пастырства это бесспорно ведь: кто же больше отвечает за чистоту догматов веры, как не пастыри? От самочиния в деле учительства веры происходят ныне все ереси. Нельзя предоставить без всякого надзора право учительства всякому, кто именует себя православным. Если бы все православные были люди идеальные, смиренные, достаточно сведущие в учении своей веры, тогда еще можно было бы снисходительно смотреть на их учительство: но в наше-то время, когда волки постоянно надевают одежды овечия, когда среди самих именуемых немало еретичествующих, возможно ли пастырям смотреть спокойно, как расхищается их стадо? Г. Колемин говорит, что епископы и, вообще, пастыри являются только “свидетелями веры” своих паств. Но если паства-то вся заразится каким-либо лжеучением, то ужели, например на соборе, пастырь должен свидетельствовать веру своей еретичествующей паствы? Нет, охрана чистоты догматов веры, составляя обязанность всей Церкви, в частности, в отношении к отдельным паствам, лежит, главным образом, на пастыре их. Я счел полезным сделать эти оговорки к книге г. Колемина в виду той опасности, какая грозит нам от утверждения, без всяких оговорок, будто каждый член Церкви имеет право учительства...

II

Обращаюсь к главному предмету, о коем говорит книга г. Колемина.

Папист, коего ум пропитан юридическими началами, непременно требует и в области догматов веры строго логических построений, до йоты определенных, поставленных на то место, какое укажет ему его схоластически настроенный ум. А поелику богооткровенные истины веры далеко не укладываются в эти рационалистические рамки, то он и создал себе авторитет в лице папы, который требует безусловно принимать, как непогрешимую истину, все то, что он признает за истину. В сущности, он хочет уложить все истины веры в рамки знания, не давая места самой вере. Таким образом является горделивое поползновение объять умом необъятное. Но это, как я сказал, ему не удается, и вот он заставляет верующих насилием — авторитетом — веровать чему? во что? Веровать уже не в святую соборную и апостольскую Церковь, а — в папу, в его авторитет, без которого будто бы нет авторитета и Церкви. Страшно за человека, который берет на себя, — нет, надо сказать сильнее — похищает у Церкви, у Самого Христа, вечной Главы Церкви, Его Божественный авторитет! Как будто недостаточно, по крайней мере для Церкви земной, сей Главы и необходима еще видимая глава — папа! Да, ведь, одна мысль об этом есть уже оскорбление Христа, есть акт неверия и вместе страшной гордыни человеческой! Напрасно паписты читают слова Символа: верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь; им следовало бы читать: верую во единого папу... Ибо, как ни странно это: желая олицетворить Церковь, они насильно заставляют веровать в авторитет папы, поставляя сей авторитет на место авторитета Церкви, и получается вера в папу...

Так наказана горделивая попытка ума человеческого заменить веру знанием, смирение пред авторитетом Церкви, как живой носительницы и провозвестницы истины Божией, руководимой Духом Божиим, — безусловным, слепым преклонением пред авторитетом грешного человека. Невольно приходят на память слова Писания: Запинаяй премудрых в

коварстве их... Солга неправда себе... Невольно просится на уста жестокое слово: не есть ли это уже идолопоклонство?..

Папист говорит: где же у вас окончательное решение вопросов веры? У нас, католиков, папа окончательно решает: где истина? А у вас?

Прежде всего: а где и в чем ручательство, что ваш папа в своем решении непогрешим? И что если этот ваш авторитет рухнет, что не раз и случалось в истории вашей церкви? Были, ведь, папы и еретики, “бывали времена, когда Рим был вместилищем всех ересей”, как говорит г. Колемин, ссылаясь на исторические факты. Как тогда?..

А мы веруем в Церковь, в ее непогрешимость, и вера наша оправдана историей: на пространстве 19-ти веков существования Церкви никогда не случалось, чтобы она вся погрешала: от сего хранит ее незримый Глава ее, Господь Спаситель наш. Еретики являлись в ней, но, как чуждые духу любви, как чада гордыни, отпадали от нее, как отпадают омертвевшие члены от тела, отсекаемые или видимым судом самой Церкви, или невидимым судом Божиим, за тяжкий грех осуждения Церкви, а сама Церковь, ограждаемая христоподражательным смирением, оставалась провозвестницею истины, которая воссиявала в ней — чистая как солнце. И дивное дело: в то время, как во главе всякого еретического движения всегда становился вождь-ересеначальник, именем которого и назывались потом его последователи (ариане, несториане, евтихиане, в позднейшее время — лютеране и многое множество других), в Церкви Божией провозвестники истины, пастыри и учители Церкви, поборая за истину веры во главе своих паств, так тесно сливались своим смиренномудрием с своими паствами, с сим телом Церкви, что никогда никому и на мысль не приходило их имена прилагать к самому исповеданию православной истины. Если являлась нужда, для охраны самой истины свидетельствовать о ней в словесной форме, то это делалось на соборах; если же такой нужды не было, то истина принималась безмолвным согласием всех частных церквей. Слышен был голос богомудрых учителей Церкви, но этот голос только тогда являлся голосом всей Церкви, когда он принимался всею Церковию или гласно, свидетельством собора, или же безмолвно, как бесспорная истина. Ясно, что чада Церкви, как пастыри, так и миряне, в своем смирении не дерзали свое личное мнение выдавать за учение всей Церкви, пока сама Церковь так или иначе не одобряла его. И в этом сказывалось веяние духа Христовой любви, Христова смирения, веяние Духа Божия, присно живущего в Церкви Божией и ею управляющего. Первый ставил себя последним — не на словах, как в папстве, а самым делом, и в жизни, и в мысли всемерно стремясь всецело слиться со всею Церковию, дабы, лично оставаясь как бы в тени, тем действеннее быть живым членом сего тела Христова. Паписты всегда и всюду требуют, чтоб истина была утверждаема так сказать — протокольным путем, как нечто новое: Церковь принимала и принимает ее как изначала от Христа и Апостолов преданное сокровище, не придавая первенствующего значения букве догмата, а проникая в его дух и преклоняясь пред его сущностью. И это совершалось как-то естественно: ложь отступала, а истина воссиявала и укреплялась в общецерковном сознании сама собою, или, лучше сказать — действием Духа Божия.

Я сказал, что истинно православный сын Церкви и в мысли, и в жизни постоянно стремится быть едино с Церковию — живым членом ее таинственного тела. Самые догматы веры он изучает опытом духовной жизни, в смиренном послушании Церкви, ища во всем единой воли Божией. В то время, как латинянин напрягает ум, чтобы усвоить истины веры в стройной логической системе, сын Церкви православной, всецело доверяясь своей матери-Церкви и свято храня то, что она приняла от Христа и Апостолов, твердо помнит, что вера и ее истины познаются не чрез книжное только учение, не умом только, но наипаче сердцем, чрез исполнение воли Божией в заповедях Христа Спасителя. Можно всю Библию, все богословские науки знать наизусть и в то же время не знать своей веры... Как это ни странно, но это верно!

Говорят, что за границей, в наших русских православных храмах, за неимением певчих, приглашают немцев, французов и других иностранцев, которые и исполняют наши церковные песнопения на славянском языке, не зная сего языка. Секрет в том, что они под нотами наши славянские слова подписывают своими буквами, и потому воспроизводят их в пении. Само собою понятно, что смысла их они не понимают. Вот то же самое бывает и тут. Самый ученый профессор, изучающий православные догматы, хотя бы он даже по имени был и православным, но если он не проводит в жизнь то учение, какое изучает, если не живет общею жизнию с самою Церковию, если не проходит опытом хотя бы только самую азбучку духовной жизни, как она начертана в писаниях отцов Церкви, — он не может познать по духу Церкви и тех догматов, какие он изучает. В крайнем случае, этот недостаток опыта он должен восполнить смиренным сознанием немощи своего разума и довериться опыту святоотеческому, опыту тех, кто подвизается подвигом добрым в исполнении Господних заповедей, под руководством опыта всецерковного. На вопрос: кто узнает об учении Христовом, от Бога ли оно? — отвечает Сам Христос: тот, кто хочет творить волю Его (Иоан. 7, 17). Не сказал: исследуй умом, изучи по книгам, а просто: твори волю Божию и познаешь, что Мое учение от Бога, что оно истинно и спасительно. А воля Божия — в заповедях Его животворящих. И этот путь к познанию истин веры и пути спасения является в одно и то же время и кратчайшим, и вернейшим, и общедоступнейшим. Не требуется при этом многолетнего изучения богословских наук, довольно знать заповеди Божий да то, чему учит Церковь Божия повседневно; довольно смиренного послушания Церкви, и самая безграмотная женщина познает то, что ей потребно для спасения, и, не умея в словах выразить свидетельство своей веры, сердцем будет чувствовать спасительность своей веры, и сего будет для нее достаточно, чтобы спастись. И как поразительно эта живая вера простецов иногда — так сказать — прорывается в их простых словах! Вот, старушка идет из храма Божия, где почивают мощи угодника Божия, поклониться которому она пришла за сотни, может быть, — за тысячи верст... Тихие слезы умиления текут по ее старческим ланитам. — “О чем ты плачешь, бабушка?” спрашиваю ее. — “С угодничком простилась”, просто отвечает она... Вот, сгорбленный под тяжестью своей дорожной сумы, старичок не может проникнуть даже внутрь ограды Троицкой лавры в день ее 500-летнего юбилея: он стоит на противоположной горе и горячо молится угоднику Божию. Ему говорят: “ты бы, дедушка, пришел в другое время: видишь, как ныне тесно, тебе не придется и увидеть мощей угодника Божия!” А он отвечает: “я-то, грешный, его не увижу, да он-то меня видит!” — Я спрашиваю ученых богословов: что это, как не исповедание нашего православного догмата о ходатайстве святых, о благодатном нашем общении с Церковию небесной? А ведь ни этот старец Божий, ни та старица конечно, ничего и не слышали о таком “догмате”, но вот посмейте сказать, что они не знают его! И думаю я, что они знают сей догмат получше, поглубже всех ученых догматистов, не исключая и многих из нас, пастырей Церкви! Чувством сердца знают они и, как видите, устами исповедают, что если мы не будем лицемерить, если некое горделивое сознание нашего умственного превосходства над простецами, в отношении нашего “научного” образования, не ослепляет нас, то мы должны признать, что Сам Дух Божий, живущий в Церкви, глаголет их смиренными устами, поучая и нас смирению и напоминая слова Спасителя: утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем — вот этим простецам, младенчествующим умом, но верою превосходящим нас!.. Церковь сказала сим младенцам: святые Божии любят нас, молятся за нас, Бог слышит, и приемлет их молитвы: молитесь! призывайте их! И они стали молиться, доверившись матери-Церкви, что она не может погрешать, что она, любя их, заботится об их же спасении; и святые Божии слышат их молитвы, откликаются на них своими молитвами пред Богом; и вот, их сердце опытно чувствует истину догмата о ходатайстве святых, сообщает это их младенчествующему уму, ум смиренно усматривает в сем чувстве оправдание слышанного им от Церкви догмата, и является исповедание догмата как сердцем, так и умом, хотя и не в той точной формуле, в какой он

отливается школьной наукой. Так жизнь по вере открывает разуму простеца сущность догмата, который для него становится живой истиной, ясною для него, может быть, более, чем для ума ученого богослова, живущего только умом, познающего ту же истину только из книг... И если сей богослов обладает “мытаревым златом”, если в своей личной Жизни и своем общественном служении руководится смирением, то он купит себе на это “злато” урок богословия у простеца, извлечет из его опыта духовную себе пользу, а любовь соделает то, что сей опыт простеца оплодотворит книжное знание мудреца. Так, ведь, и всегда бывает в живом теле Церкви Христовой: будучи друг другу, по выражению Апостола, удове, члены, мы и должны восполнять духовные недостатки один другого, вся же вам любовию да бывают!

Вот, если угодно, в каком смысле мы с любовию принимаем положения, высказанные г. Колеминым: “вся Церковь Христова есть Церковь учащая и каждый член ее беспрерывно дает и получает поучение в вере благодатной и живой”. Самое учительство ее — есть дело любви, и совершается во имя любви, в духе смирения и все той же любви.

Смирение, как я сказал уже, есть стихия православной жизни. Инославные даже понять этого не могут. Пальмиери отнесся свысока, пренебрежительно к ответу простого грека-иеромонаха на вопрос: признает ли сей грек его, Пальмиери, крещенным? Грек ответил: “Бог разберет!” — Г. Колемин справедливо замечает, что “в этом простом ответе было больше смирения и мудрости, чем во всем человеческом мудровании Рима”. Если бы Пальмиери предложил тот же вопрос такому великому подвижнику и ученому богослову, как святитель Феофан-затворник, он и от него услышал бы тот же ответ. По крайней мере, на вопрос: спасутся ли католики, он отвечал в своих письмах: “спасутся ли природные католики — не знаю; знаю только, что если я покину православие и уйду в католицизм, то, несомненно, погибну”...

Это напоминает мне рассказ из древних патериков об одном подвижнике, к которому привели бесноватую девушку и просили его помолиться об ее исцелении. Гонимый молитвою бес сказал подвижнику: “уйду из нее, если ответишь мне на вопрос: кто овцы и кто козлища?” Старец Божий отвечал: “кто овцы — Бог ведает, а козлище — это несомненно я!” И бес оставил девицу, опаленный пламенем смирения праведника...

В наше время, судьбами Божиими, русский народ является хранителем сокровища православия, этого “залога счастия всего человечества; от того, что именно он сделает с этим залогом, зависит и его судьба”, говорит г. Колемин в заключение своего труда. “Таково призвание нашего народа, для этого он избран, и если он от этого своего призвания откажется, то будет выброшен за борт, как негодное орудие Божественного Промысла. Сия есть правда твоя, русский народ!” восклицает почтенный автор. “О, если бы это сознание исторического долга проникло до глубины души всякого русского, о, если бы оно укоренилось там и сделалось бы однозначущим чувством русского патриотизма!”

Целым сердцем присоединяемся к этому христианскому пожеланию автора и молим Бога, чтобы Он, имиже весть судьбами, рассеял те мрачные тучи темных, враждебных Церкви сил, что все больше и больше сгущаются над нашею несчастною Русью, чтобы сыны Руси были искренними и любящими сынами и своей родной Церкви православной, чтоб они не гордились своим великим призванием, — и избавит нас Господь Бог от всякой гордости! — но ценили и свято исполняли свой долг, со страхом вспоминая грозный приговор, произнесенный некогда Господом народу-изменнику: се оставляется дом ваш пуст!.. (Мф. 23, 38). Отымется от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его (21, 43).

О НАСТРОЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЮНОШЕСТВА И ДОБРОЕ СЛОВО ЗАКОНОУЧИТЕЛЯМ

И гнилой хлеб иногда кажется свежим, но стоит только разломить его, как зеленая плесень покажет его негодность. Многое, — ах, как многое! у нас на Руси теперь напоминает этот гнилой, заплесневелый хлеб! Но если преподобный Сергий, после целонедельного поста с благодарением Богу вкушал такой хлеб, от которого летела пыль, несомненно, он глубоко скорбел бы душою, если бы жил в наше грешное время и был свидетелем того, что творится в дорогой ему родной Русской земле в наши дни. Да, всеконечно, и видит он, видят и все родные нам по духу угодники Божий, и возносят Богу свои теплые, скорбные молитвы о нашем вразумлении...

На сей раз я хочу сказать слова два-три о настроениях юношества в наших школах — не о тех глупых ребячествах, какие оно позволяет себе, например, по поводу Бейлиса, а о той почве, на какой растут все подобные уродливые явления русской школьной жизни.

Понадобился мне рисовальщик для моих народных изданий. В дорогом художнике не было надобности, ибо материал был готов: надо было только его использовать для цинкографа. Думаю: доставлю заработок кому-нибудь из учащихся в художественных школах: с готового рисунка перерисовать — дело не хитрое. Обращаюсь к начальнику одного такого училища. Он говорит, что рисовальщика найти можно: есть способные юноши. Только вопрос: какого содержания будут рисунки?

Отвечаю: рисунки к житиям святых, к евангельской истории и под.

— Ну, на это едва ли найдется охотник, — говорит начальник.

— Почему же? — спрашиваю я.

Он как-то многозначительно пожал плечами и улыбнулся.

— Да в чем дело? — спрашиваю я.

— А в том, говорит, что наша молодежь таких тем недолюбливает, ладаном пахнет.

Из дальнейшей беседы мне стало ясно, что большинство молодежи заражено неверием и стыдится Христа, что их наставники — конечно, за некоторыми исключениями — не только не дают примера веры своим ученикам, но в своем поведении дают печальный пример, а те, в коих еще не погасла вера, боятся и стыдятся напомнить о ней ученикам, чтоб те не считали их отсталыми, ретроградами, мракобесами... И это в так называемых “христианских” школах! Чувствуется, что если бы кто из учащихся или начальствующих потребовал от учащихся исполнения христианских обязанностей, то, если не последовала бы немедленно вспышка протеста, то такой “ханжа” был бы подвергнут жестокому бойкоту...

Я представить себе не могу, если бы, например, в университете начальство потребовало бы формально, чтобы православные студенты университета или другого высшего учебного заведения ходили в церковь по праздникам — что бы произошло тогда. А за университетами потянутся и все средние учебные заведения... “Нет, уж лучше предоставим-де это совести самих учащихся! Ведь, религия есть дело совести: зачем в это дело вмешиваться?”..

Так, прикрывая себя выдуманным иудеями софизмом, руководители нашего юношества уклоняются от исполнения своего прямого и первейшего долга — воспитывать добрых христиан в лице вверенных им юношей и закрывают глаза, чтобы не видеть того, как на их глазах отравляется целое поколение будущих русских граждан неверием, как растут плевелы и заглушают последние ростки веры в юных душах...

Не правда ли: это похоже на то, если бы кто, зная, что хлеб заплесневел, не решался бы разломить его, чтобы гнилая пыль не полетела ему в нос или глаза? А, ведь, скоро или долго, а этого не избежать... Мы закрываем глаза на то, как растет наше молодое поколение; мы видим, чем и как его отравляют духовно, мы знаем, что оно идет на смену нам, а нам будто и горя мало! “После нас — хоть потоп!” Страшно, непростительно!

Я представляю себе положение добросовестного законоучителя в среде таких учителей и воспитателей. На него смотрят как на какого-то юродивого, как на полуидиота: на его счет сыплются всякие остроты и шутки, ему приходится слышать нередко кощунства, разумеется — лишь бы не вывести человека из терпения, лишь бы он не поднял дела формально. А за учителями туда же идут и мальчишки. Да, мальчишки, даже не юноши! Говорил мне один законоучитель гимназии, как один мальчуган низшего класса, на уроке по священной истории, спросил его: “а правда ли, батюшка, что человек произошел от обезьяны?” Вопрос был сделан с несвойственной ребенку усмешечкой. Батюшка ответил ему: “поздравляю вас с такой бабушкой”. Общий смех товарищей пристыдил вольнодумца, который хотел поставить законоучителя в тупик. А число таких вольнодумцев, с переходом в высшие классы, растет все больше и больше. Знал я доброго юношу-семинариста; учился он хорошо, был назначен в академию, но увлеченный примером ветреных товарищей, захотел в университет. Чтобы не обижать отца-священника резким отказом от академии, он нарочито на приемном экзамене провалился по церковной истории, получил чуть ли не единицу, и не был принят. А в университет, конечно, поступил беспрепятственно. Прошел год. Встречаюсь с ним. Мой малый начинает говорить не то, что было раньше. Спрашиваю: скажи откровенно: да в Бога-то ты веруешь? — Как же, верую, верую, только не по-казенному... — Что это значит? — Да там, в семинариях, многое от нас скрывали... И понес такую чепуху, что я отказался слушать его бредни. Еще через год он был уже обработан совсем по-современному: в Бога не веровал, “режим” разносил, словом — готов молодец для иудейских услуг. И это, ведь, не исключение, это — тип современных, ветром гонимых юношей. То же и среди девиц, если они, несчастные, тянутся на разные курсы, начиная с зубоврачебных и кончая философскими. Каких-каких мудростей не наслушаются они там! А основной тон всех этих лекций не новый: их записал, еще задолго до Рождества Христова, мудрый творец книги Премудрости Соломона: “Случайно мы рождены и после будем как небывшие... тело наше обратится в прах и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших... Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностию... и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни” и т.д. (Прем. Сол. 2, 2-7). И грустно бывает, когда встретишься с таким юношей или с такою девушкой: холодом веет от них, смотрят они на тебя как-то свысока, как на “отсталого”, забрасывают мудреными, иностранными словами, а того и не подозревают, что эти слова давным-давно людьми умными изношены и брошены, как ни на что не годные. Но эти несчастные, ведь, веруют в них, как в аксиомы!

Не знаешь, с какой стороны подойти к такой душе. Сердечно жаль их: случись какая-либо неудача в маленькой сфере их личных интересов, — и крушение готово: “не стоит жить”, “жизнь надоела” и подобные посылки, а заключение — ужасная развязка, и погиб человек! Недавно в “Христианском Содружестве учащейся молодежи” был доклад о школьных самоубийствах: жалею, что не мог быть там. Но само собою понятно, что все дело заключается в том: верует ли в Бога юноша или девица? Если верует, то есть опора против великого искушения для юной души, если же вера утрачена, то разве особая милость Божия, за молитвы родителей или Церкви, может отвести несчастную душу от края погибели.

В последние месяцы во всей России были съезды законоучителей: нет сомнения, что почтенные отцы ставили и этот больной вопрос и обсуждали, как бороться с школьными самоубийствами. Но и помимо самоубийств было о чем сговориться батюшкам. Но вот наше

горе: поговорить-то мы любим, даже поспорить не прочь, а провести в жизнь то, что подсказал здравый разум и совесть, у нас, большею частию, недостает ни сил, ни умения. Да, кроме того, необходимо еще и христианское терпенье. Словом — нужен подвиг, личный подвиг законоучителя, чтобы проводить в жизнь, сначала лично свою, а затем и питомцев своей школы, которые положены в основе Христова Евангелия и проповедуются постоянно, на протяжении почти 20 веков, Церковию Христовою. Законоучитель, как пастырь Церкви, облеченный благодатию священства, должен помнить, что он — не простой учитель, а продолжатель дела Христова на земле, что на это дело он уполномочен в таинстве рукоположения, что изменять сему святому, делу уступками духу времени, малодушничать пред слугами врага Божия, каковыми, в сущности, являются все эти либеральствующие кощуны-учителя, — страшно преступно; что наоборот: если он будет верен заветам Господним, то Сам Господь и будет чрез него делать Свое дело, вразумляя его, укрепляя силы его, посылая ему, иногда даже для него неожиданно, добрых сотрудников.

Благоговейно совершай службы Божий, не опускай случая сказать теплое, от души, хотя и краткое, слово назидания, к жизни учащихся приложимое, особенно же возбуждай в себе благоговение к слову Божию (читай в классе выдержки из слова Божия так, как бы ты сам учился у Христа, как бы слушал Его!) и, по мере сил, осуществляй завет любви, наипаче к “малым сим”, коих души тебе Христом вверены — и ты увидишь, что к тебе потянутся сами собою эти души: сначала поодиночке, как бы украдкой от товарищей и подруг, а затем, Бог даст, эти Никодимы станут привлекать к тебе, лучше сказать — ко Христу, в тебе и чрез тебя действующему, и других... Ведь, души юные так отзывчивы! Не следует, впрочем забывать и то, что нет на земле ни одного доброго дела, которое не сопровождалось бы скорбями. Скорби — проба, которую кладет промысл Божий на все дела наши: чисты ли они, есть ли они чистое злато в очах Божиих? Эта проба и очищает наши добрые дела от всякой пристающей к ним нечисти: тщеславия, самомнения, самоцена. Только подумаешь о себе: “вот я какой, — не то, что другие”, а скорбь-то, в том или другом виде, и тут как тут... Смиряйся скорее в таких случаях, считай себя негодным, немощным, сознавай скорее, что не ты дело-то доброе сделал, а Сам Господь чрез тебя — скорее, говорю, ныряй под набежавшую волну, как делает искусный пловец, и она, эта волна искушения, перекатится чрез тебя, и ты снова вынырнешь из-под нее, сильный и бодрый и более прежнего опытный — для новой борьбы, если это будет потребно. Кто бы что ни говорил, а юное сердце более нашего чутко к добру, к истине, к свету: твои слушатели, твои ученики, по крайней мере, лучшие из них, сердцем почуют в тебе Христова послушника и пойдут за тобою. И это совершится незаметно, силою Христовою, в тебе действующею. Надобно, непременно надобно, чтобы каждый законоучитель воспитал в себе это мистическое чувство — я сказал бы — смиренного послушничества у Христа: не может быть, чтобы более чуткие души не почувствовали этого... А почувствуют, и потянутся к тебе: сначала робко, а потом смелей и смелей. О, конечно, враг не оставит тебя в покое; он не простит тебе, если хотя одну душу привлечешь к Церкви, а чрез Церковь — ко Христу: в своей проклятой ревности он найдет себе сотрудников прежде всего в тех, кто должен бы помогать тебе в твоем святом служении, но не смущайся, храни мир души, помни, что Христос сильнее врага, что они не ведят что творят, исполняя волю врага, молись о них, чтоб отверзлись их очи душевные и познали они, кому работают; молись о них, как о благодетелях своих, которые не дают тебе любоваться на себя, показывают тебе твои немощи, заставляют тебя почаще заглядывать в свое сердце: нет ли там, не притаилось ли что недоброе, в очах Божиих нечистое? А себя укоряй: не подаешь ли им сам ты повода к недобрым к тебе отношениям? Вини во всем себя самого и говори Господу в молитве своей: покажи мне, Господи, мои немощи, даруй ми зрети мои прегрешения; покажи мне, Господи, их добрые качества, Тебе единому ведомые, да возлюблю в них образ Твой, да познаю, сколько они выше меня в очах Твоих...

Слава Богу: еще есть на Руси такие идеальные законоучители. Где они? кто они? — Знаю некоторых, верую, что много их рассеяно по весям и градам родной земли, но о живых не подобает говорить, чтобы не навести на них искушения, ибо сказано: “похвала человеческая хуже бесовской”. А из почивших более ярко рисуется мне светлый облик моего дорогого друга, незабвенного о. Михаила Ивановича Хитрова, бывшего законоучителем в Николаевском институте в Москве. Кто хочет поближе познакомиться с этим законоучителем, этою кристально чистою душою, тому предлагаю прочитать составленный мною очерк его жизни, в предисловии к собранию его назидательных статей, под общим заглавием:

“Голос пастырского сердца”. Недолго он был законоучителем в этом институте: его идеальное отношение к исполнению своего законоучительского долга возбудило зависть в тех, кто не думал об идеалах христианского воспитания, и святитель Митрополит Сергий взял его оттуда, чтобы поручить ему Филаретовское женское училище, с 600 воспитанниц; но его ученицы-институтки приходили к нему и сюда, чтобы поверять ему свои скорби и искать руководства в христианской жизни. В 1898 году он был назначен руководителем курсов для учителей и учительниц второклассных школ. За время курсов, в каких-нибудь полтора месяца, он так привязал к себе курсистов, что они, даже учителя, не говорю уже об учительницах, плакали, прощаясь с ним. На прощанье они поднесли ему икону Спасителя, а его супруге — прекрасный его портрет, написанный одним из курсистов. К сожалению, не долго пожил этот пастырь-законоучитель...

Ныне говорят: надо “христианизировать” общество. Но Древний апологет, семнадцать столетий назад, сказал, что “душа человеческая, по природе, — христианка”. Грех гипнотизирует душу, подчиняет себе волю человека, ослепляет его, порабощает. Надо освободить юную душу от этого гипноза, дать опытом сердца изведать, что такое Христово учение, как оно жизненно, животворно, какое счастие быть христианином, быть живым членом тела Христова — Церкви православной. К несчастию, нынешние, так называемые, христиане живут вне Церкви, и этого счастия не понимают. В их полу христианских — полуязыческих, по духу, семьях растет молодое поколение наше. И все дальше и дальше наше интеллигентное общество отходит от Церкви, проникается духом язычества, духовно слепнет и заражается духом непонятной, стихийной вражды к матери — Церкви. Наш святой долг, долг пастырей Церкви, долг законоучителей — уничтожить этот гипноз, вернуть в Церковь уходящих из нее, опытом сердца ввести их в общение с небом, сделать живыми членами тела церковного. А для этого, прежде всего, надо самим нам жить жизнию Церкви: тогда только наше слово будет живою водою, утоляющею жажду души, живым словом опыта духовного. И юные сердца раньше других отзовутся на наш призыв, и начнется, Бог даст, обновление русской жизни на началах святого православия...

КУДА МЫ ИДЕМ?

(К сведению законосоставителей)

Что мы делаем? Куда мы идем? Куда толкаем наш добрый верующий народ? Или мы Бога не боимся?..

Вот вопросы, — нет: — стоны сердца, коими приходится начинать почти каждую статью, каждую заметку в газете, если нужно говорить о том, что творится у нас на Руси, как развращают наш народ, как непростительно-небрежно относятся к исполнению своего долга те, кому ведать сие надлежит!

В правительственных учреждениях обсуждается новый закон о печати. В то время, когда мы, люди преданные вере, Церкви, Царю и родине, ждать не дождемся, когда наконец обуздают

нашу печать, когда мы избавимся от удушающего нас угара и кошмара, напускаемого на нас посредством печатного станка, — семиты природные и семиты арийского происхождения, каким являются, несомненно, наши иудействующие интеллигенты, всеми силами стараются снять всякую узду с печати... А казалось бы: чего уже еще надобно? Какой свободы? Издаются и распространяются, в несчетном количестве экземпляров, книги и брошюры, не говорю уже о ежедневной отраве в виде газетных листов, — издаются и для простого народа, и для интеллигенции такие вещи, что срамно есть о них и глаголати... Богохульство, кощунство во всех видах, самая бесстыдная порнография — все находит себе издателей, находит сбыт и отравляет и народ, и интеллигенцию нашу. Да, и интеллигенцию. Кто читает газету "Новое Время", тот из статей г. Ст-на знает, какою мерзостью недавно угостил некто Карпов нашу интеллигенцию, выпустив книгу в 1 р. 30 к., в коей, смакуя всяческие мерзости хлыстовских радений, доходит до ужасных богохульств и сатанинской мессы... А для простого народа та же порнография — в мелких брошюрах, в газетных листах, миллионами распространяемых в провинции развратителями нашего народа — иудеями.

На сих днях, в жидовской газете "День", один жид позволил себе такую отвратительную выходку с описанием изображения Богоматери, что "мы, говорит "Р. Знамя", затрудняемся привести ее в дословной перепечатке. На сей раз даже "Новое Время" вышло из терпения: перепечатывая кусок заметки жида Флексора, который в кощунственно-порнографической форме издевается над Богоматерию и Спасителем, "Новое Время" пишет, что можно счесть отзыв жида за отрывок из балетной рецензии новейшей формации, вопль какого-нибудь чувственника-новоэстета, все, что угодно, только не то, что есть на самом деле. Но этого мало, говорит "Р. Знамя": следующее дальше место кощунственной заметки, где жид пишет о Христе, невольно заставляет сжимать кулаки от жгучего чувства негодования и обиды!.. Что делать?! — вырывается крик из наболевшей души... Защитите же нас, наконец!.." Так заключает газета.

Мне скажут: на что же власти? где цензура?

Она, ведь, в сущности, давно уничтожена; мерзость давно гуляет, как чумная зараза распространяется по Руси, пока наконец-то ее заметят, обратят внимание кого следует, последует распоряжение изъять ее из продажи, а — смотришь — она уже вся распродана, и — лови ветер в поле!..

Хотите иллюстрацию к тому, что говорю? — Извольте!

Я получил брошюрку, под довольно длинным заглавием:

"Хитромудрый (умный) способ отравления души малорусского народа его просветителями безбожием и безнравственностью". Автор — Михаил Вербич. А издал брошюрку воронежский еп. миссионер Л. 3. Купце вич. Автор не напрасно поставил в эпиграфе жалобу царя-пророка Давида: "Время сотворити Господеви, яко разориша закон Твой" (Пс. 118, 126). Видно его русское верующее сердце чувствует, что такие явления, как то, о коем он хочет писать, даром не проходят, не только для тех, кто является ближайшим их виновником, но и для несчастного народа нашего...

А пишет он вот о чем.

"Самый популярный писатель у нас, — в Малороссии, — это малорусский поэт Тарас Гр. Шевченко. Начиная с 40-х годов, его сборник стихотворений, под названием "Кобзарь", издавался много раз и возбудил к себе общую любовь. Во всех изданиях прошлого столетия не было ничего антирелигиозного, противозаконного. И вот, в 1906 году Полтавское губернское земское собрание, зная поэзию Шевченко по этим только сборникам, "Кобзарям", испросило разрешение на сбор пожертвований на памятник Шевченко и на постановку этого памятника в матери городов русских, в Киеве. Около того же времени в Петербурге, "Общество Т. Г. Шевченко", в 1905 г., представило в цензурный комитет самый полный сборник "Кобзаря",

напечатанный в Австрии, во Львове, в 1902 г., и цензура разрешила печатать “Кобзарь” этот без всяких сокращений. Сказанное общество вошло в соглашение с другим — “Благотворительным обществом издания общеполезных и дешевых книг”, тоже в Петербурге, и, за время с 1907 по 1909 г., выпускает до 40.000 экземпляров. — Теперь дальше. Общество перепродает право издания книгопродавцу Яковенко, который выпускает за два издания не меньше 30,000 экз. Итого, за четыре издания, отпечатано было 70,000 экз. Но вот, в феврале 1911 г. все четыре издания были объявлены конфискованными. Но эта конфискация была в пустой след! Ведь, три первых издания были уже распроданы: иначе не было бы надобности выпускать 4-е, которое одно и могло быть конфисковано, да и то довольно поздно. Все же можно думать, что 60,000 экз., если не больше, распродано. Это полнейшее издание “Кобзаря” разошлось, конечно, главным образом по Малороссии и его можно встретить, и теперь даже, и в сельских, особенно земских читальнях-библиотеках, не говоря уже о частных домах”.

В чем же дело? За что цензура, даже параличная цензура минувшего пятилетия вынуждена была проснуться, обратить внимание на сборник Шевченко и “объявить конфискованным” экземпляры четырех изданий его?

Простите, читатели мои! Есть вещи, коих опасно касаться, чтобы не заразиться, не осквернить душу: от одного прикосновения остается на душе такой нестерпимый смрад, что не знаешь потом, куда убежать от себя, как забыть прочитанное. О таких вещах лучше не говорить; в предостережение скажу одно: если бы в свое время бывший председатель общества имени Шевченко, сенатор Маркович, представивший книгу в цензуру, заглянул в сборник, то с негодованием отбросил бы его прочь; если бы цензор исполнил свой долг, то книга не пошла бы в народ в количестве 60,000 экз., как смрадная отрава для простых душ. Ведь, хочется верить, что и сенатор Маркович, и цензор были христиане... Бог же будет судиею как им, так и всем, кто участвовал в издании и распространении книги.

Обходя молчанием смрадные места, я приведу из присланной мне брошюрки малое нечто, чтобы не быть голословным совсем. Вот признания самого Шевченки о своей нравственности: “я так опоганывсь, що и не знать, чы був я чыстым колы небудь... Души убогой пураюсь, своей грешной души!” — Вот свидетельство самого автора о том смраде, о той “погани”, которую он вылил в своих запрещенных потом цензурою стихах и от которой он не знал, куда деваться — по его собственному выражению — “чурался своей души!” Известно, что Шевченко умер от водянки в груди, которая была следствием пьянства. Вот что читаем мы в 3-м томе сочинений г. Кулиша о его друге Шевченке: “Что же, главным образом, не давало возможности Кулишу спасти Шевченка из пьяницкой геенны? Мешали этому доброму делу те приятели Тараса Шевченка, которые, как летучие мыши на свет, летели из своей темноты на славу Кобзаря. Они потакали всем его дурным привычкам, гадостям, и как жиды-шинкари спаивают в селах богатого крестьянина, так они спаивали в столице поэта. Об этом можно многое бы вспомнить, да не прилично Кулишу копаться в гадостях”. Но тот же Кулиш нашел “приличным” печатать литературные гадости Шевченки, издавая сборник его стихов за границей.

Между прочим, вот что приводит упомянутая брошюрка г. Вербича из стихотворения “Цари”: “уж сильно и мне надоели те мужики да женщины обмануты (покрытки); хотелось бы согнать оскому на коронованных главах, на помазанниках Божиих... Далее — фраза, которую выписывать здесь не дерзаю. И выругавши пророка — царя Давида и сына его Амона за Фамарь, и князя Киевского Владимира за Рогвольда и Рогнеду, Шевченко заканчивает так: “дай Бог, чтобы палачи пообезглавливали царей”... Снова ругательство по адресу Царя... “Будем багряницы рвать на портянки, из кадил закуривать трубки, а явленными иконами печи топить, а кропилами будем хаты выметать”. И это писал поэт только за полгода до своей смерти, как говорит дата под этим стихотворением его. Скажите, восклицает г. Вербич, как же можно ставить памятник в священном городе Киеве такому поэту? Ведь, это значит одобрять его

кощунственные вирши?! Кто такое Шевченко, что для него позволительно было оскорблять своим пьяным языком религиозное и верноподданическое чувство верующего царелюбивого народа?! Ведь, запрещаем же мы в публичных местах всякую брань? Ведь, есть же статьи закона, карающие за кощунство?! А разве это — не оно? Будь это напечатано в газете, в журнале, разве это могло пройти безнаказанно? А мы за кощунство ставим памятник?!.. Скажите: не опозорит ли себя православная Русь постановкой памятника этому богохульнику в священном городе Киеве?..

А вот еще образец его пьяной поэзии: стихотворение, посвященное какой-то девице Надежде Тарновской: “Великомученице кумо! глупая ты!.. Ты ждала жениха, та целомудрие хранила, та Матерь Божию гневила (?!), та сильно боялася греха — прелюбодействовать. Наплюй ты на ту девичью честь и от искреннего сердца, хоть раз, милая, спрелюбодействуй!”.. Ну, скажите: не прав ли был покойный друг Шевченка, который назвал его музу пьяною за такие стихи? — Еще из его же стихов: “А може и сам Ты (о Боге) на небеси смиешся над нами, та может быть, советуешься с панами, как управлять миром? Нет ничего на земли святого! Мне кажется, що и самого Тебя (Бога) уже люди прокляли”... Но довольно... Тошнит от этой “гадости”... И фигура этого пьяницы-стихоплета будет украшать улицы матери городов русских, стольного града Киева, наравне с памятниками князю Владимиру, Николаю I, Александру II и Богдану Хмельницкому, в виду святой великой Лавры Печорской, сего Иерусалима Русской земли?.. И на эту фигуру-статую собрано — не только частными лицами, конечно, — интеллигентами, но и земствами, следовательно — собрано с простых мужичков, которые о Шевченко и не слыхивали, — не много не мало — сто тысяч рублей!

Да что это, в самом деле, как не помешательство какое-то? Что это как не кощунство над святынями русского православного сердца? Если уж собрали деньги, то помогли бы его многочисленным беднякам-землякам выкупить земли у поляков, устроиться получше, как это советует одна киевская малороссийская газета. Они и помолились бы за душу грешного несчастного писателя, погибшего от пьянства, в таком богохульном настроении: замечательно, что почти все вышеприведенные выписки сделаны из стихов, писанных в последние годы его жизни.

Пишу я эти строки, и думаю: вот накинутся на меня и ревнители поэзии, и сторонники мазепинщины, и разные краснотряпичники: чего им лучше — поставить среди Киева памятник безбожнику, который призывал народ из кадил закуривать трубки, а кропилами хаты подметать! Не вижу я надежды, чтобы кто-либо внял моему одинокому голосу... напротив: в наше время такие протесты способны жару поддавать всем этим господам заправилам по части памятников атеистам и революционерам... Но и молчать благоразумно ли? Ведь, на наших глазах делается все, чтоб перевоспитать народные массы в духе безбожия, анархии, в духе безнравственности... Ведь, вот в каких-нибудь три года разошлось же 60,000 сборников, и кто поручится, что их не выписывали для своих школ разные земства, вроде Полтавского, первого поднявшего вопрос о памятнике Шевченку? По нашей халатности, могло даже случиться, что и выписка-то сделана в неведении, какие перлы безумия и кощунства заключаются в “полном” собрании стихов Шевченки. А, между тем, 60,000 экз. кощунственных стихов свое дело делают, всасываются в умы молодежи, заучиваются наизусть, и в свое время плоды приносят... Известно, ведь, что стихи усвоить на память легче, чем сухую прозу. Известно также, что во время нашей проклятой смуты в ней участвовало учителей и учительниц земских школ до 22,500 человек, да церковных школ 163 человека... Было кому подыскать подходящее стихотворение и подсунуть детям. Ведь, именно в этом году и вышло первое полное-то издание сборника...

Приславшие нам упомянутую брошюрку совершенно основательно пишут, что постановка памятника поэту-кощуннику будет лучшей рекламой для распространения его сборника “Кобзарь”, а живущие повсюду среди малороссов жиды не преминут воспользоваться сим для

своих богомерзких целей к подрыву веры в народе и уважения к царской власти. Какой же он, Шевченко, народный поэт, если он издевается над верою народа, предки коего пролили реки крови за свою святую веру?

Хороша же была у нас и цензура! Хорошо и наблюдение за печатью! А еще жалуются на стеснения, еще требуют какой-то “свободы”... Да печатай себе, что угодно, только не попадайся, сам не напрашивайся на конфискацию, на штраф, да не касайся тех, кто имеет личный интерес следить за твоими “выступлениями”; ну, тогда, конечно, тебя оштрафуют...

Мы все еще как будто верим, что государство состоит в союзе с Церковию. Так ли? Вот гуляет по Руси святой возмутительнейшая, богохульнейшая книжонка. Ужели пастырям Церкви она доселе в руки не попадалась? Ужели миряне-то, мирская власть, ею так и не поинтересовались? В ней есть столь зловонные места, что не только православный, но и каждый католик, даже честный порядочный лютеранин должен бы возмутиться... Но в три года расходится 60,000 экз., а может быть и больше, пока кто-то, наконец, обратил внимание властей, и книга объявлена конфискованною, во всех четырех изданиях. Любопытно: как это было можно конфисковать уже распроданные экземпляры? Да еще в таком огромном количестве?.. Постановили и... успокоились за невозможностью исполнить постановление. Мало того: сделали рекламу, якобы конфискованным, экземплярам. А теперь памятник будет им новою рекламой.

Я извиняюсь, что так долго остановился на богохульном и — да позволено будет сказать — пакостном сборнике Шевченки (разумею полный сборник) потому, что слишком велико зло, какое он внес в народную душу своим многотысячным распространением, слишком велик грех лег на душу тех, кто издавал и распространял его, и не мирится душа с тем, что этому пьянице-стихоплету, употребившему дар Божий на богохульство и пакостничество, ставят памятник, да еще — в купели русского православия!

Но, как я уже сказал в начале статьи, это — пример не одинокий. Каждый год, каждый месяц, каждый почти день выходит множество книг, брошюр, журналов и газет, несущих в душу несчастного Русского народа — как народа в собственном смысле, так и нашей интеллигенции — все тот же яд уже не просто отрицания, нигилизма, а и смрадной отравы открытого богохульства и порнографии... Некоторые издатели специализировались на том, чтобы выпускать целые серии, в которых систематически, с иллюстрациями, популяризуется материализм, дарвинизм, и прочие “измы”. Рядом печатается изображение скелета обезьяны и человека и тут же услужливо объясняется их родство (с чем и поздравляю авторов и издателей! См. Псал. 48, 21). В книгах, с виду совершенно научных, от имени науки проповедуется, что Ветхий Завет, в нынешнем его составе весь подделан, что народ еврейский искони был бессовестнейшим народом, что таковы были и его предки, например Авраам (это — тот, о котором Апостол Павел пишет, что он друг Божий наречеся!), что все патриархи были люди... ну — словом — недостойные уважения, — и все это читается нашей интеллигенцией, и отсюда-то черпают писатели-публицисты свои “исторические и критические” познания по Библии.

Но, оказывается, и этого все еще мало для требующих “свободы” печати: недоумеваешь — да чего же еще им нужно?..

И сжимается сердце болью-тоскою за несчастную Русь, и хочется крикнуть снова и снова:

Да куда же мы идем? Что мы делаем? Гнев Божий на свою Русь призываем!!!

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВОЛХВЫ И МУДРЕЦЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Воссияет Звезда от Иакова и восстанет Человек от Израиля... Числ. 24, 17.

Видехом звезду Его на востоце и приидхом поклонитися Ему. Мф. 2, 2.

Звездам служащие звездою учахуся
Тебе кланятися Солнцу правды и Тебе ведети с высоты Востока

Тропарь праздника.

Дивны пути Промысла Божия в судьбах мира, неисповедимы они в домостроительстве спасения рода человеческого! Самые заблуждения людей, если только они искренни, если только человек ищет истины Божией от чистого сердца, Господь направляет ко спасению человека.

Господь Бог наш не есть Бог только иудеев, но и язычников: Он есть Творец и Спаситель всех сынов Адамовых. Народ еврейский избран был из всех народов земных только для того, чтобы сохранить в нем, посредством особого водительства Божия, начатки истинного богопознания среди той тьмы, в какую погрузилось грешное человечество ко времени пришествия в мир Спасителя мира. Ко спасению же и призывал и приготовлял Господь всех людей, весь род человеческий. У ветхозаветного евангелиста, как называют великого пророка Божия Исаию, есть небольшая, но чудная картина, изображающая как бы в лицах состояние и чаяния древнего языческого мира под образом мрачной ночи. Пророк говорит о потомках Исава, но слово его может быть отнесено ко всему языческому миру.

“Кричат мне с Сеира, говорит пророк: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож”, то есть, сам пророк, “отвечает: приближается утро, но еще ночь!” (Ис. 21, 11-12).

Не слышится ли в этом нетерпеливом вопросе обитателей горы Сеира томительное желание всех народов земных, сидящих во тьме и сени смертной (Мф. 4, 16), скорее видеть обетованного Примирителя, вожделенное Чаяние всего рода человеческого? И лучшие из язычников, действительно, сами глубоко чувствовали слабость своего ума к познанию истины Божией и желали помощи свыше. “Не надейтесь исправить человеческие нравы, говорил великий мудрец языческой древности Сократ, доколе Сам Бог не благоволит послать особенного Мужа для наставления нас самих”. — “Не быть на земле порядку, говорил другой мудрец, Платон, если только Сам Бог, сокрывшись под образом человека, не разъяснит нам наши отношения к Богу и к ближнему”. А в преданиях народов восточных чрез две тысячи лет сохранялось пророчество Валаама, мудреца, современного Моисею: воссияет Звезда от Иакова и восстанет Человек от Израиля...

И вот, желанная, столь давно ожидаемая звезда воссияла, наконец, и мудрецы Востока двинулись в путь, в далекую Иудею, водимые чудною звездою... И достигают они смиренного града Давидова, Вифлеема, и падают до праха земного пред Божественным Отрочатем... Умилительно это глубокое смирение волхвов, по преданию, не простых мудрецов, а носивших даже царственное достоинство: не знали они еще заветов Христова Евангелия, не знали даже ветхозаветного учения об этой матери добродетелей — смирении, но сколько смиренной мудрости является в патриархальной простоте сих ученых мужей языческих, у коих должно бы поучиться многим ученым мужам христианским! Не соблазнило их то, что не в царских чертогах обрели они Царя, самим Небом им возвещенного, а в убогой храмине, быть может, в хижине какого-нибудь бедняка-ремесленника. Им дела нет до того, что Он возлежит, если уже не в яслях скотиих, то в убогой колыбели, повитый столь же убогими пеленами, яко сын убогого древоделя... Они видят в Нем великого Царя, видят — исполнение древних обетовании Божиих и чаяний человеческих. За то и удостоились они великого счастия — быть первенцами Церкви

Христовой от язычников и апостолами для своих соплеменников прежде самих богоизбранных Апостолов.

Так звезда явилась для волхвов безмолвною проповедницею Бога, явльшагося во плоти, и звездам служащий звездою учахуся кланятися Солнцу правды — Христу Спасителю мира. Так Промысл Божий, снисходя немощи человеческой, самое заблуждение смиренных язычников, поклонявшихся звездам, обратил в средство для их же вразумления и обращения к вере, — чрез то, чему они служили, как Творцу, привел их к познанию Самого Творца, смирившегося даже в рабия зрака — до воплощения от Девы-Матери.

Прошло почти две тысячи лет с того времени, как совершились сии евангельские события. От благословенной ночи Рождества Христова наша мысль невольно обращается к нашему грешному времени, от звезды Вифлеемской — к тому, что творится вокруг нас, от волхвов-мудрецов — к тем, кто мнит себя ныне носителем мудрости, представителем науки и, так называемой, культуры. И совесть настойчиво требует сравнить, что было тогда — с тем, что видим теперь, и сравнить уже при свете правды Христовой, при свете Христова Евангелия. Ведь, то, что в ветхом завете и во времена язычества прощалось, как грех неведения, как грех безблагодатного времени, то среди народов, носящих имя Христово, является уже великим преступлением, тяжким грехом нередко грехом против Духа Святого.

Да, глубокая тьма богоневедения покрывала все народы земные в то время, когда над Вифлеемом воссияла звезда от Иакова и в его убогом вертепе родился единый безгрешный Человек из Израиля. В самом народе еврейском едва мерцал свет истинного богопознания в лице немногих избранников Божиих; мрак суеверий, впоследствии исказивший богооткровенное учение до неузнаваемости, до богохульства, в лабиринте талмудических хитросплетений, уже сгущался и искажал истинное понятие о Мессии, превращая Его в народном сознании в Царя-завоевателя, Царя-владыку мира. И однако же, как в языческом мире в сердцах лучших людей, каковы были на Востоке волхвы, звучал томительный вопрос: “сторож! сколько ночи?” — так в среде народа Божия были великие праведники, каковы были Симеон старец и Анна пророчица, коих сердца взывали к Богу:

“Господи, приклони небеса и сниди!” Эти лучшие люди того времени, в простоте сердца, всем существом своим как бы тянулись ко Христу, как тянутся лепестки цветка к солнцу, как жаждущий олень — к источнику воды... А ныне — куда устремлены сердца именующих себя “интеллигентами”, считающих себя цветом человечества, где и в чем хотят они видеть истину, найти свое счастие? Увы — только не ко Христу, только не во Христе, а напротив — от Христа тянутся куда-то в темную, мутную даль всяческих мудровании, туманной лжефилософии, якобы научных гипотез, — словом от христианства к язычеству, от Христа — к Его и нашему вечному врагу и противнику... Тогда мудрецы Востока искали света духовного, как бы прислушивались к указаниям Неба, следуя в благоговении за чудесною звездою — туда, куда она вела их, отвергая свое смышление и в то время, когда, может быть, помысл ученого самоцена подсказывал им: “куда вы идете? ужели можно найти что доброе в этой презренной Иудее?” — они, с полною преданностью водительству Божию, шли за звездою именно в эту Иудею, чтобы поклониться ее новорожденному Царю. А ныне, современные нам мнимые мудрецы, считающие себя представителями науки, отвращаются от Солнца правды — Христа и стремятся — не к Церкви, носительнице благодати и истины, а — иные в область древних языческих заблуждений, якобы ищут истины в бреде прельщенных последователей йогизма и спиритизма, а другие — в область полного отрицания духовного мира, во тьму материализма, причем и те и другие, в конце концов, попадают в сети, искусно расставленные исконным врагом Бога и людей в тайне беззакония, именуемой “масонством”. Ибо что такое все эти якобы новые учения — йогизм, оккультизм, пантеизм, спиритизм, материализм и атеизм — в области теории и социализм, либерализм и всяческие “измы” — в жизни, в практике, — что, говорю, все это, как не

возвращение к язычеству времен дохристианских? А поелику все это ныне проявляет себя в среде именующих себя христианами, то не есть ли это то великое отступление, о коем пророчествовал Апостол Павел, отступление от истинной веры во Христа, имеющее быть на конце веков?..

И вот, дерзость врага Божия, врага Церкви Христовой, по грехам нашим, достигла уже таких пределов, что не считает нужным прикрываться и выставлять всем напоказ свое знамя, свой символ, свою печать: в противоположность знамению креста она измыслила свой знак — шести или пятиугольную звезду, представляющую пересечение двух равносторонних треугольников: одного — вершиною вверх, изображающего наш символ веры во Святую Троицу, а другого — вершиною вниз, изображающего, по толкованиям масонов, символ зла, будто бы побеждающего нашу святую веру. Для многих этот символ пока непонятен и его берут, так сказать — из подражания моде, как фабричный знак, — но для тех, кто его выдумал, для слуг сатаны — масонов — он совершенно понятен...

И достойно примечания, что это не какой-либо особый знак, а именно — звезда, как бы напоминание о культе звездопоклонничества: невольно вспоминается звезда языческого “бога Рефмана”, которую почитали евреи, когда изменяли истинному Богу. Мне скажут, что я увлекаюсь, что напрасно придаю такое значение невинной геометрической фигуре, случайно употребляемой в качестве заводского знака. Не спорю, что многие употребляют его просто из подражания моде: но самая мода-то откуда пошла? Кто знаком с историей богопротивного масонства, тот хорошо знает и происхождение этого знака, и его значение у масонов...

Но что же это? Ужели стало возможно среди христиан то отступление, какое было у жестоковыйных сынов Израиля?..

Увы! Люди — всегда люди, и когда они отступают от Божией благодати, то и благодать Божия отступает от них, и они становятся беспомощными, и никакая “культура” не заменит им Божией благодати! Если еще языческие мудрецы заметили, что кого Бог хочет наказать, у того отнимает ум, то что сказать о том, у кого Он отнимает Свою благодать?.. Такие люди скоро падают — до одичания!

И к этому одичанию идут те, которые бегут от Церкви Христовой на страну далече, которые не идут за боготечною звездою с волхвами к Божественному Младенцу в Вифлеем, а спешат за звездою “бога Рефмана”, следуют учениям богопротивным, изменяя Христу и Его святой Церкви. К этому одичанию ведут человечество все проповедники новых, якобы научных, теорий, стыдящиеся Христа, стремящиеся извратить самое учение Христово по духу века сего лукавого.

После сего, как не сказать: не осудят ли вот таких христиан язычники времен дохристианских, не осудят ли их мудрецы древнего мира, с таким нетерпением ожидавшие Дня невечернего, Света превечного, ожидавшие Мужа — посланца Божия для наставления людей?.. Не осудят ли вот эти волхвы, пришедшие издалека, чтобы поклониться Царю Иудейскому и вместе Богу превечному, звездою чудесною им благовествованному?..

Братие возлюбленные! Милостию Божией тьма суемудрых, безбожных, антихристианских лжеучений еще не обуяла нас с вами, и мы вот сегодня, в священный день Рождества Христа Спасителя нашего, собрались в храм Божий, чтобы перенестись духом в смиренный Вифлеем и там поклониться Божественному Отрочати, сему Агнцу Божию, нас ради во яслех возлежащему, вземлющему на Себя грехи всего мира и готовому на крестное заклание... Возблагодарим же Его, премилосердого, за таковую милость Его к нам, грешным, раскроем пред Ним свои раны душевные, покажем Ему язвы своего измученного грехом сердца: ведь, пока мы не бежим от Его смиренных яслей, дотоле и Он не покинет нас, а пока Он не покинет нас, дотоле не закрыт нам доступ к Его отеческому сердцу, дотоле открыты и для нас Его отеческие объятия.

Но и этого мало. Волхвы принесли Ему дары. Принесем и мы сердце сокрушенное и благоуханный фимиам любви к ближнему. Повергнем пред Ним нашу глубокую скорбь о тех несчастных собратиях наших, которые бежат от Его яслей на страну далече, чтобы там питаться тем рождением, коим желал когда-то насытиться несчастный сын блудный, вдали от родины, вдали от любящего отца. О, да коснется Божественное Отроча сердец их, да согреет их Своим Божественным смирением, да воссияет им на пути блужданий их Своею звездою благодатною и возвратит к Себе, к Своим яслям, к Своему кресту Своею любовию беспредельною! Аминь.